

С. С. Антипова, Н. А. Коноплёва

ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА
КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ В ВОСПРИЯТИИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Владивостокский государственный университет»

С. С. Антипова, Н. А. Коноплёва

**ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ФОРМА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ В ВОСПРИЯТИИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ**

Монография

*Рекомендовано решением научно-
технического совета ФГБОУ ВО
«Владивостокский
государственный университет»*

Владивосток
Издательство ВВГУ
2026

УДК 37.01.378
ББК 71.05
А72

Рецензенты: *О. А. Лавренова*, канд. географ. наук, д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУ науки «Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук»;
Е. Ю. Потапчук, канд. культурологии, доцент Высшей школы социальных и политических наук ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Антипова, Светлана Сергеевна

А72 **Поэтическая метафора как форма репрезентации российской культуры переходных эпох в восприятии студенческой молодёжи:** монография / С. С. Антипова, Н. А. Коноплёва; Владивостокский государственный университет. – Владивосток: Изд-во ВВГУ, 2026. – 220 с.

ISBN 978-5-9736-0791-3

Монография посвящена исследованию поэтической метафоры как формы репрезентации российской культуры переходных эпох в восприятии студенческой молодёжи (конец XIX – начало XX в. и конец XX – начало XXI в.). Актуальность работы обусловлена значимостью анализа отношения современной молодёжи к российской культуре в самые сложные для страны и травматичные для её народа периоды.

Для преподавателей, аспирантов, студентов, культурологов, лингвистов, специалистов образовательных сфер деятельности, а также тех, кто заинтересован в понимании ценностных установок российской молодёжи и становлении духовно развитой личности подрастающего поколения.

УДК 37.01.378
ББК 71.05

ISBN 978-5-9736-0791-3

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», издание, оформление, 2026
© С. С. Антипова, Н. А. Коноплёва, текст, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ	14
1.1. Художественная культура как подсистема культуры	14
1.2. Поэтическая метафора как форма сохранения-трансляции культурных смыслов и авторских идей.....	27
1.3. Метафора в поэтическом тексте как отражение авторской картины мира	51
Глава 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ НА ЭТАПАХ СМЕНЫ СТОЛЕТИЙ	67
2.1. Революционные преобразования в культуре России на рубеже веков	67
2.2. Метафорические семантические поля, репрезентирующие культуру России конца XIX – начала XX века.....	87
2.3. Метафорические семантические поля, репрезентирующие русскую культуру конца XX – начала XXI века	118
Глава 3. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ	144
3.1. Ассоциативный эксперимент как способ отражения социокультурной реальности	144
3.2. Репрезентация российских социокультурных реалий начала и конца XX – начала XXI века посредством ассоциативного эксперимента.....	152
3.3. Сопоставление социокультурных реалий начала и конца XX – начала XXI века по результатам эксперимента.....	164

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	178
ПРИЛОЖЕНИЯ	196
Приложение 1. Ассоциации	196
Приложение 2. Диаграммы	208
Приложение 3. Семантическая классификация	213

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена необходимостью решения проблемы поколенческого разрыва в восприятии традиционных российских ценностей, критичностью студенческой молодёжи к переходным историческим периодам в культуре России, склонностью к западной потребительской индивидуалистской культуре.

Обращение к российской культуре переходных эпох (конец XIX – начало XX в. и конец XX – начало XXI в.) обусловлено тем, что это время не только трансформации политического строя, радикальных преобразований принципов общественного устройства, роста социальной напряжённости, экономических преобразований, системного кризиса культуры, но и время порождения новых принципов бытия, видов деятельности и поведения человека, меняющих уклад его жизнедеятельности, ценностные установки и картину мира в целом. Переходные периоды – это междувременье, эпохи острого переживания человеком разрыва с предшествующими историческими этапами, апокалипсические моменты в жизни нации.

Культура, тесно связанная с языком нации, демонстрирует особенности бытия человека в соответствующие исторические периоды, его ценностные установки.

Исследование в культуре так называемого «скачка», актуализирующего творческую деятельность писателей и поэтов, направленную на осмысление происходящих трансформаций, «скачка», символизирующего уход от прежних ценностей жизни и постепенное появление новых, можно проследить в художественной литературе соответствующих временных периодов. Причём достаточно часто авторы текстов не могут в явной форме выразить своё отношение (которое не всегда является позитивным) к происходящим в обществе и культуре изменениям. В результате писатели и поэты используют для этого метафорические формы изложения, символический язык.

Метафора – одно из главных выразительных средств искусства вообще, поэзии в частности. Если исходить из того, что искусство есть самопознание существенных сторон культуры того периода, когда создавались исследуемые поэтические тексты, то, познав сущность метафорических высказываний, можно обосновать этнонациональные особенности культуры. При этом поэтическая метафора как феномен российской культуры переходных эпох

в контексте её целостности и типа не только рефлексивует смысло-жизненные установки и картину мира автора поэтических текстов, но и концентрирует, хранит и транслирует ценностные установки, культурную память, социокультурные процессы, происходящие в обществе в указанные периоды.

Недостаточность изученности отношения молодёжи к трансформации культуры, радикальным преобразованиям экономики, принципов общественного устройства, росту социальной напряжённости, меняющих уклад их жизнедеятельности, ценностных установок и в целом картины мира, обуславливает актуальность исследования. В связи с этим особенный научный интерес вызывает не только восприятие поэтами социокультурных реалий того или иного периода и отражение их в авторских текстах, а возможность через проведение ассоциативного лингвокультурологического эксперимента осмыслить представления студенческой молодёжи о России переходных эпох.

Проблематика взаимодействия культуры и языка исследовалась ранее в лингвистике, этнологии, социолингвистике, этнопсихолингвистике, страноведении, межкультурной коммуникации и других науках, но именно культурология как отрасль интегративного научного знания позволила рассмотреть сущность взаимодействия культуры и языка и выявить культурные смыслы переходных эпох. При этом язык рассматривается нами как культурный код нации, хранитель и транслятор национальной культуры.

Настоящее исследование посвящено не только осмыслению сущностного содержания метафорических поэтических конструкций, репрезентирующих авторское восприятие российской культуры переходных эпох, но и направлена на выявление того, как современная студенческая молодёжь относится к данным периодам в жизни страны.

Изучение поэтических метафор позволяет рассмотреть их как культурное явление, функционирующее внутри культурной системы эпохи и репрезентирующее её смыслы и ценности. Таким образом, необходимо подчеркнуть актуальность данной работы, поскольку исследование метафоры как информационного культурного кода актуально для понимания преемственности культурных ценностей и разработки практических подходов к работе с молодёжью.

Обращение к проблеме разработанности заявленной темы продемонстрировало наличие значительного количества научных работ, посвящённых изучению метафорических образований в контексте литературоведения, лингвистики, лингвокультурологии, психологии, философии. Истоки исследований можно обнаружить в трудах таких древнегреческих учёных, как, например, Аристотель. Многие известные учёные (психологи,

лингвисты, философы) на протяжении столетий затрагивали в своих исследованиях вопросы метафорического познания мира в аспектах взаимодействия языка, мышления, сознания и культуры. Так, в философии теория метафоры разрабатывалась в трудах Аристотеля, Т. Адорно, Дж. Вико, П. Рикера, Ф. Ницше. Широкое использование метафор в обычной речи обусловлено особенностями человеческого мышления и мировосприятия. Поскольку наше исследование касается взаимодействия языка и культуры, особое внимание было уделено работам, где метафора не просто инструмент языка и речи, литературный троп, но и особая форма, демонстрирующая специфику национально-культурного наследия, выраженного в языке. В данном аспекте метафора рассматривается в ряде работ лингвокультурологов (В. А. Маслова, Е. В. Стоянова, В. Н. Телия, Э. Р. Хамитова, Е. Е. Юрков и др.). Данные исследователи имеют схожий взгляд, сущность которого заключается в том, что поиски лингвокультурных проявлений метафоризации ведут к необходимости исследования особенностей культурного миропонимания наций, во многом определяющих специфику национально-языковой картины мира и национального языкового сознания. Причём в контексте лингвокультурологических исследований значимым является понятие культурной обусловленности языка (культурная коннотация), обоснованное В. Н. Телия.

Обращение к проблеме обусловленности метафор национальными культурными проявлениями было характерно для исследований, осуществленных в XX в. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, обосновавшими, что глубоко укоренившиеся культурные ценности согласуются с метафорической языковой системой. Культурные ценности образуют вместе с метафорическими понятиями, бытующими в культуре, согласованную систему взаимосвязи языка и социокультурных смыслов жизнедеятельности человека. Подобные идеи высказывались многими отечественными лингвистами (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, В. Г. Гак, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия, В. А. Успенский, А. П. Чудинов и др.). Кроме того, среди российских учёных, чьи исследования являются основополагающими для нашей работы, можно назвать А. Н. Веселовского (в работах сформулирована мысль о том, что в основе метафоры лежит идея метаморфозы, в ней отражается поэтическое видение мира), А. Ф. Лосева (в его трудах раскрыта когнитивная структура символа через анализ метафоры), М. Ю. Лотмана (разработал семиотический подход к культуре, в основе которого лежат знаки и символы; представил культуру в виде текста в широком смысле; ставил вопрос об отношении культуры к основным способам её передачи и хранения, а именно к понятиям языка

и текста), А. А. Потемни (проанализировал языковую метафору, выделил и описал её синтаксические позиции), О. М. Фрейденберг (в её работах метафора представляется как троп, элемент сложившегося «образа», поэтический приём; под метафорой понимаются специфические формы мышления, порождающие «образ мира»), Р. О. Якобсона (используя теорию грамматического параллелизма в процессе соотнесения метафоры и метонимии с семантикой и синтаксисом, противопоставляет при этом тропеическое и фигуративное в речи, что делает её оригинальной). Для нашей монографии значимы также исследования языковых концептов с учётом проявления в них национально-культурных особенностей, осуществленные А. Вежбицкой, В. Я. Проппом, Ю. С. Степановым, В. А. Успенским и др. Кроме того, с точки зрения культурологического аспекта метафора рассматривается как глобальный, общекультурный феномен в работах А. М. Панченко. Важную информацию для исследования имеют научные труды, посвящённые анализу культурных форм различных эпох в контексте их специфических черт, особенностей мышления, ментальной целостности и т. д. (А. Н. Лук, И. Н. Голенищев-Кутузов, О. Шпенглер, Хосе Ортега-и-Гассет и др.). Особенно важны для данного исследования концептуальные представления о коде культуры Ю. М. Лотмана, Т. Парсонса, М. К. Петрова, У. Эко, Р. О. Якобсона и др. Причём к значимым научным работам, характеризующимся ассоцированием базовых языковых метафор с культурным своеобразием, следует отнести работы Т. З. Черданцевой, Г. Д. Гачева и др., а также те, в которых модели метафор репрезентируются как демонстрирующие реальность в контексте какой-либо сферы деятельности человека (С. С. Гусев, Г. Селье, Д. Гордон и т. д.). Например, национальным образом мира посвящен ряд трудов Г. Д. Гачева.

В понимании сущности метафорического процесса мы опирались на работу «Теория метафоры», описывающую ряд научных подходов и методов к обоснованию сущности метафор и их характеристик. В контексте семантического подхода к анализу художественного текста (М. Бирдсли, А. Вежбицкая, Т. Добжиньская, Дж. А. Миллер) используется общая теория сравнения, сторонники которой при анализе метафор оперируют её имплицитными структурными признаками, такими как различия, сходства, оппозиции.

Кроме семантического подхода используется прагматический, основывающийся на теориях верификации, отклонения и взаимодействия. Так, согласно теории взаимодействия (Н. Гудмен, Д. Дэвидсон, Э. Ортони, А. Ричардс, Дж. Серль, Ф. Уилрайт) каждая метафора обусловлена наличием в её анализе коммуникации как создающего её субъекта, так и воспринимающего её. Согласно теории взаимодействия, всякая метафора обусловлена параллельным присутствием в ком-

муникации двух субъектов: говорящего, создающего метафору, и слушающего, воспринимающего её. В этом направлении работали Ф. Уилрайт, А. Ричардс, Э. Ортони, Д. Дэвидсон.

В рамках семантического подхода для нашего исследования большое значение имеет набор типологий метафоры, представленный в трудах таких отечественных учёных, как Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, Г. Н. Складневская, О. А. Свирепо.

Вместе с тем практически нет культурологических исследований, направленных на анализ культуры стран в контексте её репрезентации в метафорических конструкциях поэтических текстов. В данном исследовании мы обратились к анализу поэтической метафоры как формы репрезентации социокультурной реальности России на стыке эпох. Актуальной для нашего исследования является поэзия Серебряного века, представленная в том числе творчеством русских поэтов-символистов. Изучением Серебряного века занимались такие исследователи, как В. В. Агеносов, И. Ф. Анненский, Андрей Белый, Н. А. Бердяев, В. С. Библер, Н. А. Богомолов, М. Л. Гаспаров, Л. Я. Гинзбург, Л. К. Долгополов, В. П. Крейд, Ю. Б. Кричевская, А. В. Леденев, Д. С. Мережковский, К. В. Мочульский, Л. А. Рапацкая, В. С. Соловьев, Н. А. Струве, Е. Г. Эткинд и др. Кроме того, исследованию поэзии изучаемых нами временных периодов посвящены аналитические работы А. Белого, В. И. Иванова, О. Э. Мандельштама, К. В. Мочульского, Е. Сафроновой, А. Скидан. Выбор поэтических текстов обусловлен объектом и предметом исследования и его контекстной направленностью.

Культурологический подход к изучению метафоры выявлен нами в трудах О. А. Свирепо, которая исследовала метафору как культурный код; осуществила пространственно-временное измерение метафоры и проследила соотношение понятий *образ*, *символ*, *метафора*; предложила типологизацию метафор: архаические, базовые, эпохальные и локальные. Значимой для нашего исследования является также докторская диссертация Г. А. Ермоленко «Язык культуры как знаковая система». Однако данное исследование отличается от вышеперечисленных тем, что поэтическая метафора рассматривается как информационный культурный код нации, необходимый для понимания преемственности культурных ценностей и разработки практических подходов к работе с молодёжью. Проведённый анализ поэтических метафор позволяет рассмотреть их как культурное явление, функционирующее внутри культурной системы эпохи и репрезентирующее её смыслы и ценности.

Таким образом, в данном исследовании необходимо определить представления современной студенческой молодёжи о культуре России переходных эпох, репрезентируемые метафорическим поэтическим текстом.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих научных задач:

1) определить теоретико-методологические основы исследования культуры России конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в., репрезентируемой поэтическими текстами;

2) представить особенности российской поэтической культуры переходных эпох;

3) выявить специфику поэтических метафор и эксплицировать их значение как формы репрезентации автором картины мира и социокультурных событий определённого исторического периода;

4) осуществить интерпретацию российских поэтических текстов и выделить ряд тематических семантических полей метафорических конструкций, репрезентирующих российскую культуру переходных эпох;

5) обосновать сущность тематических метафорических семантических полей, демонстрирующих культурные особенности России конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в.;

6) на основе лингвокультурологического анализа и ассоциативного эксперимента выявить представления современной российской молодёжи о культуре переходных эпох.

Информационно-эмпирическая база исследования представляет собой литературные источники отечественных и зарубежных авторов, поэтические тексты, труды, анализирующие литературные течения исследуемых периодов. Источниковая база была сформирована с учётом объекта и предмета исследования и разделена на две группы:

1) работы авторов, исследующих поэзию изучаемых нами временных периодов;

2) тексты стихотворений, репрезентирующих в метафорической форме культуру исследуемых периодов.

Важным источником для исследования стали результаты анализа метафор, выявленных в текстах российских поэтов соответствующих периодов и интерпретированных авторами монографии, а также результаты ассоциативного лингвистического эксперимента, представленного и реализованного в форме опроса современной молодёжи.

Хронологические рамки исследования охватывают период рубежей XIX–XX и XX–XXI вв., а именно: с 1895 по 1930-е гг., с 1985 г. по настоящее время. Данные периоды характеризуются интенсивными изменениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности: политике, экономике, науке, культуре, обществе. В нашем исследовании внимание направлено на эпоху Серебряного века, а также период российской культуры от начала перестройки, распада СССР и до настоящего времени.

Выбор этих периодов обусловлен схожими политическими, экономическими и социокультурными процессами в российском обществе и культуре, репрезентируемыми в отечественной литературе, в частности поэзии, в которой поэты, часто вынужденные скрывать своё критическое восприятие происходящих изменений, демонстрировали его с помощью закодированных метафорических конструкций.

Теоретическая основа исследования представлена теориями, касающимися сущности метафоры. Прежде всего, это античные теории метафорических переносов, в контексте которых метафора рассматривалась как элемент замены слов, концептов, лексем (Аристотель).

Согласно системоцентристским теориям метафора интерпретируется в контексте языковой системы (синтаксической семантики, категориального сдвига) (М. Блэк, Г. Н. Склярёвская и др.).

Антропоцентристские теории концептуализации метафоры рассматривают её в контексте субъект-объектных позиций номинатора и интерпретатора, при этом процесс метафоризации относится к коммуникативным актам. В частности, прагматистские теории взаимодействия, отклонения, верификации (Д. Дэвидсон, Э. Ортони, А. Ричардс, Ф. Уилрайт и др.) способствовали пониманию того, что метафору нельзя исследовать только в рамках языковой системы, необходимо учитывать условия возникновения высказываний. Так, согласно теории взаимодействия метафора обусловлена присутствием двух субъектов – говорящего и слушающего, двух мыслей (А. Ричардс), двух вещей или тем (Ю. С. Степанов, Б. А. Успенский), между которыми происходит семантическое движение (Ф. Уилрайт).

В контексте когнитивистских теорий метафора выступает как инструмент/форма мышления, когнитивный процесс, формирующий новые понятия и знания (Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. Маккормак и др.). Человеческий разум способен к сопоставлению семантических концептов, формированию сложных абстрактных моделей и понятий, в связи с чем метафора рассматривалась как механизм, объединяющий разум и воображение. При этом через восприятие сущности одного явления/объекта в терминах другого концептуализируется метафора. Родоначальником такого подхода можно считать Дж. Вико, говорившего о метафоре как мифологической структуре, фантастической универсалии.

В контексте лингвокультурологических концепций метафора рассматривается как моделируемый национально-языковым сознанием ментальный процесс, как культурная форма, репрезентирующая национально-культурное наследие (В. А. Маслова, В. Н. Телия, Е. Е. Юрков и др.).

Что касается искусства в период переходности, то его трансформация обосновывалась нами на основе теории динамики культуры П. А. Сорокина, продемонстрировавшего, что на рубеже веков возникает кризис чувственной культуры и зарождение идеациональной культуры, в которой доминирует сверхчувственный элемент, происходит угасание религиозности, актуализация искусства символизма и вспышка сакральности.

Методология и методы исследования построены на принципах междисциплинарности интегративного культурологического знания с привлечением материалов истории и теории культуры, литературоведения, художественного творчества, лингвистики, лингвокультурологии, психологии, семиотики. Междисциплинарный культурологический и исторический подходы позволили провести анализ культурного образа России, сформировать представление о культуре России переломных исторических эпох.

С помощью *структурно-функционального метода* были исследованы и обоснованы социокультурные элементы и функции в культурном пространстве переходных эпох и выявлены закономерности их взаимосвязей. *Описательный метод* помог выделить и структурировать семантические поля метафорических образований, объединив их по значению основных образов. Был использован также *метод статистического анализа* (работа с полученными автором информационно-статистическими данными). Названные подходы и методы расширили понимание сложного феномена – метафорической конструкции, позволили исследовать поэтические метафоры, во-первых, как культурный феномен, репрезентирующий картины мира авторов поэтических текстов, во-вторых, как источник культуросодержащей информации, имеющей скрытый смысл. *Герменевтический и структурно-семиотический методы* позволили осуществить декодирование и интерпретацию метафорических конструкций поэтических текстов, постичь их содержательную суть и концептуально акцентировать их знаковость, продемонстрировать существенные признаки, репрезентирующие культуру переходных эпох. В ходе исследования был осуществлен лингвокультурологической ассоциативный эксперимент, направленный на сопоставление сущностных представлений о культуре переходных эпох в метафорических конструкциях поэтов Серебряного века и текстах современных поэтов, выявленных и декодированных авторами монографии, с представлениями о ней современной российской молодёжи.

В эмпирическом исследовании с использованием метода свободного ассоциативного эксперимента участвовали 400 респондентов. В процессе которого было получено 5200 слов-реакций на слова-стимулы, содержащиеся в интерпретированных авторами поэтических текстах исследуемых исторических периодов, осуществлен культурологический анализ полученных материалов, их количественная статистическая обработка. При отборе респондентов для осуществления ассоциативного эксперимента мы опирались на теорию поколений (N. Howe – W. Strauss: исторические, демографические, хронологические, символические детерминанты (В.Т. Лисовский). Были отобраны респонденты, родившиеся в период с 1996 по 2003 г., а значит, имеющие определенное сходство социальных условий формирования, общность поколенческого сознания (Ю.Р. Вишневский) и являющиеся в период исследования студентами высшего учебного заведения.

Глава 1. МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

1.1. Художественная культура как подсистема культуры

Термин «художественная культура» как подсистема системного понятия «культура», несомненно, основывается на данном базисном термине, являющимся до настоящего времени многозначным, хотя уже в 1684 г. немецкий историограф С. Пуффендорфа (1684) рассматривал культуру как то, что произведено человеком, т.е. противопоставлено в этом смысле всему природному, культура определялась им как контр-культура [195]. Вместе с тем указанный автор придает понятию аксиологическую направленность, считая, что именно культура как результат деятельности возвышает человека. Данный термин соотносится также с характеристиками исторических эпох, конкретных общностей, этносов, с различными сферами жизнедеятельности человека. Причём одним из первых научных подходов к пониманию культуры можно считать этнографическо-эволюционистский Э.Б. Тайлора, понимавшего культуру как сложное образование, соединяющее в себе знания, верования, искусство, обычаи народов, их нравственные установки, способности и привычки [197]. Заметим, что в аспекте эволюционизма подходы к культуре развивали и другие учёные, в частности Дж. Дж. Фрезер, Н.Н. Миклухо-Маклай.

В более узком контексте понятие «культура» соотносится со сферой духовной жизни человека и обозначает «созданную людьми искусственную сферу существования и самореализации, источник регулирования социального взаимодействия и поведения» [250, с. 432].

Такие ученые, как М.С. Каган, Э.С. Маркарян, А.Я. Флиер и другие, рассматривали культуру в контексте деятельностного подхода, определяя ее как результат человеческой деятельности. По мнению А.Я. Флиера, «культура – совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, заученных форм человеческого поведения и деятельности, обретённых знаний, образов самопознания и символических обозначений окружающего мира. Культура есть возделанная среда обитания людей, организованная посредством специфиче-

ских человеческих способов (технологий) деятельности и насыщенная продуктами (результатами) этой деятельности. Культура является продуктом совместной жизнедеятельности людей» [144, с. 54].

Кроме того, восприятие культуры как устойчивого образования, порожденного реализацией совокупности функций, необходимых для совместной жизнедеятельности людей, повлекло за собой процесс формирования концепции социальной и культурной систем. В частности, взгляд на культуру М. Вебера, К. Маркса, О. Конта можно отнести к структуралистско-социологическому подходу, согласно которому культура в своем историческом развитии проходит ряд этапов (социальный, культурный, цивилизационный) и рассматривается как фактор организации общества. Так, К. Маркс включил в понятие культуры материальные формы, создаваемые человеком, и продемонстрировал её сущность в контексте социального производства и связи человеческой истории в целостном процессе [89, с. 96]. В свою очередь, Л. Уайт, К. Клакхон, А. Кребер, Г. Гун и другие ученые, придерживаясь системно-структурного подхода, рассматривали культуру «как содержательное наполнение этой структуры» [34, с. 359].

Вместе с тем представления Л. Уайта, а также Х. Гадамера, Э. Кассирера, А. С. Кармина, Ю. М. Лотмана, В. С. Степина и других можно отнести к информационно-семиотическому подходу, в рамках которого культура рассматривается как информационно-знаковая, кодовая система.

Согласно философской и культурной антропологии (В. Н. Гращенков, В. М. Межуев, Д. Ф. Марков и др.) культура определяется в контексте развития сущности человека и его личностного становления. В свою очередь, с этим подходом тесно связано рассмотрение культуры в контексте творческой деятельности человека, в связи с чем данный подход определяют как креативистский. Так, Д. Ф. Марков, будучи доктором филологических наук, писал стихи (известен единственный сборник) и посвятил свою жизнь изучению славянской литературы.

В. Иванов в научных изысканиях, культурно-философских трактатах, характеризуя культуру, объединял её в одно синтетическое целое искусство, философию, науку и религию. По его мнению, культуры различных наций и исторически удалённых временных периодов сопрягаются между собой во взаимно обогащающем диалоге, который бесконечен и не завершим. Своим поэтическим творчеством В. Иванов стремится не только синтезировать, но и объединить различные, зачастую взаимоисключающие друг друга явления, обретающие в его интерпретациях дополнительную. Культура в его произведениях предстает как эклектический хаос гетерогенных элементов, как свободная творческая импровизация поэта-мыслителя на заданные философские темы-символы, почерпнутые из мировой культуры. Понимание культуры у В. Иванова держится на устой-

чивых константах: эллинстве как фундаменте всемирной и русской культуры; аполлоновском и дионисийском началах культуры, в противоборстве которых рождается новое; теургии как житнетворчестве и способе преобразования мира культурными методами (в единстве науки, искусства и религии) [63, с. 327]. Можно сказать, что В. Иванов при этом переключает своё внимание преимущественно на одну из культурных подсистем – художественную культуру.

Религиозно-идеалистический подход к культуре с ее сакральными смыслами и кодами можно проследить у В. Соловьева, развивающего своей философией идею вселенского единства человечества [131]. Значим в этом контексте аксиологический подход к культуре (Г.П. Выжлецов, Г. Риккерт, С.Л. Франк, Н.З. Чавчавадзе), в рамках которого культура рассматривается как совокупность ценностей, созданных и создаваемых человечеством. В этом смысле взгляд на понимание сущности культуры также в большей степени склоняется к художественной культуре. Так, Г.П. Выжлецов, говоря о консолидирующей роли культуры, обращается к искусству как ядру культуры и способу её познания [36]. В свою очередь, Г. Риккерт, разделяя науки о природе и науки о культуре, также опирается на ценностные смыслы бытия человека. В частности, он понимает под культурой совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями [117]. С.Л. Франк, противопоставляя материальную и духовную культуру, вещь и личность, понимал под культурой систему создаваемых человеком абсолютных ценностей – истины, добра, красоты, святости. Именно художественная культура и творчество, в его понимании, способствуют отысканию творцом в себе духовного начала и даваемого ему «дара свыше» [147]. При этом культуре, для которой значимы поведенческие образцы, идеалы и ценностные установки человека, придается регулятивно-нормативная функция. В подобном контексте культуру рассматривал З. Фрейд (психоаналитический подход). Он заявлял о ее репрессивной функции, проявляющейся в ограничениях свободы индивидуумов и выражений его индивидуальности [202].

В свою очередь, М.П. Фуко разрабатывал концепцию европейской науки и культуры на основе «археологии знания», имеющей своим ядром «знание-язык». Он предложил понятие историчности в контексте того, что каждая эпоха имеет свою историю. В результате сравнительного анализа эпох европейской культуры М.П. Фуко пришел к выводу о том, что особенности лежащих в их основе эпистем обусловлены взаимоотношениями ряда культурных факторов: язык, знания, мышление и вещи. Но, по его мнению, именно язык, почти совпадая с мышлением и знанием, становится «великой автономной системой знаков» [203]. В результате языковая грамматика служит источником понимания как всех наук, так и культуры.

М. Хайдеггер, рассматривая проблему культуры, отталкивается от своего учения о бытии и от объяснений сущности современного ему общества. Он обосновывал, что «забвение истины бытия» угрожает человечеству технической цивилизации. В свою очередь, искусство и образование – это сферы, призванные воссоздавать и удерживать то богатство культурных смыслов, которые были созданы ранее, приобщать людей к высшим мудростям и истинам человеческого бытия. В этом процессе, по мнению М. Хайдеггера, значительная роль отводится родному языку. М. Хайдеггер соотносит понятия «сущность языка» и «язык сущности» и определяет человеческий язык «домом бытия», «глаголом мира и глаголом земли», обосновывая, что любой язык является совершением этого «глаголания», благодаря которому перед каждым народом восходит его мир и сберегается его земля. Именно в языке, по его мнению, выражается уникальная сущность каждого народа и культуры, обуславливающая понимание этого народа в исторической ретроспективе [247, с. 412].

О.М. Фрейденберг опиралась в исследовании культуры на генетический метод и на первый план в познании культур выводила проблемы происхождения изучаемых явлений. При этом она в рамках данного метода стремилась выявить *факторы* как скрытые потенциальные характеристики культур и *факты* как явные проявления этих потенциалов в конкретных культурных феноменах. Эти соотношения она рассматривает на основе оппозиций: «образ – метафора», «содержание – форма», «семантика – морфология». Именно семантическая система, описываемая как тип человеческого сознания и совокупность представлений о мире, по ее мнению, является универсальной основой любой культуры и генетической основой многообразных культурных форм [247, с. 376].

О. Шпенглер выдвинул концепцию культуры, оказавшую очень большое влияние на историко-культурологическую мысль XX в.; точно охарактеризовал многие явления в современной науке: возрастающее методологическое единство научных дисциплин, перенасыщенность научного языка символиккой. Большое значение для современной философии культуры имеют его положения, обосновывающие необходимость выявления культурной символики и общего языка культуры [160].

Значителен вклад В.Я. Проппа в понимание нами сущности языка фольклора и искусства. Он рассматривал повествовательные тексты и структуры в философско-культурном контексте и, отмечая их универсальную обусловленность категорией времени, считал их средствами освоения культуры, главными способами культурных коммуникаций, обуславливающими адекватное отражение различных временных процессов. В связи с этим исследование повествовательных культурных форм (от мифологии и фольклора до современных текстов искусства, науки и мас-

совых коммуникаций) становится актуальной целью и задачей, решение которой позволит существенно обогатить понимание принципов исторического развития культур, а также совершенствовать герменевтический инструментарий для интерпретации повествовательных текстов и извлечения из них культурных смыслов человеческого бытия [113, с. 245].

Если обратить внимание на произведение У. Эко «Имя розы», очевидно, что оно символизирует имя погибшего цветка. Это говорит о способности языка описывать исчезнувшие, несуществующие в данный момент объекты и явления, что может быть интерпретировано как фактор неиссякаемого языкового потенциала искусства, соединяющего в художественной культуре прошлое, настоящее и будущее художественной культуры.

Ю. М. Лотман в своих трудах демонстрировал, что семиотический метод является универсальным для анализа и осмысления истории и культуры, изображаемых в структуре литературных текстов. Раскрывая семиотические механизмы и коды, он выявлял неизвестное в известном, сформулировал закономерности культурных явлений и процессов. Любой текст он рассматривал как «текст культуры», считая это понятие универсальным, содержащим знаки и символы, демонстрирующие различные явления жизни, искусства, философии и науки. Опираясь на открытия Ю. М. Лотмана, создавшего оригинальное и новаторское направление в науке о культуре, включив в неё лингвистику, семиотику, историю, литературоведение и другие гуманитарные дисциплины, можно утверждать, что любой поэтический текст, скрывающий за метафорическими конструкциями признаки культуры наций, можно декодировать, а также выявить культурные смыслы временного периода, которому посвящён авторский текст. Структурализм и семиотика были для него универсальными средствами осмысления и анализа литературы, культуры, истории. Все научные интересы и исследования объединялись у Ю. М. Лотмана в феномене культуры через семиотические механизмы и коды, позволяющие выявлять нечто неизвестное в уже известном, а также формулировать особенности различных культурных явлений. К чему бы ни обращался Ю. М. Лотман, во всём он видел тексты культуры, обнаруживающие свою знаковую и семиотическую основу и являющиеся вторичными моделирующими системами, которые надстраиваются над первичными – естественными знаками. Идейная структура литературного текста показана как рефлексия всей русской литературы этого времени, включая структуры поведения, сознания, быта, морали и проч. Причём абсолютно любой текст должен рассматриваться в некотором контексте. Его следует понимать шире, чем просто литературный. Открытия Ю. М. Лотмана позволяют осуществлять анализ художественных текстов, основываясь на понимании многообразия художественных кодов, особенностей иерархического

построения текстов, проблематики возникающего в коммуникациях информационного шума, синтагматики и парадигматики текстов, художественной значимости повторов, композиционной и сюжетной линий, типологии текстов и внетекстовых структур [83, с. 49].

Д. С. Лихачев считал, что значимую функцию в культурном творчестве выполняет «концептосфера» национального языка, соединяющая в себе культурные смыслы всех ценностно-смысловых уровней от наций до индивидуумов, обуславливающих единство культуры. Каждая национальная культура, по его мнению, существует как целостность именно благодаря концептосфере. Причём чем больше у культуры внутренних и внешних взаимодействий с другими культурами и отдельными её отраслями, тем богаче эта культура становится и тем больших высот достигает в своём историческом развитии.

Мир культуры, как известно, изучают разные науки: философия, история, археология, этнология, этнография, антропология, социология, психология, этика, эстетика, лингвистика, семиотика и др., вследствие чего обозначение термина «культура» отличается в каждой из этих наук.

В частности, А. Крёбер и К. Клакхон, осуществив терминологический анализ, выявили около 200 определений. М. С. Каган рассматривал примерно 500. Термин «культура», согласно определению «Новой российской энциклопедии», означает форму существования человека, выраженную в различных произведениях в виде речевой и творческой активности. В свою очередь, определения «национальной» и «этнической культуры» основано на дефинициях – «народ», «нация», «этнос», часто употребляемых как синонимы. Вместе с тем в философском, социокультурном и политологическом осмыслении отмечается, что термин «нация» полисемантичен, применяется для характеристики крупных общностей (Новейший философский словарь, Энциклопедический словарь по политологии, Энциклопедический словарь по социокультурной антропологии).

При этом сущность термина «нация» в современной научной и политической литературе рассматривается в ряде аспектов: гражданско-государственном (этатическом) и этническом, или социокультурном. К. М. Хоруженко обосновывает ряд ключевых признаков нации: «нация (лат. *natio* – народ, племя) – высшая форма этносоциологической общности людей, возникающая в основном в эпоху зарождения и развития товарно-денежных отношений на базе связанного с этим сплочения территории и населения с единым языком, а также характеризующаяся общностью культуры, психологии, истории, судеб, этнического самосознания, обычаев и традиций» [252, с. 46]. В свою очередь, национальность отражает лишь один из аспектов нации, являясь более узким, чем нация, понятием. В связи с этим национальная культура определяется как совокуп-

ность символов, верований, убеждений, ценностей, норм и образцов поведения, характеризующих духовную жизнь человеческого сообщества в той или иной стране, государстве.

Обращает на себя внимание определение дефиниции «этнос» в Словаре социокультурной антропологии, в котором постулируется, что данный термин – это конструкция, которая введена в науку для обоснования объекта, изучаемого этнологией и этнографией, С.М. Широкогоровым. Придя к выводу о том, что термин «народ» используется слишком широко, а также о смешении понятий «народ»/«этнос» и «нация», С.М. Широкогоров дал определение термину «этнос» как «...группе индивидов, говорящих на одном языке, имеющих единое происхождение и признающих его, а также обладающих укладом жизни и хранимых и освящённых традицией комплексов обычаев, отличаеваемых группой от таковых других» [159, с. 86].

В науке принято рассматривать термин «этнос» в широком и узком аспектах. Причём узкому аспекту в определённой степени в современном русском языке соответствует термин «национальность».

В Российском энциклопедическом и Большом толковом словаре русского языка термин «этнос» обозначается как «исторически сложившаяся общность людей (племя, народность, нация), имеющая социальную целостность и оригинальный стереотип поведения» [245]. В Новой российской энциклопедии указывается, что этнос есть «общее название национальных образований: нации, народности и т.п.» [250, с. 87]. Авторы культурологических словарей придерживаются такой же позиции. Так, К.М. Хоруженко обосновывает, что «этнос» – это исторически сложившийся вид устойчивой группировки людей, представленный племенем, народностью, нацией» [252, с. 137]. Кроме того, «этносом называется собирательное название для больших по численности кровнородственных групп людей, образующих племя, народность или нацию; группа людей, члены которой разделяют территорию, общее название и элементы культуры, ассоциируют себя с особой территорией, обладают мифом об общем происхождении, общей исторической памятью и самосознанием» [245, с. 92].

Таким образом, можно отметить, что, хотя понятия «этнос» и «нация» во много похожи, а главное – связаны, тем не менее, они не заменяют друг друга; общими для обоих терминов является то, что с их помощью характеризуются совокупности людей и социальных групп. Но, если в основе понятия «этнос» лежат этнокультурные основания, способствующие тому, что под этнической общностью понимается совокупность людей, говорящих, как правило, на одном языке, имеющих общность происхождения, общие традиции, обычаи, культуру в целом, общее самосознание и осознающих свою тождественность всем членам этого сообщества и свое отличие от дру-

гих групп, то в основе термина «нация» лежат гражданские, производственные политические, историко-культурные принципы объединения.

Использование термина «этнос» является более верным, так как данная дефиниция обозначает не национальные, а социокультурные характеристики общности. В современных условиях чистой нации мы не найдём ни в одном государстве, смешение народов происходит постоянно, особенно в современном глобализующемся мире, т. е. в своей сути понятие «нация» шире, чем «этнос», так как данный термин («нация») характеризует объединение многих этносов в пределах государства.

В свою очередь, понятие «национальная культура» в российской науке достаточно широкое и включает в себя множество элементов. Причём З.И. Ахунова отмечает, что до сих пор нет однозначного определения границ национальной культуры. По её мнению, она репрезентируется в обычаях, традициях, ценностях, мышлении, морально-нравственных нормах, особенностях образа жизни нации и проч. Ю.А. Серебрякова отмечает, что, опираясь на принятое в культурологии определение термина «культура», следует рассматривать национальную культуру как сочетание способов и результатов деятельности нации, как универсальный механизм её адаптации к природной и социальной среде [230]. И хотя в русском языке достаточно часто понятия этническая и национальная культура не противопоставляются друг другу, тем не менее, и в российской научной мысли имеются данные о различии данных терминов. Так, А.И. Кравченко считает, что «...национальная культура – это совокупность традиций, обычаев, норм, ценностей и правил поведения, общих для представителей одной нации, государства» [цит. по: 40, с. 365]. Этническая культура отличается от национальной, по сути, своими задачами. И.К. Авилова определяет её сущность как совокупность производимых и потребляемых этносом культурных элементов и структур, обладающих ярко выраженной этнической спецификой и являющихся характерными только для данного этноса. В результате данная культура выполняет этнодифференцирующую функцию в рамках оппозиции «мы – не мы» («наше – не наше») и одновременно этноинтегрирующую функцию, способствующую осознанию своего этнического единства всеми различными, даже разбросанными по разным территориям частями данного этноса [243, с. 88]. В таком случае народная, как и национальная, культура – собирательное понятие, не имеющее чётко определённых границ и включающее культурные пласты разных эпох от глубокой древности до настоящего времени. В нашей работе важно исследовать культуру России начала и конца XX столетия (опираясь на анализ поэтических текстов этих исторических периодов), сопоставить эти данные с информацией, закодированной в текстах ряда российских поэтов, осуществить сравни-

тельно-сопоставительный анализ культуры этих двух исторических периодов, попытаться выявить в них общее и особенное.

Поэтическая культура является частью художественной культуры. Если обращаться к анализу сущности художественной культуры, то необходимо основываться на ряде научных подходов: философско-культурологическом, социологическом, психологическом, искусствоведческом, используя при этом методы системно-морфологического, структурно-функционального и исторического анализа. Все эти подходы и методы обеспечивают исследователю возможность рассмотрения художественной культуры как универсального явления в целом, так и в аспекте частных проявлений и характеристик её регионального развития. Так, обращение к работам М. С. Кагана демонстрирует системно-морфологический анализ художественной культуры, основанный на концептуализации культуры в контексте ряда её бытийных форм: материально-практической, духовно-теоретической, практически духовной (собственно художественной) [65, с. 156]. При этом целостное поле культуры осмысливается в контексте соответствующих подсистем: материальной, духовной и художественной культур.

В свою очередь, исследование организационно-институционального уровня функционирования художественной культуры основывается на структурно-функциональном методе (М. Глакмен, М. Леви, Р. Мертон, Б. Малиновский, А. Радклиф-Браун, Т. Парсонс), направленном на рассмотрение её как структуры взаимосвязанных элементов, выполняющих в обществе определённые функции.

Так, обращение к трудам А. Н. Сохора, разработавшего структурную модель художественной культуры, демонстрирует такие её элементы, как: художественные ценности; виды деятельности, обуславливающие не только создание, изучение, хранение, воспроизведение, распространение ценностных форм искусства (ядерной структуры художественной культуры), но и их оценку; субъекты этих видов деятельности с их знаниями, умениями и навыками, а также различные общественные институты, обеспечивающие успешность функционирования данной креативной сферы культуры [133, с. 167].

В свою очередь, В. С. Цукерман представил структурную модель художественной культуры в контексте «социального бытия искусства», т. е. производства, распространения и потребления искусства [156, с. 87]. По мнению В. С. Цукермана, ключевым элементом в структуре художественной культуры, выполняющим функцию её первоосновы, тесно связанной с другими структурными элементами (творческими личностями, союзами, объединениями, учреждениями), является искусство.

Кроме того, при анализе элементов искусства нельзя оставить без внимания разработанный Г. Р. Яусс, Х. Вайнрих, В. Изер «принцип исторического воздействия», обосновывающий, что смысл произведения возможно понять на основе изучения истории его появления в культуре и этапов восприятия. Можно утверждать, что система коммуникации элементов художественной культуры рассматривалась данными учёными как взаимодействие истории возникновения и бытования произведения в культуре, а также процесса восприятия соответствующего произведения. Преимущественное внимание ряда исследователей (Т. Адорно, А. Г. Асмолов, А. Н. Леонтьев, З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.) к анализу особенностей восприятия произведений искусства актуализировало необходимость использования в анализе художественной культуры психологических подходов.

Вместе с тем следует отметить, что в целом практически в контексте большинства научных подходов художественная культура рассматривается как многоаспектная и многоуровневая система взаимосвязанных элементов, значимым фактором в анализе функционирования которых является выявление коммуникативных связей, возникающих на этапе движения художественного продукта от создателя к воспринимающему субъекту. Вследствие чего возникает необходимость рассмотрения художественной культуры в контексте коммуникативной парадигмы (Л. Н. Коган, В. А. Конев, А. Моль) и исследования выделяемых при этом основных структурных элементов процесса коммуникации: творцы – создатели художественных ценностей культуры, произведений, репрезентирующие созданные ими ценности; институциональные объекты и субъекты, способствующие распространению данных ценностей и их движение к потребителям; аудитория, воспринимающая произведения искусства.

В данной работе особое внимание уделено поэтической культуре как значительной части художественной культуры. Выделяются отрасли, виды, формы и типы культур. К отраслям культуры относят экономическую, политическую, профессиональную и педагогическую культуры; к видам – этническую, сельскую, городскую, субкультуру и контркультуру. Среди комплексных видов культур выделяют художественную и физическую. В свою очередь, к художественной культуре относятся словесная (в том числе поэтическая), музыкальная, театральная деятельности, изобразительное искусство и др. Место художественной культуры среди других культур может быть определено различиями между духовной, материальной и художественными формами деятельности. По мнению М. С. Кагана, «понимание культуры как особой формы бытия, производной от человеческой деятельности, открывает путь к анализу её строения. Поскольку деятельность людей выступает в трёх основных формах – *материально-практической, духовно-теоретической и практически-духовной* – худо-

жественной, постольку в целостном поле культуры исторически дифференцируются три соответствующие подсистемы – материальная культура, духовная культура и художественная культура (последняя неправомерно отождествляется с эстетической культурой, потому что определённым эстетическим потенциалом обладают все сферы деятельности человека: и труд, и игра, и наука, и техника, и медицинская практика, и военная, и речь человека, и его манеры – всё, что человек делает, он может делать красиво и некрасиво, изящно и грубо, и плоды его деятельности могут быть величественными и пошлыми, оцениваться как трагические и комические. Художественная же деятельность есть особый – образный – способ воссоздания реальности, обращенный к нашему переживанию и тем самым дополняющий ваш жизненный опыт, позволяя каждому пережить то, чего он не может пережить в своей реальной жизни» [65, с. 12].

В художественном творчестве особенно активно духовное и материальное проникают друг в друга, сливаясь и отождествляясь, что способствует появлению ещё одной субстанции. Если эстетическая культура проявляется во вне повсеместно, то художественная – оказывается самостоятельной частью культуры, продуктом художественной деятельности человека. Таким образом, именно благодаря функционированию художественной культуры и её индустрий в обществе осуществляются творческие процессы, создаются ценности искусства, воспринимаемые людьми с учётом их духовных потребностей. В результате произведения художественной культуры транслируют накопленный тысячелетиями существования человека традиции, обычаи и опыт, служат источником художественного мировосприятия, а функционирование художественной культуры в целом обеспечивает совершенствование искусства.

Все вышесказанное определяет основные содержательные элементы структурной модели художественной культуры:

1) духовно-содержательная картина мировосприятия и представлений о бытии человека – тип художественного сознания, своеобразный в историческом, этническом и социокультурном контекстах;

2) морфологический (зональный) элемент – характеристика различных видов искусства.

Именно исследование зональных элементов позволяет рассмотреть многообразие форм художественной культуры: архитектурных, изобразительных, музыкальных, словесных, танцевальных, театральных и др.

Кроме того, С. Н. Плотников в своей работе «Проблемы социологии художественной культуры» писал, что «художественная культура понимается как система трёх взаимодействующих подсистем: художественного производства, художественных потребностей, социального института художественной культуры» [106, с. 45]. В его работе «уточняется предмет

социологии художественной культуры, из которого исключается анализ её исторического развития, а акцент делается на исследовании современных процессов воздействия общества на художественную культуру и её влияния на общество» [106, с. 45].

Необходимо также рассмотреть некоторые особенности художественной культуры в переходную эпоху, характеризующиеся упадком – с одной стороны и возрождением – с другой. Один и тот же процесс являлся упадком и одновременно возрождением, что оказалось главным противоречием исторического момента. Как отмечал П. Сорокин, происходящее на рубеже XIX–XX вв. отличалось резким, взрывным нарушением преемственности и предшествующей логики развития отечественного искусства, где немалый вклад был внесён символистами [132, с. 76]. Данный период характеризуется угасанием религиозной экзальтации, результатом чего становится эмансипация искусства от религии, а точнее распространение заполняющего религиозный вакуум эстетизма – искусство превращается в своего рода религию, лишённую признаков сакрального. Таким образом, возникновение искусства как религии, или отношение к искусству как к религии, – следствие эпохи упадка или декаданса. Можно говорить о проявленной сакральности в искусстве, о тяготении к сверхчувственному миру. Так, возникает проблема связи символизма со славянской ментальностью, а также с опытом русского искусства предшествующего периода. Пытаясь обнаружить в истории прецеденты той и другой культуры, П. Сорокин аргументирует возникновение в XX в. принципиально новой идеациональной культуры, возникающей на основе синтеза предшествующих эпох, в частности, в формах символизма [Там же]. Порыв к сверхчувственному как основа возникновения символизма представляет возрождение сакрального начала в художественной культуре, оказавшейся в ситуации упадка. Сакральное же предстает не в религиозных, а в эстетических и художественных формах. Таким образом, по рассуждению П. Сорокина, выявляется основополагающий признак всего Серебряного века, который, с одной стороны, представляет цветение искусства как оборотную сторону упадка и разложения социума, а с другой – активность нового религиозного и, еще точнее, сакрального сознания [Там же]. Именно символические формы мышления становятся проблемой в переходные эпохи. В художественной культуре определяющую роль начинает играть сверхчувственная стихия. Можно говорить о рождении новой культуры, при этом с ретроспекциями в прошлое. Обращение же к символу в переходные моменты становится неизбежным, поскольку символ – та самая реальность, с помощью которой совершается трансформация из чувственной в сверхчувственную сферу. С точки зрения П. Сорокина, смысл перехода связывается с распадом длительного

культурного цикла, называемого им «чувственной» культурой [132, с. 76]. В мировой истории он начинается с эпохи Ренессанса и продолжается приблизительно до рубежа XIX–XX вв. Этот длительный цикл заканчивается возникновением становящегося реальным уже в XX в. принципиально нового культурного цикла. Хотя его становление происходит в больших длительностях, может быть, лишь рубеж XX–XXI вв. приближает к его осознанию.

Кроме того, понятие культуры частично сопряжено с понятием ментальности. Вопрос о русской ментальности немаловажен для нашего исследования. Так, по мнению Н. Ф. Алефиренко, «ментальность – это совокупность типичных проявлений в категориях родного языка своеобразного (сознательного и бессознательного) восприятия внешнего и внутреннего мира, специфическое проявление национального характера интеллектуальных, духовных и волевых качеств того или иного культурно-языкового сообщества» [3, с. 139]. Вот почему понятие ментальности несколько объемнее, чем понятие культуры, при этом более углубленно, чем понятие сознания по причине проявления ментальности и на подсознательном уровне. Рассуждая о своеобразии русской ментальности, Н. Ф. Алефиренко, В. В. Красных использовали термин «код культуры», понимаемый как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [70, с. 211].

Причём сущность культуры, её специфика, содержание её форм и явлений передаются с помощью культурных кодов. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова определяют коды культуры как «...знаковые системы элементов материального и духовного миров, содержащих и несущих смысловое содержание культуры» [50, с. 34]. Культурные коды считают «ключом», закодированной информацией, набором символов, способствующих пониманию сущности различных культур, исторически сохранившихся уникальных особенностей, представляющих национальную и этническую культурную идентичность [245, с. 453]. Согласно представлениям А. И. Костяева, культурный код можно рассматривать как способ передачи культурного опыта и знаний о мире, умений и навыков в конкретной культурной эпохе [191].

Этнокультурное кодирование сопровождается смыслообразованием и структуризацией компонентов лингвокультурного пространства языкового сознания. Можно говорить о лингвокультурном моделировании языкового сознания. Для нашего исследования данный факт является немаловажным, поскольку монография направлена на выявление и анализ метафорических образов поэтических текстов, демонстрирующих национальное языковое сознание и российский менталитет, т. е. являющихся культурным кодом. «Основным средством выражения ментальности при этом

выступает коннотативная семантика, объективирующая когнитивные образования – обыденно-понятийные, образные, некоторые мифические структуры «<...> Мир, в который погружён человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации» [82, с. 276]. «Сфера культуры многообразнее и богаче лингвокультурного пространства языка» [Там же]. «Не вся зона смыслов когнитивных структур, ментальных образов покрывается языковой семантикой – существуют когнитивные структуры, представления, знания, зависимые не от языковых средств выражения, а от самого когнитивного процесса и способности сознания выходить за рамки языкового». Вот почему особенно важен анализ метафорической сущности поэтических текстов. В метафорах содержится дополнительная информация, углубляющая и раскрывающая авторские идеи, демонстрирующая культурные смыслы соответствующих эпох. Метафора может быть оценена как элемент текста, репрезентирующий культуру определённого временного периода.

Таким образом, в данном подразделе обоснованы основные особенности художественной культуры, главной из которых является её трансформация в период перехода из века в век. Далее, прежде чем обратиться к анализу поэтических метафорических текстов и закодированной в них культурной информации, следует раскрыть особенности российской культуры переходных эпох конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. Поэтическая культура, как известно, относится к художественной культуре. При этом поэтические тексты содержат набор определённых смыслов, демонстрирующих особенности того или иного временного периода, его культуры, анализа культурных трансформаций и того, как они отражались в поэтических произведениях этого времени.

1.2. Поэтическая метафора как форма сохранения-трансляции культурных смыслов и авторских идей

Метафора – основная единица прекрасного, «кирпичик», из которого складывается любое произведение искусства.

Хосе Ортега-и-Гассет

Анализ метафоры показал, что ей присущ ряд культурных характеристик. В частности, она демонстрирует особенности авторского мышления и специфику познания мира, репрезентируя при этом не только авторское мировосприятие, но и сложившиеся в обществе культурные ценности и установки. Создание метафор обусловлено отождествлением между собой предметов, взятых из разных логических классов на основе ряда

идентичных признаков и характеристик. Особенности перцептивных механизмов и их взаимосвязи позволяют при этом творцу сопоставлять несопоставимое и соизмерять несоизмеримое.

Наиболее давняя традиция исследования метафоры связана с теорией субституции (Аристотель) [8, с. 34], характеризующей сущность метафоры как «перенос», «переносное значение», в основе которого лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим на основании их общего признака. В соответствии с этой теорией в текстах с помощью метафоры: а) одна из означаемых заменяется другой; б) выявляются сходные характеристики между именами; в) осуществляется отклонение от языковых разговорных норм; г) демонстрируется с помощью подтекста скрытый смысл излагаемой информации. Причём метафорический авторский язык может выражаться различными частями речи, не только существительными, но и прилагательными, глаголами (позднее, когда ученые начали классифицировать типы метафорических конструкций, им были даны названия в соответствии с данным параметром: глагольная, субстантивная и адъективная метафоры).

Метафора в объяснении Дж. Вико (1668–1744), в отличие от Аристотеля, содержала только один вид переноса – с живого на неживое, придавая вещам неживым, бесчувственным чувственное и страстное содержание. Дж. Вико полагал, что первоначальное появление метафор связывалось с этапом развития героического языка. Итальянский философ Джамбаттиста Вико считал, что при внимательном рассмотрении «каждая метафора оказывается маленьким мифом». «Метафорические выражения, будучи формой комплексного отождествляющего мышления, предваряют разграничение языковых и мифологических конструкций, так как в момент её (метафоры) зарождения нет осознания её содержания с отождествляемым объектом. Следовательно, метафора символизирует совершенно специфическое содержание сознания, связывая слова и его значение в отождествляющий звуковой комплекс, репрезентирующий тождество мифического образа и звукового понятия» [32, с. 217].

В. Гумбольдт, анализируя языки американских аборигенов, выявил в каждом языке одинаково звучащие слова, применяемые для означивания ряда понятий. Причём именно с этими словами В. Гумбольдт связал термин «метафора», но не дав ему объяснения и не продемонстрировав его особенности. По его мнению, с одной стороны, особенности разговорной речи способствуют появлению метафор в тех случаях, когда речь не позволяет по каким-либо причинам выразить мысль с помощью ясного, прямого, лаконичного высказывания; с другой – «метафорическая изобразительность проявляется в языке для достижения целей понимания» [51, с. 156].

Следующий немаловажный шаг в изучении метафор как языкового феномена, обусловленного особенностями мыслительной и интерпретативной деятельности человека, основан на герменевтическом подходе Х.-Г. Гадамера и М. Хайдеггера. Так, по мнению Х.-Г. Гадамера, метафоры как формы авторской интерпретации опираются на её неклассические аспекты, аргументирующие взгляд на метафору как на выражения, демонстрирующие своеобразную познавательную силу [37, с. 210]. Достижением Х.-Г. Гадамера в понимании авторского текста является то, что у каждого интерпретатора есть предварительное понимание, обусловленное традициями и культурой, в которой интерпретатор живет и мыслит (предпосылочное мышление). Чтобы получить ответ на вопрос, по мнению Х.-Г. Гадамера, необходимо достигнуть «сплавления горизонтов» интерпретатора и интерпретируемого. Онтологический подход Х.-Г. Гадамера к герменевтике осуществил включение в её проблематику вопросы смысла жизни и мироощущений, основанные на онтологии М. Хайдеггера.

Строение метафоры и необходимость выявления её когнитивного смысла нацеливают на возможность анализа, чтобы в процессе интерпретации найти различия и сходства между информацией, скрытой метафоризированием. Причём, анализируя текст, выраженный метафорическим языком, можно относиться к метафоре как литературоведческому понятию, форме поэтического текста, однако в контексте интегративного культурологического знания важно рассматривать её в совокупности ряда векторов познания, т. е. как эпистемологическую категорию.

По мнению Э. Кассирера, происхождение метафоры зачастую ищут в мифологической фантазии. Мифологию возможно рассмотреть как продукт языка, поскольку важную роль играет первичность языка по отношению к мифу. Поэтому можно сказать, что первостепенная метафора лежит в основе мифотворчества; она представляет собой в первую очередь явление на стыке языка и культуры, подлежащее исследованию и интерпретации. В этой ситуации визуальная, символическая метафора в изобразительном искусстве и архитектуре может отойти на второй план, но значимость её среди других имплицитных явлений в искусстве и многолинейность смысловых аспектов нельзя не отметить. Такая метафора, бесспорно, имеет совершенно другую структуру – зритель считывает её без использования буквенных знаков, имея лишь набор образов и изображений, содержащих некую символику. В данной ситуации метафора и символ – это две взаимодополняющие части, создающие поток ассоциативных интерпретаций, позволяющий соприкоснуться с истинным значением предмета искусства. Поэтому в первую очередь следует рассматривать метафору как культурно-языковое явление в мифологии, поскольку именно оно, возможно, дало жизнь разнообразным метафорическим обра-

зованиям во всех видах и проявлениях искусства в дальнейшем. Современные индивидуальные авторские метафорические конструкции при своем создании опираются на воображение автора и его фантазии, древние же метафоры скорее носили прагматичный характер, были обусловлены необходимостями, потребностями человека. В результате древние метафоры были созданы не столько благодаря переносному механизму, сколько более точному обозначению понятия, соответствующего предыдущему. По мнению Э. Кассирера, мифология является лишь незначительным отзвуком того, что некогда символизировало совершенное царство мысли и языка [67, с. 38]. Такая система более точного определения понятий в итоге привела к весьма неоднозначному и загадочному явлению в искусстве – метафоричности. Кроме того, искусство, как и язык, несомненно, в своих истоках взаимодействует с мифологией, поскольку миф по своей сути является искусством. Лишь постепенно миф, язык и искусство в культуре разделяются и образуют три формы духовного творчества человека. Возможно соприкосновение метафорического и мифического с магическим по причине присутствия магики-мифического образа, который находится в искусстве и метафоре в целом. Метафорическое образование, где бы оно ни находилось, удивляет своей новизной и оригинальностью, заставляя погрузиться в поток ассоциаций и временно отстраниться от материального мира. Вероятно, следует искать истоки метафоричности в сакральном мифологизированном прошлом, поскольку метафорой, по сути, является тайна, которую необходимо понять, разгадать.

Множество работ посвящено теории метафоры, её семантической структуре. Ученые рассматривают вопросы о том, как создаётся метафора, из чего конструируется, анализируют её языковые и лингвистические особенности, примеры из классической литературы. Основные открытия в области метафоризации были сделаны нижеприведенными исследователями в конце XIX и в течение XX в.

При рассмотрении теории метафоры выделяют несколько ключевых подходов: семантический, прагматический, философский (герменевтика) и когнитивный. Лингвистические знания о метафоре сегодня позволяют не взаимоисключать различные подходы, причём в теоретических знаниях о метафоре каждый из подходов имеет свое место. Семантический подход объединяет ряд теорий, которые можно назвать общей теорией сравнения. В науке его представляют такие учёные, как Дж. А. Миллер, А. Вежбицкая, М. Бирдсли и др. Странники сравнительной теории исследования метафоры оперируют имплицитными признаками структуры метафоры – признаками оппозиций, сходств и различий. Так, например, Монро Бирдсли в работе «Метафорическое сплетение» [21, с. 33] сделал попытку объяснить сущность метафоры, проникнув в её лингвистиче-

скую суть и обосновав наличие двух возможных подходов к рассмотрению сущности метафор. Один из подходов называют «подходом со стороны объекта», другой – «подходом в контексте языковых особенностей». Причём М. Бирдсли обозначает метафору как «скрытое сравнение, неявное указание на сходство» и отмечает, что наиболее важен при исследовании не анализ эффектов, обусловленных метафорами, а рассмотрение языковых структур, вызывающих подобные эффекты, т. е. «столкновения значений». Подход со стороны языка к метафорическому выражению в тексте М. Бирдсли концептуализирует на основе возникновения при комбинировании слов логической оппозиции, сопровождающейся сдвигом от центрального значения слова к маргинальному [Там же].

В свою очередь, Дж. Миллер обозначает метафору как «стянутое сравнение», обосновывая, что если мысль автора выражена метафорически, то это касается сходств и аналогий, обусловленных принципами апперцепции, действующими при восприятии новой информации, и возникающим при этом её сравнением с ранее поступившей. Причём Дж. Миллер обращается в своём анализе не только к восприятию, но и пониманию как значимому аспекту в интерпретации любого содержательного элемента текста, в том числе и метафоры. В связи с этим можно говорить, что его подход к проблематике метафоричности психологический и философский (герменевтический). Для понимания любого текста необходимо соотнести его с имеющимися уже у интерпретанта знаниями, образными представлениями и опытом об анализируемом. Причём учёный настаивал на необходимости придерживаться при этом любой ценой презумпции истинности [140, с. 53]. Реконструкция подразумеваемого сравнения – решающий этап в понимании метафоры, по мнению Дж. Миллера. Он предлагает классифицировать метафоры на именные (в основе существительное), предикатные (в основе глагол) и адвербиальные (в основе наречие). Далее исследователь предполагает, что интерпретация метафорических конструкций позволяет определить лексическое значение слов. Причём для выявления сходства, обуславливающего основу вновь возникшей метафоры, по мнению Дж. Миллера, достаточно предпочтения побочного значения слова, а не его ядерного значения. Описывая процесс интерпретации метафорической структуры и понимания текстов, учёный опирается на принципы апперцепции, позволяющей соотнести новую информацию с уже имеющейся. В результате суть метафоры может быть концептуализирована в контексте отношений сравнения и подобия. По мнению А. Вежбицкой, метафора также является сравнением, но сокращённым. Причём в отличие от Дж. Миллера она считает, что метафора в своей структуре имплицитно не сходство, а отрицание при сохранении целостности семантического и формального признаков [31, с. 133].

А. Вежбицкая указывает на наличие двух значимых признаков метафоры: «*семантического* как одного из составляющих ее глубинной структуры и *формального* как проявления её поверхностной структуры» [31, с. 133]. Кроме того, А. Вежбицкая убеждена, что эксплицитную метафору вообще нельзя называть метафорой. Данное утверждение позволяет подчеркнуть в очередной раз наличие в метафоре подтекстовой информации, имеющей скрытое значение, выявление которого, в сущности, необходимо при интерпретации любого метафорического образования.

Следует отметить, что объяснение сущности метафор на основе сравнительно-сопоставительных процедур недостаточно для её понимания. В результате в настоящее время эти теоретические подходы меняются на те, которые обосновывают возникновение метафор на основе аналогий. Проанализировав работы таких учёных, как М. Бирдсли, Дж. Миллер, А. Вежбицкая, Д. Дэвидсон, Н. Гудмен и др., можно с уверенностью говорить о том, что метафора – это сложная семантическая структура, основанная на сходстве в ее имплицитной глубинной структуре.

Некоторые учёные, исходя из данного подхода, приняв за основу семантическое направление, разработали новые материалы по вопросу метафоры. Так, Поль Рикер рассмотрел проблематику, пограничную между семантической теорией самой метафоры и психологическими подходами к воображению и перцептивным процессам [116, с. 426]. Под семантическим подходом П. Рикер понимает возможность выявления наличия в метафоре непередаваемой информации, признаков истинного проникновения в реальность. Метафора не загадка, а решение загадки. Смысловая сущность метафоры, по мнению учёного, обусловлена новым согласованием, возникающим на «руинах» явного, буквального смысла. П. Рикер делает попытку объяснить структуру метафорического образования с помощью когнитивных, психологических процессов человеческого сознания. Согласно своему подходу, автор сделал выводы: метафору необходимо рассматривать скорее как акт предикации, чем названия. По его мнению, недостаточно опираться только на теоретические подходы к метафоре, объясняющие сущность возникновения нового согласования на предикативном уровне с точки зрения отклонений от нормы и проявлений абсурдности в текстах. Вместе с тем поэтический образ следует толковать в соответствии с когнитивным компонентом, понимаемым как связь между согласованностью и несогласованностью на уровне смысла. В работе «Живая метафора» Поль Рикер включил в семантическую теорию сенсорный компонент, без которого, по его мнению, продуктивное воображение вообще не было бы воображением, осуществил попытку определить разрывы между семантикой и психологией и обосновать, что теория метафоры даёт учёным возможность демонстрации наличия у этих теоре-

тических сфер общей границы. П. Рикер обращается к определению иконического образа, возникающего в результате соединения смысловых значений и ощущений; сгущения языка и его способности формировать воображаемый мир. По мнению исследователя, основным проявлением поэтического языка является не слияние смысла и звука, а смысловое объединение возникающих в сознании поэта образов, обуславливающих «иконичность смысла». Введение понятия образа или воображаемого в теорию метафоры касается сенсорных невербальных факторов в семантической теории. В конечном счёте П. Рикер повторяет уже ранее сформулированную в другой работе идею о том, что смысловая сущность метафор – это решение семантических коллизий, направленное на выявление новой знаковой правильности текста. Учёный в своих исследованиях руководствуется регрессивно-прогрессивным методом, с помощью которого, на его взгляд, можно диалектически обосновать любые явления в контексте трёх измерений времени (прошлого, настоящего и будущего), что, несомненно, значимо для нашего исследования. П. Рикер считал, что условием опыта человека служит языковой характер желаний, восприятий и воображения, имеющих символический культурный смысл. Учёный пытается переосмыслить проблематику символа, применяя к ней метафору. Метафора буквально демонстрирует символическую функцию языка. В метафорическом выражении, нарушающем семантическую правильность фразы, несовместимом с её буквальным прочтением, Рикер обнаруживает осуществление человеческой способности к творчеству.

Х. Ортега-и-Гассет считает метафору орудием познания. По мнению учёного, не всё в мире можно осмыслить, многое понимается образно, абстрактно. Для того чтобы понять трудное и неуловимое, разуму необходимо опереться на лёгкое и доступное. «Метафора – это действие ума, с чьей помощью мы постигаем то, что не под силу понятиям» [100, с. 70]. Метафора – это истина, проникновение в реальность, несмотря на то, что последователи эстетических воззрений видели в ней только «завораживающий отсвет прекрасного» [Там же]. Действительно, посредством близкого и подручного возможно соприкоснуться с отдалённым и недостижимым, с некой вторичной информацией, которая может находиться за текстом, внутри него, а не на поверхности. Возможно выявление в произведении череды событий или же небольшой истории, содержащей некую мораль, спрятанную за внешним образом.

Если говорить о прагматическом подходе к метафоре, то он опирается на теории взаимодействия, отклонения и верификации. При этом согласно теории взаимодействия (Н. Гудмен, Д. Дэвидсон, Э. Ортони, А. Ричардс, Дж. Серль, Ф. Уилрайт) каждая метафора обусловлена наличием в ее анализе коммуникации как создающего её субъекта, так и воспринимающего её,

т.е. это направление опирается в анализе на принципы семантического взаимодействия двух текстовых элементов в контексте их «согласованности-несогласованности», а также соотнесенности «истинное-ложное». При этом подходе не осуществляется анализ способов вербального представления метафор. Открытыми остаются проблемы соотношения метафоричности с системностью языковых конструкций, их формой и содержанием, выявления смысла и значения метафорического высказывания.

Попытка объяснить структуру метафоры с помощью прагматического подхода Эндрю Ортона свелась к рассмотрению роли сходства в метафоре, особенно в уподоблении. В основе пропорциональной метафоры, как полагает автор, лежит понятие аналогии, включающей сходство взаимоотношений объектов, а не сходство самих объектов. Автор отмечает, что если слушатель знает о теме очень мало, то он воспринимает информацию метафорично, строя собственные умозаключения о чём-то, чего он не знал [102, с. 230]. Вот почему для восприятия информации важны образы. Они позволяют видеть вещи с разных сторон, что является неотъемлемой частью научного открытия. Придерживаясь взгляда о том, что научные исследования не могут обходиться без метафор, автор, тем не менее, делает вывод о том, что образное мышление очень важно при восприятии метафоры настолько, что иной слушатель, не обладающий достаточной степенью воображения, не сможет выявить смысл высказывания, содержащего метафорическое образование.

Так, Ф. Уилрайт в своей работе «Метафора и реальность» подробно описывает структуру происхождения метафорического образования. Надо отметить, что данная теория поддерживает и продолжает постулаты предыдущей о том, что сначала необходимо соприкоснуться с внешней «оболочкой», а после уже познать внутреннее содержание метафорического образования. По мнению автора, наиболее важное в метафоре – это зашифрованная глубина перемещения объектов реального или вымышленного мира при помощи воображения [142, с. 84]. Ф. Уилрайт подчёркивает наличие некоей «духовной глубины», характерной для метафоры, на которую также обращает внимание и Х. Ортега-и-Гассет. Зачастую эта «глубина» является имплицитной информацией, нуждающейся в интерпретации.

Ф. Уилрайт проводит параллели между метафорой и символом, считая их родственными явлениями, которые можно охарактеризовать как две стороны одной медали, а также как «естественные фазы описательного процесса» [Там же]. С. Малларме отмечает, что «назвать предмет – значит уничтожить три четверти наслаждения в стихотворении, которое создано для постепенного угадывания; внушить его – вот мечта» [247, с. 398]. Основываясь на прагматическом подходе, нельзя не отметить соотнесенность метафорических образований с символикой в тексте, так

как зачастую писатели применяли метафору именно для создания символических образов. Символизм, основанный на использовании в литературных текстах недосказанности, намёков, таинственности, загадочности, включает в себя употребление различных средств художественной выразительности, в том числе и метафор. Лингвистическая сторона создания текста была обусловлена конструированием различных словоформ, словосочетаний, предложений, которые, в свою очередь, изобиловали метафорическими образованиями и другими языковыми явлениями. Поэтому исследователи зачастую отождествляли метафору и символ, не только сравнивая, но и приравнивая эти два явления. Так, к примеру, известный русский языковед В.П. Москвин обосновал, что как экспрессивная номинативная единица метафора соотносится с теми выразительными средствами, которые также могут иметь метафорическую основу, прежде всего с эпитетом и метонимией, что определяет сферу парадигматических сближений метафоры как двустороннего знака [93, с. 59]. Источниками словесной символизации становятся два типа ассоциирования: 1) метонимическое; 2) метафорическое. Вся природа есть не что иное, как символ. Другими словами, ее подлинное значение становится очевидным, только если она рассматривается как указатель, способный заставить нас осознать сверхъестественные или «метафизические» истины – метафизические в действительном, подлинном смысле слова; в этом и состоит сущностная функция символизма.

А. А. Ричардс в своем исследовании «Философия риторики» отметил, что «владение метафорой – это величайшее из искусств только потому, что это владение жизнью» [115, с. 45]. С этим, безусловно, невозможно не согласиться, поскольку тот, кто владеет искусством слова, владеет ситуацией, является лидером в различных сферах жизнедеятельности. По мнению учёного, в метафорическом выражении или одном слове выражены взаимодействующие друг с другом мысли о различных вещах, причём их значение есть результат взаимодействия – таков принцип образования метафоры. Заслуга А. А. Ричардса заключается во введении двух терминов для различия компонентов, которые можно назвать двумя идеями, – «содержание» и «оболочка». Содержание, по мнению А. А. Ричардса, – это чистое значение, которое «независимо от выражающих его фигур речи» должно быть интерпретировано. Это самое «извлечённое» может являться затекстовой информацией, которую необходимо интерпретировать, кроме того, то, что зашифровано с помощью метафоры, должно быть разгадано. «Оболочка» – это внешняя форма метафоры, это метафора «с первого взгляда», то, что слушающий или читающий осмысливает до извлечения основного смысла или подтекста («содержания»), заключённого в метафорическом высказывании. Что касается взаимодействия оболочки и содержания, то коммуникация их обуславливает большое

богатство высказывания, чем каждый из взаимодействующих компонентов в отдельности. Анализ метафорических языковых механизмов, принципов обменов между значениями слов следует ассоциировать в процессе интерпретации текстов с особенностями воспринимаемой автором информации о мире, обществе, в котором он живёт, и его культуре. Невозможно правильно анализировать метафору, если забыть об этом. Важно выделить содержательную сущность метафоры и верить, что это и есть значение высказывания; вначале выделив внешнюю «оболочку» метафоры, её поверхностную суть; затем, объединив «содержание» и «оболочку» метафорической конструкции, решать, приемлема или неприемлема суть высказывания, есть ли между ними связь; наконец, принимать или отвергать то направление, которое задают жизни «содержание» и «оболочка», вместе взятые [115, с. 45]. В традиционных теориях метафора рассматривалась только как языковое средство, как результат замены слов или же сдвигов в контексте излагаемого. Между тем в основе метафорически выраженных высказываний и поэтических текстов лежат заимствования, взаимодействие ряда идей (thoughts) и контекстные смены.

Дж. Р. Серль, критикуя теории сравнения и семантического взаимодействия, продемонстрировал ряд неточностей. Так, ряд замечаний автор выдвинул относительно теории семантических взаимодействий, а именно: неспособность в этой теории разделить те высказывания или отдельные слова, которые не могут быть метафорами, от метафорических образований или высказываний такого рода. По мнению Дж. Р. Серля, главное, что необходимо объяснить при интерпретации метафор, каким образом значение её содержания для говорящего и значение того, что сказано, расходятся, оставаясь в то же время связанными друг с другом [121, с. 314]. Приоритетной задачей для Дж. Р. Серля при этом является объяснение отличий метафорических высказываний от буквальных.

В свою очередь, Д. Дэвидсон попытался опровергнуть двойственную сущность метафор в работе «Что означают метафоры?», хотя достаточной убедительности в этом в его работе не выявлено. В частности, учёный обосновывал, что метафора ничего кроме своего буквального смыслового содержания не несёт, как и говорящий индивидуум, использующий метафорическое высказывание, не имеет за ним ничего, что выходило бы за пределы буквального содержания. Отмечая, что в метафоре определенные слова принимают новое или, как его иногда называют, «расширенное» значение, учёный осуществляет попытку объяснить суть метафоризации как «случай неоднозначности»: «в метафоре определённые слова имеют и новое, и свое первичное значение; сила метафоры прямо зависит от нашей неуверенности, от наших колебаний между этими двумя значениями» [56, с. 48]. В результате автор приходит к теории образного или особого зна-

чения метафоры, которое определяется как «буквальное значение соответствующего сравнения». Схожие идеи встречаются в работе Н. Гудмена. Однако Н. Гудмен, в отличие от Д. Дэвидсона, пытается расширить понятие метафоры, отмечая, что метафоричность не является средством украшения речи; она способствует развитию знаний, заменяя ранее сложившиеся, но уже устаревшие в культуре «традиционные» категории более совершенными, способствующими видению излагаемых с помощью метафор проблем в иной форме, предоставляя тому, кто воспринимает и анализирует метафорические высказывания, новые факты, новый опыт, новое понимание происходящих в культуре изменений. Цель метафорического использования слов – демонстрация других их значений, не соответствующих привычным [140, с. 94].

Когнитивный подход в изучении метафоры связан с исследованиями таких учёных, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, Э. Маккормак.

Эрл Маккормак, обосновывая истоки метафоры, обращается к структурам человеческого разума, утверждая, что именно разум порождает язык, а возникновение метафор при этом обусловлено сопоставлением несопоставимых в значительной степени семантических концептов, что приводит к появлению некоторого нового смыслового значения. При этом учёный выделил семантический и когнитивный уровни глубинных структур разума, но утверждал, что в основе семантического процесса лежит когнитивный и что метафора имеет культурные основания, а метафоричность – комплексное содержание: язык, культуру и принципы человеческого восприятия. Следовательно, в контексте каждого из этих содержательных элементов можно анализировать метафоры. Познав метафоры, можно понять особенности языка и культуры определенного этноса [86, с. 140]. Например, *«На стенке календарный Ленин»* (С. Есенин). – Портрет вождя должен был висеть на почетном месте в любой организации СССР, но и чаще всего был во всех домах обычных жителей. В стихотворении «Возвращение на родину», написанном в 1924 г., поэт описывает, как изменились родные места после революции, и, в частности, отмечает, что на стене в доме сестры Татьяны висит портрет В. Ленина.

Можно утверждать, что значимость метафорических высказываний проявляется не только в том, что они намекают на нечто существующее в реальности, активизируют человеческую мысль в процессе анализа, демонстрируют наличие подтекстовой информации в своей структуре. В результате процесс метафоризации осмысливается в значениях: динамическом когнитивном, создающем не существующие ранее гипотезы и смыслы; динамическом культурном, позволяющем в процессе анализа метафорических конструкций установить культурное своеобразие эпохи, выявить не только его динамику, но и особенности трансформации устного и письменного языка.

Другими словами, возможен вывод о том, что метафорический процесс – это культурный процесс, поскольку метафоры создают, трансформируют и обогащают язык, а язык – это неотъемлемая часть культуры. Язык – это культура, а культура есть язык, вот почему, выявив истинный смысл метафорического образования, можно познать культурные особенности того или иного народа, что является немаловажным фактором в изучении взаимодействия языка и культуры в целом. Сложность декодирования метафор обусловлена тем, что метафорический процесс предполагает не только участие разума, но и взаимодействие его при создании метафор с внешним миром, с богатством его символов и культурных проявлений. В результате метафоры приобретают языковое содержание, обусловленное определённой культурой, а значит, выраженное в культурном контексте. Например, *«На смену царине с величественной силой рабочая предстала рать»* (С. Есенин). – Рабочий класс, пролетариат в годы советской власти стал главной силой, осуществляющей преобразования.

Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии [77, с. 47]. Они обосновывали, что понятийная система человека имеет метафорический характер, в результате его мышление, повседневное существование и ролевое поведение в значительной степени обусловлены метафорой. Исследователи считают, что сущность метафоры можно распознать на основе выявления соотношенности переживаний авторов текстов, осмысляемых и выраженных в терминах явлений одного рода с терминами, демонстрирующими явления зачастую противоположного смыслового содержания. Дж. Лакофф и М. Джонсон пришли к выводу о том, что всё человеческое проходит через определённый метафорический «фильтр» [Там же].

Р. Якобсон в работе «Два аспекта языка и два аспекта афатических нарушений» рассуждает о понятиях сходства и смежности как об основных чертах метафорики и метонимии (метонимия – перенос наименования с одного предмета или явления на другой на основе смежности), об их взаимодействии в языке и искусстве [166, с. 122]. Он обосновывал, что если в народной русской лирике преимущественно выявляются метафорические конструкции, то героическому эпосу присуща метонимия. Причём учёный отмечает, что метафорические выражения более свойственны романтизму и символизму, а метонимии характерны для реалистических литературных школ, предопределяя особенности этого направления. Таким образом, метафора и метонимия – это инструменты создания символа, отличающиеся лишь тем, что в структуре метафоры скрытый смысл передается путём сходства, а в структуре метонимии – путём смежности. Однако и в первом, и во втором случае нельзя отрицать наличие скрытого

значения, которое необходимо интерпретировать. Р. Якобсон считал, что для интерпретации метафор исследователь обладает рядом подходов, метонимия же с трудом поддается интерпретации; вот почему метафора – для поэзии, а метонимия – для прозы.

В современной западной и российской науке наиболее популярна интеракционистская концепция метафоры (an interaction theory of metaphor) – теория взаимодействия, которая представлена в научных исследованиях М. Блэка и А. Ричардса. Согласно этому теоретическому подходу для метафорических выражений нет адекватных языковых форм, а значит, нет принципов, на основе которых устанавливаются правила их употребления в речи и литературных текстах и, соответственно, осуществляются их интерпретация и понимание. По мнению М. Блэка, в процессе метафоризации осуществляется взаимодействие двух объектов (сущностей): один из них – объект уже имеющегося в языке означаемого (наименования), второй объект обозначается метафорически. Автор предложил отнести метафору к области семантики, а не к синтаксису. Кроме того, он предполагает, что есть такие особенности метафоры, которые можно отнести не только к семантике, но ещё и к прагматике. Нам близок данный подход, поскольку метафора для нас не только структурная часть текста или же литературный троп, но и некая духовная субстанция, несущая поток мыслей и ассоциаций, реализованных в произведении искусства с помощью слова или кисти. Главная особенность работы М. Блэка состоит в формировании субстанционального взгляда на метафору, определяющего, что любой метафорический текст может пониматься как замещающий предложения с прямым смысловым значением. Исследователь обращает внимание на умение любого автора, использующего метафору, наполовину скрыть, наполовину обнаружить истинный смысл своего творчества, подчеркивая имплицитность любого метафорического образования, сопоставляя тем самым интерпретацию метафоры с дешифровкой кода, отгадыванием загадки. Однако М. Блэк не приемлет использование метафоры в научных трудах, считая ее не подходящим инструментом для достижения серьезных научных достижений [22, с. 170].

О содержании в метафорическом образовании зашифрованной информации свидетельствует тот факт, что смысл метафорических высказываний отличается от прямого смыслового содержания высказывания своей нестандартностью. Это дает возможность утверждать, что метафора действительно может служить одним из способов передачи скрытой информации. М. Блэк утверждал, что использование в тексте двух взаимодействующих мыслей, направленных в одну точку, означает применение метафоры, надеясь при этом на верное восприятие её читателями [22, с. 170]. Здесь стоит обратить внимание на то, что только «опытный»,

т. е. знающий или просвещенный, субъект может верно интерпретировать метафорическую структуру – без соответствующих знаний она останется, к примеру, всего лишь набором слов.

Фразы, состоящие из слов-метафор, приводят к возникновению пословиц, аллегорий, загадок, в которых, как известно, заключена народная мудрость. С их помощью передаются из поколения в поколения знания и опыт, традиции, обычаи и культурные особенности людей, живущих на одной территории, объединенных общим географическим пространством. При интерпретации метафорических образований разных народов и культур следует учитывать, что метафоры, эффективные в рамках одной конкретной культуры, могут оказаться неприемлемыми и абсурдными для обоснования других. Например, *«Все новые и новые народы сбегались и сплетались в хороводы под гром и лязг ликующих машин»* (М. Волошин). – В состав Советского Союза вошли различные республики, население которых представляло разные этнические культуры и религии. Таким образом, стало возможным создать могучую державу, построить города и заводы, где производилась современная техника и продукция.

Из всего вышесказанного ясно, что понять феномен метафористики пытались многие ученые, лингвисты, психологи, философы, филологи и литературоведы. Так, Д. Девидсон, Х. Ортега-и-Гассет полагали, что метафора – это истина, в то время как Дж. Миллер оппонировал, доказывая, что она – ложь и ей нет места в научных трудах. В противовес его взгляду Н. Гудмен считал, что с помощью метафор ученые делают свои великие открытия. О.И. Глазунова обосновывает, что внутренняя форма иногда способна вводить в заблуждение. «Свет человеческого ума – это вразумительные слова, предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями», именно поэтому «во всех тех случаях, когда серьезно ищут истину, метафоры абсолютно исключены, ибо раз мы видим, что они откровенно обманывают, то было бы явным сумасшествием допускать их в совете или рассуждении» [42, с. 181]. В свою очередь, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Ницше, Э. Кассирер, склоняясь к романтическим воззрениям, оправдывали появление и употребление метафоры в речи. К примеру, Ф. Ницше называл метафору «вещью в себе» и полагал, что «мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям», видя в метафоре, как и в Творце, истину [98, с. 440]. Х. Ортега-и-Гассет также считал, что метафора – это способ не только описать объекты высокой степени абстракции, но и сокрыть их, поскольку метафора отчасти укоренена в духе «табу» [100, с. 48]. Дж. Лакофф и М. Джонсон развили эту мысль, утверждая, что метафора не ограничивается лишь

сферой языка, что процессы мышления человека и понятийная система в целом в значительной степени метафоричны и соотносимы с культурой. Метафора позволяет проникнуть в глубинные структуры реальности, в данном случае – космической реальности, создаёт множество смысловых коннотаций, в результате которых происходит передача непередаваемой информации, составляющей основу философии космической реальности и её эволюционных импульсов [140, с. 324].

Представители когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия) видели «в метафоре ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа» [9, с. 27]. Современные психологи склонны связывать метафорическое видение мира с генезисом человека и, соответственно, человеческой культуры. Культура, по их мнению, основанная на культурно-национальном мировидении, позволяет познать мир, являясь формой, обуславливающей принципы мышления человека, его ценностные ориентиры. Согласно антропоцентрической парадигме исследование метафоры необходимо осуществлять в рамках определения взаимосвязей между языком, культурой, ментальностью, особенностями коммуникации, общественными отношениями в изучаемый временной период. Именно многоаспектность метафоры и её функциональный дуализм обуславливают необходимость её рассмотрения в контексте как когнитивного, так и культурологического подходов, что способствует определению метафоры не только и не столько как инструмента познания, но, прежде всего, как культурной формы, феномена культуры. В метафоре особым образом соотносятся форма и содержание информации, определяемой лингвистическими и экстралингвистическими факторами (Ф. де Соссюр, Р. Карцевский, Р. Якобсон, Б. де Куртэнэ). Причём метафоры могут проявляться «как функциональная единица трёх пространств: когнитивного, культурного и лингвистического» [112, с. 46].

Наряду с традиционными взглядами и подходами в теории метафоры имеются не совсем обычные представления о её сущности. Так, например, некоторые исследователи высказывали идеи, в которых вся структура мироздания изображалась метафорически, представляя весь мир метафорой, где, по сути, и жизнь человеческая, и планета, и космос – все является метафорой. К. Кедров в работе «Метаметафора» само возникновение мироздания и вселенной определяет в соответствии с метафоричностью, таким образом, весь мир – метафора, с чем нельзя не согласиться, поскольку вселенная – это загадка, загаданная Богом, а задача человечества – ее корректно разгадать, не нанеся вреда ни себе, ни ей самой. Автор называет метаметафорой вогнуто-выгнутое зеркальное пространство,

где каждый предмет охватывает собой мир и одновременно пребывает внутри него. Этот процесс учёный называет высокой геометрией, которая отражает мир. К. Кедров приводит в пример фреску Микеланджело «Сотворение Адама», где Бог протягивает указательный палец навстречу своему творимому Подобию, а Подобие соприкасается указательным пальцем, с пальцем Творца, что может быть соотнесено с выворачиванием, которое может быть зримым. Люди, полагает исследователь, воспринимают звездное небо и всю вселенную как внутреннюю поверхность елочного шара, внутри которого они пребывают [69, с. 32]. Автор охватывает этот шар изнутри-снаружи, проводя параллели с метафорическим подобием по сходству. Такая авторская позиция позволяет характеризовать его теорию как сакрально-духовную, сакрально-таинственную, основанную на глубоком психологизме и философичности.

В трудах Ф.Р. Анкерсмита обращает на себя внимание метафора о земле и космическом корабле. Исследователь рассматривает одну метафору в контексте соотношения ее с другой. Противопоставляя метафору в языке реальности, он утверждал, что литературные тропы демонстрируют человеку нечто незнакомое, но, чтобы осуществить понимание чуждого ему и превратить его в нечто понятное и знакомое, необходимо опираться на опыт. По его мнению, именно литературные метафоры как мощный лингвистический инструмент способствуют преобразованию незнакомой реальности в мир для решения целей и задач человека. Автор обосновывал, что благодаря метафоре социокультурная и даже физическая реальности антропоморфизируются, в связи с чем незнакомая для нас действительность превращается в знакомую. Такого рода трансформация, по мнению Ф.Р. Анкерсмита, характеризует сущность метафоры. Он считает возможность приводить сравнения процесса метафорического с процессом историческим тем фактом, что историография может обнаружить скрытые значения в истории. Другими словами, и метафора, и история имеют скрытые смыслы – неявную информацию, которую необходимо выявить и интерпретировать. Таким образом, Ф.Р. Анкерсмит удалось актуализировать специальный вид метафоры – пространственный, полностью соответствующий его историко-временной теории метафоры. Пространственная метафора предлагает «деконструкцию» времени через пространство в том смысле, что временная последовательность аннулируется благодаря точке обзора, расположенной вне временного пространства [5, с. 167].

Рассмотрение метафоры в контексте категории сходства и определения его (сходства) роли в организации метафорических процессов и, соответственно, места метафоры в культуре и языке способствует, с одной стороны, формулировке гипотезы о метафоре как культурной форме, ресурсе культуры, а с другой – как культурном инструменте, открывающем

для человека путь к познанию культуры и себя в ней, отталкиваясь от метафоры, но основываясь на опыте. Метафорическая конструкция С. Есенина демонстрирует особенности культуры начала XX в.: «*Знать, оттого так хочется и мне, задрать штаны, бежать за комсомолом*». – Поэт передаёт чувства народа: комсомольские организации закрепились в обществе и сознании советских граждан, желание следовать новым правилам и законам возникает у людей все чаще.

Рассмотрение метафорических конструкций в различных культурах с их специфическими традициями, обычаями, ценностными установками, опытом жизнедеятельности открывает возможности использования интегративного культурологического подхода к разработке в дальнейшем лингвокультурологической теории метафоры.

Таким образом, метафоризация как процесс может рассматриваться в двух аспектах: *когнитивном*, вследствие которого формируются новые понятия, и *культурологическом*, благодаря которому через анализ метафор в контексте культурного своеобразия той или иной эпохи познается культурный опыт человека и осмысливается та информация, которую хотят донести до нас поэт или художник своим искусством. Иначе говоря, умение художника слова создавать метафоры, основываясь на имеющихся в языке морфемах, словосочетаниях, синтаксических конструкциях и опираясь на видение мира отдельно взятым народом, является продуктивным способом наполнения языка конкретного этноса и относится к языковой функции метафоры. Способность интерпретировать (разгадывать) созданные языковые метафоры в результате восприятия их авторами социокультурных процессов в контексте культурного своеобразия нации соотносится с имеющимся у интерпретатора опытом и пониманием культурных реалий соответствующего временного периода. Таким образом, реализуется культурная функция метафоры.

Именно функциональная двойственность метафор считается имманентным их свойством как одной из социокультурных форм и инструментов культуры, что обуславливает проблематику нахождения места метафоры в культурных понятиях и обозначает предпосылки лингвокультурологического подхода к ней.

Так, проблему двойкой сущности метафор обосновывала С. А. Хахалова, отмечая, что метафора как категориальное явление выражается в онтологическом, знаковом и функциональном дуализме и может рассматриваться как знак языка и коммуникативная единица [152, с. 184]. Причём в контексте коммуникативной функции метафоры отражают особенности духовных проявлений носителей языка и выступают средством познания внеязыковой действительности, что для нас особенно важно, поскольку метафора, кроме всего прочего, служит источником разнообразной куль-

турно-исторической информации. Можно говорить о взаимодействии метафоры и картины мира. Способность авторов метафор сопоставлять явления, затем синтезировать образы, соотносимые с различными логическими порядками, обуславливает продуктивность их деятельности при создании новых означаемых, что особенно важно при восприятии явлений невидимого мира. Антропоцентричность метафоры позволяет ей служить средством создания языковой картины мира, демонстрирующей ценности бытия человека. Например: *«Страна моя, и русские поляны опять полны студеной тишиной... как памятники выжженных селений, встают громады новых городов»* (А. Ахматова). – Урбанизация в стране достигла наивысших пределов в эпоху советской власти. Исчезали деревни – люди переселялись в развивающиеся громады городов.

Причём следует отметить, что метафора как культурная форма, несомненно, имеет глубокий социокультурный смысл и значительно сложнее, чем ее понимание на основе принципов простого сравнения. Не случайно взгляд на метафору как на сравнение в настоящее время сменяется объяснением ее как метафорического процесса на основе аналогии, что по сути своей почти идентично.

На наш взгляд, метафора, во-первых, представляет собой сложное культурно-лингвистическое явление, требующее изучения в контексте теорий, основанных как на культурных, так и языковых процессах, имеющее четкую, конструктивную структуру. Во-вторых, метафоричность – это один из основных литературных феноменов, проявляющихся в виде образных выражений поэтических текстов, где они, прежде всего, служат украшением, а также проявлением индивидуальности поэта, демонстрацией его психоэмоционального состояния, характера интеллектуальной жизни, представлений о картине мира, ценностных установок, что вновь говорит нам о необходимости многоаспектных подходов к исследованию метафоры и сути репрезентируемых ею культурных процессов.

В. А. Маслова характеризует метафорические конструкции как образно-мотивированные слова, которые являются экспонентами культурных знаков, пронизывающими язык, культуру, науку, жизнь, весь мир. Загадочность, а именно загадка, некая тайна, лежит в основе этого явления [192]. Из этого вытекает следующее обстоятельство: метафора несет в себе идею имплицитности, «в метафоре заключена и ложь, и истина, и «нет» и «да». Она отражает противоречивость впечатлений, ощущений и чувств» [9, с. 28]. В метафоре скрыта тайна, которую предлагается разгадать любому, кто сталкивается с ней. Так, по мнению священнослужителей, метафорами наполнены сакральные тексты [240, с. 602]. Ими изобилует Библия, поскольку каждый раз, когда писателям приходилось говорить о Боге при помощи языка метафор, они говорили о Нём и Его делах,

убеждённые в непостижимости великой тайны, которую несёт в себе Бог-Творец. Таинство создания метафоры уже само по себе некое волшебство, поскольку не каждый способен сконструировать нечто величественное, что впечатлит выдающиеся умы и коснётся душ простых людей.

Чтобы определить место метафор в контексте культуры, следует обратиться к анализу особенностей проявлений языка в мыслительной деятельности авторов в конкретных культурах. При этом важно учитывать, что любая авторская метафора – сложное создание, соединяющее в себе лингвистические и психофизиологические, эмоциональные и рациональные, мыслительные и чувственные признаки деятельности человека как носителя не только языка и мышления, но и ценностей культуры, её смыслов. Можно предполагать, что авторские метафорические конструкции содержат информацию о модели мира, в котором автор пребывает, и отражают всю сумму авторских представлений об этом мире внутри данной культурной традиции.

Так, одним из значимых символов русской культурной традиции является визуальный образ Троицы, репрезентируемый метафорически в ряде знаков: палаты – символ человеческой культуры, дерево – символ мира и жизни, скала – символ земли [239, с. 56]. Язык при этом рекомендуется рассматривать в качестве инструмента культуры, части этнического самосознания, информационного знака – хранителя информации об окружающем мире в достаточно широком аспекте, сочетающего в себе не только логико-рациональное, но и чувственно-эмоциональное восприятие мира как «имманентный компонент мышления в процессе логико-рационального освоения мира» [96, с. 175].

Ю.С. Степанов, рассматривая многоаспектность характеристик языка, его историческую, коммуникативную, социальную функции, подчеркивает, прежде всего, семиотический характер языка. В более поздних исследованиях о взаимосвязи языка и культуры уточняется характеристика языка как хранителя культурных ценностей, в то же время язык определяется как часть национально-культурного самосознания [233, с. 473].

Т.А. Букирева связывает специфику функционирования метафор в культуре с социокультурным фоном и культурными традициями, которые, по ее мнению, служат основой для их сопоставительного анализа и описания в контексте этносоциопрагматических и этносоциолингвистических проявлений. С точки зрения исследователя, в центре анализа должен находиться человек как творец метафор на основе этно-социопсихолингвистических компетенций [183, с. 109].

Несомненно, метафора как средство отражения национального менталитета аккумулирует в себе существенные особенности культуры. Так, Г. Пауль отмечал, что в процессе анализа совокупности метафор можно понять культурные идеалы на этапах развития культур, обосновывал, что каж-

дый век отмечен метафорами, присущими именно этому временному периоду и демонстрирующими эти идеалы. При этом «...культура является исторической памятью народа, его язык, в свою очередь, благодаря кумулятивной функции, хранит ее и обеспечивает диалог поколений, не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» [цит. по: 139, с. 203].

Язык рассматривается как культурный код нации, хранитель национальной культуры и транслятор культурных ценностей [3, с. 98]. В лингвокультурологии анализируются картина мира и образующие её единицы – концепты, репрезентирующие их языковые средства, – фразеологизмы, паремии, этнонимы, стереотипы, символы, метафоры. Но именно метафора является своеобразной формой отражения национально-культурного наследия в языке (А. А. Новоселова, В. А. Маслова, Е. Стоянова, В. Н. Телия, Э. Р. Хамитова, Е. Е. Юрков и др.). Поиск «лингвокультурного вектора метафоризации ведет к изучению глубинных основ национально-культурного миропонимания, определяющего многие особенности национально-языковой картины мира, национального (и индивидуального) языкового сознания» [181, с. 4].

Следует отметить, что вопрос согласованности метафор с национально-культурными ценностями поднимался в исследованиях Дж. Лакоффа и М. Джонсона, пришедших к выводу о том, что «... те ценности, которые реально существуют и глубоко укоренились в культуре, согласуются с метафорической системой языка». Причём культурные ценности сосуществуют не изолированно друг от друга, а образуют систему, согласованную с метафорическими понятиями, в мире которых протекает наша жизнь» [77, с. 39].

В свою очередь, В. Н. Телия, В. А. Маслова, Э. Р. Хамитова, Е. Е. Юрков и другие ученые предложили термин «культурная коннотация». Они весьма убедительно показали, что именно национально-культурная коннотация может стать результатом интерпретации ассоциативно-образных характеристик метафор, а также отметили, что она формируется в результате соотнесения их со сложившимися в лингвокультурном обществе стереотипами, эталонами, мифологемами. В частности, по мнению В. Н. Телия, метафора успешна в роли «призмы», позволяющей человеку видеть окружающий мир. Он считает, что внутренней форме языка метафор присуща национальная специфика, выраженная также в мифологемах и архетипах и проч. [137, с. 182].

Таким образом, мы еще раз убеждаемся в том, что именно метафоры, основанные на системе принятых в обществе символов, эталонов бытия, морально-нравственных норм, языковых аналогий и ассоциаций, усваиваемых в процессе социокультурной социализации, адаптации и интернализации и понятных всем представителям данной лингвокультуры, спо-

способны сохранить и транслировать из поколения в поколение характеристики национально-культурной общности.

Причём метафоры как механизм концептуализации бытия человека и общности когнитивных процессов обладают, с одной стороны, универсальностью, являющейся залогом успешных коммуникаций и проявляющейся в соизмеримости познаваемого с уже доступными и понятными для восприятия образами, а с другой – специфичностью, обусловленной уникальностью условий проживания: климата, ландшафта, повседневного быта, исторических и культурных факторов жизнедеятельности, всего того, что определяет национально-культурную специфику процессов моделирования мира. Например: *«О, вывези наш шар земной на колею иную»* (С. Есенин). – В стихотворении «Пантократор» поэт демонстрирует вновь свои двойственные чувства. С одной стороны, он говорит о достижениях страны, сравнивает советскую власть с красным конём, отмечая, что эта та власть, которая действительно выводит страну на иной уровень жизни и развития, с другой – высказывает вновь мысли о смерти и о встречи с теми, кто уже в потустороннем мире.

При создании метафор осуществляемые в них переносы происходят не в абстрактной среде; их проявления и содержательная суть обусловлены конкретными социокультурными ситуациями конкретных временных периодов и эпох. Можно считать, что в результате этого созданные метафоры в полном объеме соответствуют описываемой ими ситуации, её характеристикам, демонстрируемым как на вербальном, так и на ассоциативном уровнях. Вот почему, рассмотрев метафорические образования определенных культурно-временных этапов жизни общества, можно выявить главные социокультурные особенности данных этапов. Таким образом, можно заключить, что метафора представляет собой культурную форму выражения и репрезентации национального менталитета. Метафора – это элемент культурной модели мира, отображающий все представления о мире, сформировавшиеся в данной культурной среде, с её обычаями, традициями, ценностными установками человека, его мировосприятием. В свою очередь, язык – зеркало культуры.

Благодаря литературному творчеству в обществе формируются коллективные представления о мире, его ценностях и предпочтениях человека в нем, обусловленные когнитивно-смысловым отбором информации и культурными коммуникациями. Литература способствует пониманию исторического своеобразия различных народов, дает возможность не только проследить сходства и различия в жизненном укладе и социокультурной обстановке, но и выявить общее и специфическое в культуре. Именно литература обеспечивает межкультурную компетентность человека. Так, М. Фуко обосновывал, что именно язык демонстрирует сово-

купность культурных продуктов в контексте их сходства. По его мнению, все культурные продукты могут быть маркированы в контексте признаков историчности, социальности и системности. В более поздних исследованиях, направленных на выявление взаимосвязи языка и культуры, уточняется характеристика языка как хранителя культурных ценностей, а способность к языку определяется как часть национально-культурного самосознания [143, с. 149]. Трудно с точностью установить, что больше воздействует друг на друга – язык на культуру или культура на язык, ясно одно: это взаимопроникаемые и дополняемые друг друга явления. Можно также говорить о тождестве языка и культуры в связи с тем, что язык, в частности, обладает словарным лексическим пластом, а культура – словарём ассоциаций, образов и символов, актуализирующих значение слов. Так, П. Флоренский утверждал, что именно слово, в котором значительное место отводится метафоре-символу, предстаёт как синтез культуры, в котором воплощается акт познания в его двойственной природе – онтологической и гносеологической – как единство реального и идеального [239, с. 52].

Метафорические конструкции можно рассматривать как информативный портал, способствующий переносу в другую культуру, портал, без которого культура не была бы столь многообразной, разносторонней и яркой. Поскольку культура – это система множества элементов и взаимосвязей, обусловленных многообразием культурных форм и процессов, это явление, пронизывающее все стороны жизни человека, то значения метафор представителей одного культурного поля могут быть не понятны представителю другого.

Так, например, для китайца проникновение в сущность западной метафоры может быть затруднено культурологическим аспектом: не зная особенностей культуры, невозможно с точностью интерпретировать метафорическое значение. Отсюда можно говорить о том, что метафора очерчивает территориальные границы каждой конкретной культуры: культуры разных пространств и территорий рознятся и имеют свои особенности. Вместе с тем обоснованное К.Г. Юнгом коллективное бессознательное с его архетипическими образами позволяет говорить о наличии общечеловеческого образного культурного компонента. Предполагается, что именно метафора служит созданию такого межкультурного образного компонента, демонстрируя общечеловеческие ценности и смыслы бытия. Но построение картины мира авторами поэтических текстов – нечто субъективное. Выражая с помощью набора взаимосвязанных понятий, демонстрирующих картину мира, конкретные образы, авторы транслируют информацию о свойствах и поведении объектов. Можно утверждать, что абстрактные авторские понятия возникали на основе восприятия конкретных образов. Первоначальное абстрактное понятие зарождалось как

образ. Например, образ страха в русской картине мира воплощается в некоем враждебном существе, похожем на спрута [237, с. 145]. Значит, первоначальный вид абстрактного понятия образен. По мнению В. Д. Глезера, зрение как основной источник сенсорной информации о внешнем мире и акт мышления, основанный на зрительном восприятии, демонстрирующем образы-понятия – «...я вижу, следовательно, я понимаю», формирует модель мира, в которой отражены объекты, явления, события внешнего мира, воспринятого нашим зрением, и взаимосвязи между ними [43, с. 64]. Эти образы-понятия несут информацию о мире. А так как образ – это невербальное явление, то метафора, изначально основанная на образах восприятия, не может быть чисто языковым феноменом. Возможно, метафора демонстрирует авторский взгляд на мир изнутри, источником которого служит как личностное, так и коллективное бессознательное художника. Образ восприятия – эмоция-переживание – метафорическое изображение. Метафора обуславливает онтологичную, невидимую связь с единым целым культуры. Ранее были предприняты попытки выявить базовые конфигурации культуры в языке. Однако Ю. М. Лотман полагал, что «стать языком можно только ценой утраты реальности и перевода её в чисто формальную «пустую» и поэтому готовую для любого содержания форму» [84, с. 426]. По его мнению, в слове важен не звук сам по себе, а звуковые различия, отличающие это слово от всех прочих, так как эти отличия и являются носителями знаний. Учёный утверждал, что в центре культуры может существовать некое состояние, выраженное в первообразе, т. е. невербальном феномене, а вербальность – это уже следующий уровень, через который передается данное состояние или явление. Каждый объект культуры имеет определенный набор стандартных представлений и ассоциаций – в конструировании метафоры происходит их слияние в единый образ, другими словами, смотря на один объект через призму другого, где некоторые элементы этих ассоциаций наблюдаются первично, а другие элементы вторично, создается новое представление, объединяющее все эти элементы. В связи с этим возникает новое видение культурной реальности. Необходимо учитывать, что метафоры, создаваемые в последующих эпохах, могут содержать некие непостижимые при непосредственном восприятии новшества, тайны, созданные в этой эпохе и требующие повторного декодирования информации. Художественный язык, опирающийся на обилие вновь возникших образов, в новой культуре и новых временных этапах разрушает старые связи и создаёт новые, что ведёт к появлению новых авторских метафор, демонстрирующих культурные трансформации. Именно это продемонстрировал С. Есенин в метафорической конструкции: «Мать моя – родина, я – большевик. Ради вселенского братства людей». –

В стихотворении 1918 г. «Иорданская голубица» поэту, интуитивно ощущающему близкие перемены, становилось понятно, что изменится в стране многое и ценности в том числе. Этот факт вызывал особое сопереживание в сознании народа, а также стремление распространить идеи коммунизма по всей земле, создав вселенское братство.

Как уже говорилось ранее, возникший метафорический образ нуждается в интерпретации, поскольку имеет информативную функцию. Любое метафорическое образование, будь то языковая, этнокультурная метафора или индивидуально-авторская, поэтическая, нуждается в интерпретации. Считывание информации, раскрытие образа необходимы для понимания сущности высказывания. Конечно, сущность далеко не каждого метафорического образования сопряжена с культурологическим содержанием, особенно если речь идет об индивидуально-авторской метафоре. Однако многие поэтические тексты раскрывают суть той или иной социокультурной действительности, в период которой были созданы, иллюстрируют события социума и культуры, уточняют факты, детали, обстоятельства. Можно утверждать, что познание метафорической сущности высказывания демонстрирует этнонациональные особенности культуры и языка. В свою очередь, метафора – это не только лингвистическое явление, но и культурная форма, репрезентирующая проявления творческой жизнедеятельности человека в сфере литературы, живописи, именно в тех сферах искусства, где «метафора не просто присутствует, она здесь царствует, она составляет саму суть» [201].

Таким образом, метафора не ограничивается лишь сферой языка, процессы мышления человека и понятийная система в целом в значительной степени метафоричны и соотносимы с культурой. Метафора является одним из носителей и средств отражения национального менталитета, создаёт возможность аккумуляции особенностей культуры.

В данном исследовании важно интерпретировать и отразить социокультурную информацию, содержащуюся в индивидуально-авторской метафоре, тем самым доказать возможность такой метафоры выступать транслятором социокультурных событий того или иного временного периода. Наша задача заключается в иллюстрации того, что не только языковая, но и индивидуально-авторская (художественная) метафора, благодаря своей образности, символизму и зачастую наличию подтекста, имеет возможность транслировать культуру. Для этого целесообразно осмыслить поэтический текст и декодировать каждое метафорическое образование. В данном подразделе мы рассмотрели главные подходы к метафорическим конструкциям, а также показали взаимосвязь метафоры и культуры, что принципиально важно для данного исследования.

1.3. Метафора в поэтическом тексте как отражение авторской картины мира

З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают картину мира как сложившуюся в общественном сознании упорядоченную систему, включающую в себя совокупность знаний об окружающей действительности. Причём в российской научной мысли разделяются понятия «языковая» и «концептуальная» модели мира. В основе «концептуальной» модели мира лежит информация, данная в понятиях, а языковой – знание, закреплённое в словах конкретных разговорных языков. Таким образом, «...языковая картина мира – это совокупность представлений народа об окружающей действительности на определённом этапе развития народа, зафиксированных в единицах языка» [135, с. 34]. В свою очередь, национальная картина мира – совокупность общих, устойчивых, повторяющихся представлений народа, единообразных форм поведения в стереотипных ситуациях, выявляемых в процессе коммуникаций человека, в используемых им поговорках, пословицах, афоризмах, сказаниях и проч. Эта картина мира представлена упорядоченной совокупностью знаний – концептосферой. Причём именно культура человека служит когнитивной основой для понимания мира и формирования его картины. В свою очередь, индивидуальная картина мира – это отражение окружающего мира в сознании отдельного человека, так как, несмотря на общность категорий мышления и принципов его деятельности, она у всех людей складывается на основе их личностного опыта, психофизиологических особенностей, ценностных установок, особенностей духовного развития. Вторичной картиной мира, подобной языковой, является художественная. Возникая в сознании зрителя/читателя при восприятии им произведения любой из форм искусства, художественная картина мира демонстрирует восприятие индивидуальной картины мира писателя/поэта/художника, созданной языковыми средствами. Эта картина – вторична, опосредована как знаковыми средствами выражения, так и зафиксированной с их помощью и продемонстрированной читателю/зрителю индивидуально-авторской концептуальной картиной мира. В ней могут отразиться национальные символы, национально-специфический концепт. В нашем исследовании рассмотрена именно художественная картина мира (поэтическая), реализуемая в авторских поэтических текстах.

Формирующееся у человека чувство связи с мировой жизнью в целом отражается в его картине мира в виде представлений о цепи бытия. Все причастно космосу, и каждая сфера жизни повторяет общие законы бытия. Человек – подобие вселенной. Факт наименования вещей равнозначен акту созидания; именно так в языке формируется картина мира.

Причём язык становится той системой в мировидении, которая выполняет регулирующие функции, воздействуя на поведение человека: человек обращается с объектами так, как обусловлено языком, являющимся не только источником мыслей и чувств народа, но и регулятором поведения. Системность языка определяется системностью его содержательного компонента – его семантики. Семантика человеческого языка тесно связана с мировоззрением человека, а вернее, с последовательностью сменявшихся мировоззрений, оставившей в языке свой глубокий след. Язык всегда погружен, с одной стороны, в то, что называется картиной мира, с другой – ориентирован на деятельность человека. Человеку необходимо интерпретировать явления и объекты, с которыми ему приходится иметь дело; структурировать свою деятельность, упорядочивать, координировать ее с деятельностью других субъектов; координировать социальные отношения, управлять социумом, сплачивать его, отделять его от других социумов; упорядочивать свою жизнь, свои жизненные ритмы, устанавливать правила жизни и фиксировать их в определенной форме [209, с. 11]. Структура языка задает границы национальной картины мира, в рамках которых словарный состав её достраивает, ориентируясь на историческую действительность. Словарный состав языка отражает и транслирует характерное для любого народа мировидение. Картина мира формируется в результате перекодирования воспринимаемых сигналов – первичных данных, фиксируемых приборами (искусственными или органическими, т. е. рецепторами), и вторичных данных, являющихся результатами перекодирования первичных. Исходным пунктом семиотики культуры было утверждение, что системы по-разному моделируют мир и обладают различной моделирующей способностью.

Оставить без внимания невозможно и тот факт, что отношение к употреблению метафоры в текстах, в особенности в научной терминологии и теоретических исследованиях, изменялось под влиянием множества факторов. Так, философы-рационалисты, приверженцы реалистических взглядов на мир, называли метафору ересью, способом обмануть и ввести в заблуждение собеседника. Они утверждали, что понятия, не поддающиеся верификации, необходимо ликвидировать из речи, поскольку они имеют отрицательное влияние на понимание отдельного субъекта. Так, например, Т. Гоббс считал, что рассуждать при помощи метафор – значит «...бродить среди бесчисленных нелепостей, результат же, к которому они приводят, есть разногласие и возмущение или презрение» [44, с. 289]. Он отмечает, что метафора имеет внутреннюю форму и во многом именно благодаря внутренней форме «...язык имеет собственную археологию. Живая летопись слов заходит в те отдалённые эпохи древности, когда человек ещё не писал своей истории; эта летопись повествует нам о таких

фактах, которые не могут быть добыты никакими раскопками, не могут быть прочитаны ни на каких папирусах; она способна нам рассказать “историю духа человеческого”» [44, с. 289]. Слово – важнейший атрибут человечества, без которого нет ни человека, ни культуры. Вербализация как процесс становления человека – главнейший этап развития жизни живого существа. Нужно отметить, что в легендах и мифах разных стран содержится версия происхождения мира с помощью слова. Имеется даже культ слова, а также магические слова-заклинания, где преимущественно преобладает образная информация, поскольку не каждый обычный человек мог понять суть того, что дано выше. Прерогатива в этом была отдана специально обученному шаману, понимающему язык Богов и природы.

В результате словарный запас каждого языка репрезентирует морально-нравственные и культурно-ценностные представления своих носителей. При этом любой естественный язык демонстрирует менталитет конкретной нации, в связи с чем лингвокультурологические исследования позволяют выявить особенности наций и их культуры: «задача познания национальных особенностей важна, во-первых, для взаимопонимания народов при контактах, для самопознания, во-вторых, для понимания того, что есть «Я» в отличие от другого», в-третьих, что есть «мы», человек вообще – для познания инвариантов. Он (человек) не дан в прямом опыте, а даны конкретные народы, так что добираться до него приходится косвенным путём» [40, с. 259]. Таким образом, лексический анализ значим не только в контексте понимания лингвистической точки зрения, но и, несомненно, может быть эффективным в исследовании этнокультурных особенностей, отразившихся в языке. Так, В.М. Шаклеин обосновывал, что, «называя предмет или явление, представители этноса делают их объектом этнической мысли», которая оперирует ими как уже национально-интегрированными предметами и явлениями» [241, с. 64]. Авторская картина мира автоматически отражается в художественном тексте, где метафора существует в разных своих проявлениях – в языковых или индивидуальных (поэтических) формах.

Поэтические тексты отличаются от непоэтических тем, что конвенциональные метафоры в них развиваются, разрабатываются и сочетаются между собой необычным образом. Дж. Лакофф и М. Тёрнер предлагали сравнение поэтического сочинения с музыкальным. Как композитор соединяет простые элементы тональности, ноты, аккорды, гармонии в сложные музыкальные фразы и части музыкального произведения, так и поэт использует простые концепты, повседневные метафоры и обыденный опыт, создавая концептуальные композиции и ансамбль идей, которые воспринимаются нами как сложное единое целое. Сложные метафоры – это композиции такого рода [140, с. 72]. Метафора – неотъемлемый элемент художественного поэтического текста. Художественный текст

не может существовать без метафоры, однако, роль метафоры в художественном тексте не всегда так велика: «...художники слова в ряде случаев могут обходиться без метафор. Художественный текст и метафора отнюдь не строго сопряженные явления, предполагающие друг друга: художественный текст может быть вне метафоричности, а метафора часто встречается в публицистических и научных текстах» [126, с. 8]. Вместе с тем метафору можно назвать своего рода художественным текстом, свернутым до пределов словосочетаний, поскольку каждый текст по-своему уникален и, несомненно, отличается от других художественных текстов. Данный признак вызван многозначностью выраженных в тексте смыслов и многозначностью авторских словосочетаний. Так, Н. А. Кожевникова отмечает: «...метафору в художественном тексте можно рассматривать с разных точек зрения – структурной и семантической, с точки зрения ее происхождения и роли в тексте. Эти проблемы пересекаются друг с другом и восходят к одной общей проблеме – проблеме соотношения прямого и непрямого способов выражения» [72, с. 126]. В. К. Харченко обосновывал двусторонность художественных текстов, выделяя в них содержательную (семантическую) и коннотативную (эмотивную) составляющие. Он отмечал, что текст, который насыщен большим количеством метафор, ярче демонстрирует коннотативную составляющую. Кроме того, метафора обладает свойством текстообразования. Текст обусловлен панорамностью образа метафоры – большей долей бессознательного в его структуре, а значит, имплицитностью отчасти, плюрализмом образных отражений [151, с. 23]. М. Л. Новикова отмечает, что именно метафора является тем конструктивным компонентом и образным средством интеграции художественного текста, который тесно взаимосвязан с его структурой, семантикой, композицией, идейным содержанием [186, с. 24]. Авторское слово может в результате процесса метафоризации реализовать и продемонстрировать оба его значения – буквальное и иносказательное. Причём вновь возникшее метафорическое значение воспринимается на фоне основного значения слова, опирается на него, но не совпадает с ним по содержательной сущности. Прямое значение слова в процессе метафоризации не разрушается, а сохраняется в художественной метафоре с различными коннотациями. В. В. Виноградов отмечает, что «...основное вещественное значение слова никогда не гаснет до конца. Это значение всегда предполагается, как фон и фундамент дальнейших смысловых изменений слова» [33, с. 117]. Связь между метафорой и художественным текстом – в их структурно-функциональном сходстве. Так, А. А. Потебня рассуждал: «Элементам слова с живым представлением соответствуют элементы поэтического произведения, ибо такое слово и само по себе есть уже поэтическое произведение» [108, с. 243]. Можно сказать, что

текст – это глобальная метафора. Признаками текста являются цельность и связность. «Текст – это выраженное в письменной или устной форме упорядоченное и завершённое словесное целое, заключающее в себе определённое содержание, соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, отграниченное от других подобных целых и в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» [47, с. 49]. По мнению А. А. Потевни, метафоризация является одной из образных структур текста, его конструктивным композиционным элементом. Метафоры, как и другие компоненты художественного текста, связаны с общим композиционным целым и авторским «Я». С точки зрения исследователя, «необходимость метафоры сказывается особенно наглядно в тех случаях, когда ею выражаются сложные и смутные ряды мыслей, возбужденных неопределённым множеством действий, слов и прочего» [109, с. 205]. Таким образом, можно отметить, что благодаря метафорам высвечивается основная авторская мысль, демонстрируется логическая сущность произведения, формируется особая атмосфера, завораживающая и привлекающая читателя. Именно благодаря этим свойствам метафор их следует относить не только к композиционным, но и идейным элементам авторских текстов. В художественных текстах метафоры – это их эмоциональный образный базис, ярко проявляющийся на фоне логической содержательной сущности текста. Вероятно, именно в связи с этим Е. А. Некрасова ввела в научный оборот понятие экспрессивного центра. «Экспрессивным центром минимального художественного контекста назовем слово, в котором концентрируется образная экспрессия данного отрезка художественной речи. Экспрессивный центр – это вершина, доминанта, экспрессия, получающая в контексте самостоятельную характеристику» [95, с. 89]. В свою очередь, контекст – это окружение, которое необходимо для интерпретации метафоры. При этом метафора как один из компонентов языковой композиции текста находится в тесном взаимодействии с его иными тропами и другими элементами. Метафора в поэтическом и прозаическом текстах выполняет схожую функцию. Поскольку поэтические тексты большого объёма по своей структуре сходны с прозаическими текстами, можно говорить о метафорических рядах. В менее объёмных текстах особую роль играют отдельные метафоры. Краткость поэтической речи содержательна и насыщена – слово в поэзии имеет большую семантическую и эмоциональную нагрузку. «Метафора – душа поэзии, интегральный элемент поэтического стиля» [242, с. 56].

Таким образом, метафоры необходимо рассматривать как образные фокусы художественного текста, формирующие эмоциональную основу. В связи с этим в поэтических текстах метафоры наиболее значимы, поскольку для любого лирического произведения эмоциональный компо-

нент более важен, чем его логическая составляющая. Можно полагать, что поэтическая метафора относится не столько к сфере слов, сколько к сфере эмоционального мышления и действий. Поскольку понятийная система человека изначально формировалась на основании эмоционально-образного восприятия окружающего мира, то она метафорична в своей основе. В связи с этим до настоящего времени значимая часть действительности осмысливается метафорически. Поэтическим метафорам присуща деятельность по сближению понятий, достаточно далёких, на первый взгляд, по их содержательной сущности; объектов, относящихся к разным классам. В результате именно метафорические конструкции позволяют поэтам создавать столь запоминающиеся, яркие образы. Причём метафоры, являясь краткими, содержательно и художественно концентрированными, способствуют эмоциональному восприятию их читателями. Ю. М. Лотман отмечал, что «...стихотворение – это сложно построенный смысл. Это значит, что, входя в состав единой целостной структуры, значащие элементы языка оказываются связанными сложной системой взаимоотношений и противопоставлений, невозможных в обычной языковой конструкции» [83, с. 48]. В свою очередь, А. А. Потебня обосновывал, что метафора характеризуется необычным сочетанием, в ней слов, в связи с чем она, по его мнению, невозможна в обычном языке. В поэтическом же тексте она важна благодаря своей образности, выраженной в высокой степени смысловой насыщенности, демонстрации неочевидных связей между объектами, краткости формы и возможности различных интерпретаций. «Поэзия – это всегда иносказание» [108, с. 166]. В. М. Жирмунский обосновывает следующее: «Метафора – своеобразный и характерный прием поэтического стиля, обязательный далеко не всегда и не для всех поэтов» [60, с. 163]. Так, он считал, что стиль символистов, источником которого было романтическое искусство, являлся метафорическим, в отличие от реалистического. Говоря о романтизме и метафоре, В. М. Жирмунский определял искусство романтизма как «поэтику метафоры» [Там же]; в сознании поэтов-мистиков он отыскивал глубочайшие источники метафорического стиля. Ф. Г. Новалис отмечал, что «...преображение мира, которое совершается в романтическом творчестве, его мистическая поэтизация осуществляется с помощью различных приёмов метафоризации действительности. Для романтиков такая метафора – не поэтический вымысел, не произвольная игра художника, но подлинное прозрение в таинственную сущность вещей, в мистическую жизнь природы как живого, одушевленного, божественного целого, в религиозную тайну любви. Чем поэтичнее, тем ближе к правде» [99, с. 145]. «Метафорические сближения между различными формами жизни основаны на мистическом переживании их единства и внутренней связанности» [60, с. 246]. Несомненно, есть

некая мистичность в метафоре, нечто таинственное, непостижимое, ускользающее от восприятия. Мистичность, как и метафоричность, содержит в себе тайну. В этом случае тайну следует поднять «со дна на поверхность». Пока тайна находится внутри, её можно сопоставить со скрытым значением, внутренним смыслом произведения, имплицитностью или подтекстом. Например, в более поздних стихах А. Блока его метафорические иносказания выявляют двойной смысл, некий фон, способствующий углублению смысла, созданию иной перспективы, другой действительности, проникающей в этот мир.

Семантический и прагматический аспекты метафоры не следует рассматривать в отрыве от процесса познания и, в частности, культурного процесса. Двойственность языковых единиц метафор, кодирующих текст, обуславливает амбивалентный характер смыслового содержания текста, который может исходить то от прямого слова, то от метафоры. Именно это обуславливает глубину смысла поэтических текстов. Вслед за семантическим значением слов, выраженных метафорами, в сознании читателей появляются ассоциации, вызванные субъектностью воспринимающего текст человека, его психологическими особенностями, сформировавшимися у него смыслами жизнедеятельности и бытия в мире.

Обращает на себя внимание то, что метафорические конструкции приобретают особую роль в поэтических текстах XX в. По словам Д.П. Муравьева, «...в поэзии начала XX века происходит своеобразная метафоризация мира: метафора становится преобладающим средством необычайно интенсивного расширения творческой воли и свободы художника» [249, с. 216]. В.С. Баевский писал, что можно выделить несколько особенностей поэтического языка XX в.: «стихотворение строится как запись случайных ассоциаций; намёк, недосказанность оказываются предпочтительнее точного обозначения понятия» [13, с. 201]. Склонность к метафоризации обусловлена общей тенденцией поэзии XX в. к закодированности. «Как средство коммуникации метафора в художественном тексте удлиняет процесс декодирования, заставляя воспринимающего заниматься поисками имплицитной семантики» [126, с. 12].

Наиболее распространенным семантическим типом метафоры в XX в. исследователи называют метафору-загадку [72, с. 106]. В.П. Москвин писал: «Блок – поэт метафоры. Точнее А. Блок – поэт метафоры-загадки. Отсюда – неоднозначность, загадочность, символическая зашифрованность блоковской поэзии» [93, с. 36]. Такой вывод можно отнести и к другим поэтам XX в. При этом метафоре определена основополагающая роль в поэтическом тексте; без неё поэтический текст не смог бы реализовать свои основные функции. Можно сказать, без метафоры не случилось бы поэзии. Метафора – жемчужина поэтического текста, особенно

прекрасный и необходимый его компонент, делающий поэзию яркой, чувственной, образной, эмоциональной, способной передать имплицитные смыслы, подтексты, которых в поэзии немало, особенно в сложные эпохи гражданских войн и смены идеологий. С помощью метафор авторы выражают свои идеи, передают информацию, делятся впечатлениями и одновременно человеческой мудростью. Метафора, безусловно, не только структурный компонент художественного, поэтического текста, это демонстрация авторской картины мира, отражение его взглядов и представлений об окружающей действительности. О. Мандельштам отмечал: «Только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть – сравнение» [87, с. 249].

Таким образом, процесс метафоризации, приводящий нас к приобретению новых знаний и их языковлению, обусловлен взаимодействием ряда операций и сущностей. Причём этот процесс не связан с полным отрицанием уже познанной действительности, а является лишь неким «вкраплением» в новые дефиниции её признаков и свойств, выраженных в виде следов в новом означающем, входящем теперь в картину мира как самого автора текста, так и воспринимающих этот текст. Основными функциями метафоры являются: *номинативная*, способствующая наполнению нашего языка новыми лексическими или фразеологическими конструкциями; *мыслительная*, направленная на отражение свойств сопоставляемых в метафоре понятий; *познавательная*, обеспечивающая объяснение и структурирование окружающего человека мира за счёт пересечения в метафоре знаний ряда концептуальных областей; *моделирующая*, реализующаяся в воздействии на мышление человека и его поведение, будучи отраженной моделью опыта; *экспрессивно-эмоциональная*, предполагающая передачу чувств, переживаний, настроения авторов; *развлекательная (игровая)*, реализующаяся в метафорических конструкциях как проявление комического компонента. Понятие индивидуально-авторской (поэтической) метафоры формировалось в XIV–XVII вв. В этот период, относимый к постмифологическому, наблюдается переход в рассмотрении метафоры на основе ее олицетворения через символ к поэтической метафоре, что было обусловлено глубоким анализом творчества У. Шекспира, сделанным С. Мезениным. Кроме того, как видовое понятие метафора представлена в баснях классицизма, новеллах романтизма, романах, статьях и стихах реализма. Индивидуально-авторская (поэтическая) метафора зачастую базируется на языковой. Интерпретация индивидуально-авторской метафоры – субъективный процесс, однако в рамках одной лингвокультуры она будет интерпретирована примерно одинаково. Так, В.М. Жирмунский пишет: «...во французской классической поэтике XVIII века метафорические новообразования, метафоры, индивидуальные и новые,

не освещенные примером великих поэтов XVII века и не зарегистрированные в «Академическом словаре», считались запрещенными. Это доказывает, что стиль поэтов XVII века был неметафорический: особенность поэтической метафоры заключается именно в индивидуальном подновлении метафорического значения слова. Действительно, поэтика французского классицизма основана по преимуществу на метонимических обобщениях, на перифразе и метонимическом олицетворении отвлеченных понятий как характерных признаках рационального стиля» [59, с. 165]. В свою очередь, для романтиков метафора служит проникновением в таинственную сущность вещей, мистическую жизнь природы. Поэтому романтики говорят о поэзии как о высшей реальности. Так, «...в поэзии русских символистов, связанной глубоким родством с романтизмом и демонстрирующей историческую преемственность (К. Д. Бальмонт как ученик А. А. Фета; А. А. Блок как продолжатель Вл. Соловьёва), «метафорический стиль» является одним из наиболее существенных признаков романтического искусства» [Там же]. Романтическая поэтизация изображаемого осуществляется в приемах метафорического стиля. Метафорический стиль в данном контексте предполагает использование именно поэтической (индивидуально-авторской) метафоры, с помощью которой поэт имеет возможность творить, создавать волнующие или загадочные образы, украшать ими произведение. Автор дает возможность читателю подумать и осмыслить основную идею стихотворения, выявить возможные подтексты, поскольку именно индивидуально-авторская метафора особенно способствует мыслительному процессу, включает воображение, предлагает найти новые смыслы, разгадать символизм.

Ж. А. Вардзелашвили, говоря о метафоре, отмечала: «...метафора есть творчество, творчество – это метафора, ибо все, что подтекстно, – метафорично, все, что лишено подтекста, – банально, а значит – не творчество. И если метафора – это некий символ, то всякий язык представляет собой алфавит символов, употребление которых предполагает некоторое общее с собеседником прошлое» [210, с. 67]. В своей работе «О двойкой сущности метафоры» автор обращает внимание не только на метафорический подтекст, но и на сущность метафоры, выраженную в двух её видах – языковой и художественной, различаемых по своей семантической и коммуникативной сущности. Ж. А. Вардзелашвили противопоставляет художественную метафору языковой, обосновывая, что в художественной номинации нет той лексической самостоятельности, как в языковой. Художественная метафора обусловлена контекстом; именно он содержит суть метафорической конструкции и служит основой для её интерпретации. Можно сказать, что эти две метафоры находятся в сложных, достаточно противоречивых взаимоотношениях, при этом ввиду их сходства

общими для обеих являются психологические и психолингвистические принципы перенесения наименований с одних объектов на другие. Языковая метафорическая номинация носит системный характер, объективна, отражает коллективные предметно-логические связи, выполняет коммуникативную функцию. Языковая метафора «анонимна», воспроизводима; художественная же метафора – внесистемна, субъективна, отражает индивидуальный взгляд на мир, выполняет эстетическую функцию, сохраняет «авторство», обладает максимальной синтагматической обусловленностью, уникальна, производима. Поэтическая (художественная) метафора имеет ещё и другие названия, например авторская или индивидуальная.

В научной литературе предложены классификации метафор. Классифицировать метафору начали еще римские риторы; в основе их деления лежал логический принцип. В.М. Ломоносов разделял метафоры по их морфологическому содержанию. А.А. Потебня классифицировал метафоры, основываясь на их синтаксической роли. В результате он подразделил метафоры на: «...предикативные атрибуты, *метафоры-определения, метафоры-подлежащие*» [110, с. 64]. С.С. Ульман в основе классификации предложил принцип деления (живое-неживое, абстрактное-конкретное), в связи с этим он выделил метафоры: «...*антропоморфные; зооморфные; от конкретного к абстрактному; синтетические*», а также отметил метафоризацию определений общественной сферы, находящейся в центре внимания языкового коллектива» [236, с. 276]. А.К. Авеличев разработал типологию метафор, основанную на различной степени выразительности средств, используемых в процессе языковой коммуникации, подразделив их на: «...*нериторические* (средства, обеспечивающие обозначение предметов, впервые включаемых в сферу человеческой практики); *ослабленно риторические* (используемые при поиске названий, которые выражают наиболее важные с точки зрения практических целей человека свойства объектов); *риторические* (собственно риторические и поэтические)» [206, с. 28]. Н.Д. Арутюнова классифицирует метафоры, учитывая различия функций: «...*номинативная*, суть которой в переносе названия с одного объекта на другой; *образная* – связанная с переходом идентифицирующего значения в предикатное; *когнитивная* – являющаяся результатом сдвига в сочетании предикативных слов (переноса значений); *генерализующая* – стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками» [10, с. 168]. В свою очередь, В.Г. Гак рассматривает два типа метафор, основываясь при этом на соотношении их формы и значения: «...*полная* метафора, при которой формирование переносного значения не связано ни с каким изменением структуры слова, и *частичная*, когда образование нового значения связано с морфологическим изменением слова, с добавлением аффиксов к основе, используемой в переносном значении» [38, с. 13].

О. А. Свирепо разработала иерархическую типологию фундаментальных метафор, включив в нее базовые, архаические, эпохальные, этнокультурные и локальные метафоры. При этом «...*базовые метафоры* имеют два измерения: временное и пространственное, соответствующие двум функциям культуры: трансляции и хранения культурной информации, предполагающим принадлежность не только к физическому или географическому постоянству, но и сосуществование в виде относительно стабильного и неизменного набора на определённом временном промежутке. *Архаические метафоры* выражают фундаментальные характеристики бытия, обеспечивающие восприятие жизни. Основная функция архаических метафор – воплотить принцип единства универсума, они дают ведущую интерпретацию реальности и являются основой возможности её концептуального познания. *Метафоры эпохи* выражают стереотипизированный конкретно-исторический опыт, коллективное переживание мира в сознании эпохи. *Этнокультурные метафоры* выражают соответствующие картины мира, т.е. членения реальности, систему ценностей, мифологические представления и т.д., принятые в данном этнокультурном сообществе. *Локальные метафоры* – первоначально родившиеся в конкретном регионе метафоры, получившие распространение в конкретных сферах человеческой деятельности, они многообразны, так как многообразны миры опыта» [187, с. 14].

М. Б. Никитин выстроил типологию метафор на том, что «...сходство признаков в денотатах, которые служат основанием для переноса имени и соответствующей метафорической перестройки прямого значения, может быть разной природы. Если сходство содержится в самих аналогически сравниваемых вещах, то данная метафора *онтологическая*: прямая и структурная» [97, с. 30]. «В случае *прямой* метафоры признаки имеют одинаковую физическую природу, а в случае *структурной* – сходство носит *структурный* характер, то есть признаки играют структурную роль в природе двух денотатов. В обоих случаях сходство признаков присутствует и до сравнения и только лишь обнаруживается в нём. Когда признаки находятся в сравниваемых сущностях, но онтологически различны и по физической природе, и по структурной роли, а момент схождения возникает лишь при восприятии, речь идёт о *синестезической* и *эмотивно-оценочной* метафорах. Сходство здесь порождается не онтологией вещей, а механизмами переработки информации» [97, с. 30]. С. А. Хахалова предлагает классификацию, основанную на структурной типологии знаков: «...номинативные знаки (*метафоры-слова, словосочетания*), предикативные знаки (*метафоры-предложения*), сложные предикативные знаки (*метафоры-тексты*). Метафоричность создается за счёт включения в текст номинативных метафорических знаков метафор-слов и метафор-предложений, вступающих в текстовом пространстве в контактное, дистантное и сквозное взаимодействие.

Метафора-предложение характеризуется сохранением поверхностного и семантического согласования при асимметрии плана выражения и плана содержания. В отличие от метафоры-слова, метафора-предложение именуется ситуацией, является номинативной и коммуникативной единицей и принадлежит грамматическому уровню» [152, с. 58].

С точки зрения отношения к языковой системе исследователи выделяют два основных вида метафор – *языковую* и *индивидуально-авторскую* или *художественную*. *Языковая, стертая* метафора принадлежит языковой системе, является ее элементом. *Индивидуальная (художественная, поэтическая, окказиональная, авторская)* метафора возникает при функционировании языка в речи. Эта функция связывается с художественным текстом, что проявляется в направленности всех речевых средств произведения на воплощение его образного содержания. «Поэтическая функция языка опирается на коммуникативную, исходит из неё, но выдвигает над ней подчиненный эстетическим, а также социально-историческим закономерностям искусства новый мир речевых смыслов и соотношений» [33, с. 155]. Следует отметить, что впервые метафоры на *языковую* и *индивидуальную* разделил Ш. Бали, выделив три уровня образности и соотнося, в частности, конкретно-чувственный образ с индивидуальной авторской метафорой, ослабленный (эмоциональный) образ и мертвый образ, который, по его мнению, присущ языковой метафоре. О важности разграничения языковых и авторских метафор говорится в работах В.В. Виноградова и Г.Н. Складневской, Б.А. Ларина и др. Так, в противопоставлении друг другу анализируют языковую и авторскую метафоры Б.А. Ларин, Г.Н. Складневская, в их взаимообусловленном единстве – В.П. Григорьев. Б.А. Ларин утверждал, что «...художественная речь исключительна по социальной предназначенности, обособлена от живого языка» [78, с. 16]. «...Обособленность проявляется в том, что помимо логического содержания, являющегося отражением в сознании различных аспектов реального мира, художественная речь имеет еще и эстетический объект – «семантические обертоны смысла» [Там же]. По его мнению, художественная метафора, в отличие от языковой, многомерна и определяется взаимообусловленностью всех текстовых элементов. Далее автор противоречит этому заключению: «...можно говорить о дуализме вопроса соотношения метафор в языке и художественной речи: между языковой и художественной метафорой нет принципиального различия, они могут рассматриваться как явления одного порядка» [Там же]. В свою очередь, Г.Н. Складневская считает, что языковая и художественная метафоры различаются своим лексическим статусом. «Минимальный контекст, необходимый в качестве указательного минимума для реализации и восприятия языковой метафоры, обладает достаточно жестким конструктивным

оформлением, чем принципиально отличается от свободного контекста художественной метафоры» [128, с. 35]. Различия между языковой и художественной метафорой, по мнению Г.Н. Скляревской, соотносимы с различиями референциальных связей в обычной речи и поэзии. Другие учёные выявляют различия между этими видами метафор на уровне семантической структуры метафорического значения. Так, например, Е.М. Вольф считает, что «...авторская метафора уникальна, не сопоставима по семантической структуре с языковыми метафорами. В художественной метафоре семный набор компонентов невозможно исчислить, при том, что в языковой этот набор также вполне многокомпонентен» [34, с. 34]. «Кроме того, с семантической точки зрения выделяются антропоморфные метафоры, наделяющие явления внешнего мира свойствами человека, и метафоры овеществляющие, когда признаки внешнего мира переносятся на человека, на явления душевной жизни» [60, с. 330].

Помимо прочего, Г.Н. Скляревская делает вывод о том, что «...лексическое значение языковой метафоры поддаётся структурированию и подведению под типовые схемы, сообразуясь с законами языковой системы, а художественная метафора внесистемна» [128, с. 68]. Ряд учёных полагают, что обе эти метафоры должны рассматриваться в качестве единого объекта исследования (М. Верли, В.Н. Телия, М.Б. Никитин, В.П. Григорьев, Дж. Серль). Авторы обосновывают, что индивидуальное мировосприятие в авторской метафоре не противоречит общезыковой системе семантических связей, причём те отношения, которые устанавливаются метафорой, не покидают пределы реального мира, в связи с чем сохраняют свою образность. Г.Н. Скляревская, в свою очередь, полагает, что художественная метафора «...всегда связана со «своим» контекстом, в то время как языковая метафора представляет собой самостоятельную лексическую единицу, и контекст для неё маловажен» [128, с. 30]. Она обосновывает, что в вышеупомянутых исследованиях никто не оспаривает существование двух типов метафор – *художественной* и *языковой*. «Как только метафора была вычленена из ряда других языковых явлений и описана, сразу возник вопрос о её двоякой сущности – быть средством языка и поэтической фигурой одновременно» [Там же]. Существуют также разные точки зрения относительно характера соотношения языковой и художественной метафор: исследователи либо трактуют их в противопоставлении друг другу (Б.А. Ларин) [78, с. 69], либо во взаимном единстве (В.П. Григорьев) [49, с. 15]. По мнению учёных, вопрос о соотношении *художественной* и *языковой* метафор решается двояко: либо они могут рассматриваться как единый объект, либо различия между ними достаточны настолько, что их можно рассматривать как самостоятельные объекты. В пользу первого утверждения приводятся те обстоятельства, что

«...языковая и художественная метафоры сходны по принципам семантических процессов и между ними нет непреодолимой границы, так как сферы их применения взаимопроницаемы» [30, с. 56].

Говоря о поэтической метафоре, нельзя не упомянуть, что одна из особенностей процесса метафоризации заключается в создании образов, которые особенно интенсивно воздействуют на сознание. Если сравнить языковую и индивидуально-авторскую (поэтическую) метафору, то очевидно, что именно вторая будет средством создания волнующих и ярких образов в поэтических текстах. Причём данные образы несут не только эстетическую, но и информативную нагрузку. Метафора на основании сходства связывает два предмета в единый образ. Образ, возникающий при этом в сознании человека, может выступать транслятором, передающим определённую информацию. При этом метафоры являются основным элементом создания образов, надолго остающихся в памяти. Подобные метафоры переходят из эпохи в эпоху, репрезентируя культурную информацию, не теряя своей актуальности, образности и смысла, заложенного в них. Образность – это структурный компонент метафорического образования, в котором сочетаются несколько образов на основании сходства. Другими словами, метафора – это соприкосновение двух образов, при котором рождается третий, некая новая метафорическая словоформа. Кроме того, было показано, что культурологический подход позволяет рассмотреть метафору не только как лингвистическую единицу литературного текста, но и как культурную форму, репрезентирующую социокультурные события определённого исторического периода. Поэтическая метафора способна продемонстрировать трансформационные аспекты культуры переходных эпох.

Для нашего исследования значимой является семантическая характеристика индивидуально-авторской метафоры, позволяющая сформировать тематические группы и выделить их культурологическое значение. В авторской метафоре поэтов репрезентируется их видение мира, что обуславливает возможность суждений о личностных приоритетах авторов, специфике их включённости в культуру, выражаемую через поэзию.

Выводы по главе 1

Таким образом, художественная культура выступает в роли транслятора традиций и опыта, накопленных веками, является способом художественного освоения мира, а также обеспечивает непрерывное движение искусства, его обновление, совершенствование. Определена структура художественной культуры. Выявлена соотнесённость культуры, языка и ментальности. Обосновано, что сущность культуры, её специфика, содержание её форм и явлений передаются с помощью культурных кодов.

Выявлены основные особенности художественной культуры, главной из которых является её трансформация в период перехода из века в век. Установлено, что поэтическая культура является структурным компонентом художественной культуры, где широко используется поэтическая (индивидуально-авторская) метафора.

Поэтическая метафора как феномен культуры в контексте ее целостности, типа и структурно-функциональных характеристик не только рефлексивирует смысложизненные установки и картину мира автора поэтических текстов, но и концентрирует, хранит, актуализирует и транслирует ценностные установки, культурную память, социокультурные процессы, происходящие в обществе.

Любое метафорическое образование – языковая, этнокультурная или поэтическая индивидуально-авторская метафора – нуждается в интерпретации. Метафорический образ необходимо интерпретировать, поскольку, с одной стороны, он имеет информативную составляющую, несет информацию об особенностях авторского восприятия мира, его ценностях и установках, а с другой – содержит культурные смыслы восприятия бытия определенного исторического периода. Считывание информации, раскрытие сущности образа необходимы для понимания высказывания. Поэтическая метафора наряду с языковой может транслировать социокультурные события той или иной временной эпохи, иллюстрировать события социума и культуры, а также уточнять факты, детали, обстоятельства. При этом поэтическая метафора излагает эти события в неявной, скрытой от мгновенного понимания форме. Поэтическая (индивидуально-авторская) метафора транслирует социокультурные события того или иного временного периода, основываясь на культурной картине мира соответствующего периода, в связи с чем обуславливает необходимость социокультурной интерпретации как смысложизненных ценностных ориентиров автора, так и культурных обычаев и традиций народа этого культурного периода. Язык – вместилище культурных и нравственных ценностей народа – отражает менталитет определенной нации, транслирует культуру, преобладающие в ней ценности человеческого бытия, его смысложизненные установки, потребности, а также особенности политики, экономики и проч. Языковая картина мира репрезентируется как совокупность представлений всего народа об окружающей действительности на определенном этапе общественного развития, зафиксированных в языке. В ней могут отразиться национальные символы, национально-специфические понятия. Любое художественное произведение передает авторскую картину мира, поэтому в индивидуально-авторских метафорах содержится авторское мироощущение – читатель может считывать представления автора о мире через текст, а соответственно, через метафориче-

ские конструкции в тексте. Авторская картина мира автоматически отражается в художественном тексте, где метафора существует в разных своих проявлениях – в языковых или индивидуальных формах. Метафоры – неотъемлемый элемент художественного текста; обладают свойством текстообразования, являются важным компонентом языковой композиции текста. В связи с различающейся степенью метафоризованности одного и того же слова в поэтических текстах одно и то же слово может приобретать двойную или тройную семантику. Контекст метафоры – минимальный фрагмент текста, необходимый для понимания ее смысла. Установление контекста – важный этап для определения сущности метафоры. Как способ концентрации образности метафоры обеспечивают возможность семантически уплотнить текст, сделать его выразительным, продемонстрировать ряд значений. При этом текст несет панорамность образа метафоры, содержащей большую долю бессознательного в его структуре. В метафоре содержатся подтексты, импликация, скрытая информация, символизм – всё то, что необходимо декодировать, развернуть, расшифровать и прокомментировать.

С помощью метафор автор подчас выражает свои идеи, передаёт информацию, делится впечатлениями и одновременно человеческой мудростью. Метафора, безусловно, не только структурный компонент художественного, поэтического текста, но и способ реализации авторской картины мира, отражение его взглядов и представлений об окружающей действительности. В индивидуально-авторской метафоре воплощено поэтическое видение мира. Метафора является одним из носителей и средств отражения национального менталитета, создаёт возможность аккумуляции особенностей культуры. Культурологический подход позволяет рассмотреть метафору не только как лингвистическую единицу литературного текста, но и как культурную форму, репрезентирующую социокультурные события определенного исторического периода. Поэтическая метафора способна продемонстрировать трансформационные аспекты культуры переходных эпох.

Глава 2. НАЦИОНАЛЬНАЯ И ПОЭТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ НА ЭТАПАХ СМЕНЫ СТОЛЕТИЙ

2.1. Революционные преобразования в культуре России на рубеже веков

Социокультурное состояние России в начале XX в. вызывает особый интерес у многих исследователей на фоне переходности времен. Характеристика и оценка социокультурной обстановки России в начале XX в. начинается с признания или констатации «русского культурного своеобразия этого периода» [143, с. 83].

Начало XX в. – глобальный этап перехода как в России, так и в других странах мира. По мнению В. Шубарта, это не что иное, как между-временье, апокалиптические моменты в жизни человечества. «Это время преисполнено не только пессимизмом, но и надеждами» [161, с. 318].

Этот период характеризуется переходностью и является актуальным для нашего исследования в связи с тем, что именно в это время привычные для общества культурные формы претерпевают значительную трансформацию. Динамика культуры проявляется в противоречивых процессах и явлениях, с которыми человек ранее не сталкивался, что вызывает дестабилизацию не только материальных форм культуры, общества, но и человека в нём, ломку его мировоззрения, ценностных установок и идеалов.

В нашем исследовании мы обращаемся к двум переходным периодам, значимым для российской культуры. Причём первый период, на котором мы сосредоточили своё внимание (конец XIX – начало XX в.), несомненно, явился для России очень сложным кризисным этапом, характеризующимся трансформацией во всех социокультурных сферах и сопровождающимся не только негативными, но и в определённой степени позитивными изменениями в российской культуре.

Сначала переходные периоды соотносились в исторической науке с переходом от одного времени к другому. Так, Н.З. Коротков, определяя переходность в культуре, соотносит её с появлением новых идей в общественном сознании и выделяет три подобных культурных периода: *диссонансный*, когда культурные преобразования представлены как противопоставление новых и старых идей, смена которых зачастую осуществля-

ется путём насильственных методов; *резонансный*, проявляющийся во взаимодействии старых и новых идей, придании старым идеям определенной активности; в результате объединения традиций и новаций культура поднимается на более высокий уровень развития; *смутное время* – промежуточное состояние между вышеописанными двумя периодами [219, с. 39]. Причём Н. З. Коротков относит первые годы советской власти, рассматриваемые в нашей монографии, к диссонансным, а Серебряный век – к резонансным. В этом, конечно же, присутствует некий парадокс, так как Серебряный век как время расцвета русской поэзии по длительности относят к периоду от 1892 до 1921 г. [194]. Согласно другим данным, его начало относят к 1905 г., а завершение к 1920-м гг. Иначе говоря, мы считаем, что это время переходности в российской культуре следует обозначить как амбивалентный период, сопровождающийся и разрушительными, и созидательными культурными процессами, «наслоением» новых культурных процессов на старые. Об этом писал, в частности, И. В. Кондаков: «...в российской социокультурной истории «старое» и «новое» не столько последовательно сменяли друг друга, сколько шли параллельно друг другу, накладываясь друг на друга и делая своё существование парадоксальным. Особенно это характерно для переходных эпох» [73, с. 492].

Переходность репрезентируется рядом характеристик: кризисом этнической и национальной идентичностей, преобразованием ценностных установок человека и в целом распадом ранее существовавшей картины мира, ростом мифологизации человеческого сознания и культуры, активной обращенностью многих людей к астрологии, магии, колдовству и активизацией эсхатологических настроений. Вместе с тем именно в этот период активизируется творческая деятельность, возникают новые философские концепции, рождаются новые художественные стили.

Так, конец XX – начало XXI в. в России проявился в коренной трансформации политики, экономики, культуры, человека, в выработке отличающегося от предыдущего времени способа мировосприятия. Именно противоречивость и кризисность исследуемого периода заставили нас обратиться и к его анализу, попытаться при этом соотнести два российских переходных этапа друг с другом и выявить отношение к ним молодёжи.

Например, о проблемах этого временного периода писали Ж. Бодрийяр, М. Фуко. Причём Ж. Бодрийяр обозначал конец XX столетия агонией реальности, отмечал, что современный человек борется за признание и при этом отрывается как от биологического основания, так и общества, и культуры. Для человека этого времени реальный мир – сомнителен, а вопрос о соотношении истинности и лживости (в религии, науке, искусстве) не стоит перед современным человеком вовсе [188]. В свою очередь,

М. Фуко в работе «История безумия в классическую эпоху» отмечал, что «правильное» общество в современный период освобождается от людей, не соответствующих этой «правильности», и что в это время культ Человека и его Разум переходят от мыслителей и поэтов к министрам, мэрам, депутатам и столоначальникам, которые не мирятся с «неправильными» людьми, препятствующими их триумфу [203].

О происходящих изменениях писали российские философы, литературные критики и такие исследователи, как Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, В. И. Иванов и др.

Так, Н. А. Бердяев отмечал, что «мы живем в эпоху грандиозного исторического перелома», изменения одновременно фиксируются на уровне общества и культуры [19, с. 96]. Совершенно очевидно, что изменения нового времени имеют последствия как для личности, так и для искусства. В. В. Розанов писал о некоем «надломе», связанном с христианским вероисповеданием, подчеркивая апокалиптическую новую эпоху [240, с. 635]. В. И. Иванов обосновал, что знамение переживаемых времён – сдвиг не только всех ценностей и основоположений духовной жизни, но и еще глубже – сдвиг в самом восприятии вещей, сдвиг основ жизни душевной – иное чувствование человеческого «Я» и существенно иная восприимчивость ко всему вещественному [63, с. 123].

По мнению Х. Зедльмайра, западная культура, с одной стороны, несет на себе печать обособленных культур традиционного типа [62, с. 271]. С другой стороны, она трансформируется в новое качественное образование, демонстрируя эмбрион будущей культуры, который должен стать универсальным. Такая трансформация сопровождается хаосом и регрессом. Н. А. Хренов сравнивает социокультурные процессы рубежа XIX–XX вв. по своей значимости с эпохой Ренессанса, поскольку они весьма противоречивы [191, с. 95]. Продолжают своё существование прежние ценности, при этом возникают новые, не соответствующие старым принципам и устоям. Человек переходной эпохи оказывается между двумя мирами. Переходное состояние – состояние неопределенности. Рубеж XIX–XX вв. вызывает у авторов (Н. А. Бердяев, А. Я. Флиер, Н. А. Хренов) аналогии между событиями данного периода и событиями, связанными с переходом от Средних веков к Ренессансу или с процессами поздней античности. В средневековой русской культуре новые процессы воспринимались как полное отрицание традиционного, что способствует появлению в социуме апокалиптических настроений.

Понятие перехода может соотноситься с термином «развитие», которое заключается в том, что в истории происходит переход от одной фазы к другой, отражающий не только прогресс, но и регресс. Переход может происходить в больших и маленьких периодах исторического простран-

ства. Данный переход, возможно, и есть переход от одной системы ценностей к другой. Если в процессе перехода произошёл полный разрыв с существующей системой ценностей, то он может оказаться далеко не созидательным, о чем пишут ряд авторов (Н. А. Бердяев, В. Г. Сорокин и др.), когда речь идет о революциях. Революции возрождают консервативные ценности, т. е. отбрасывают в прошлое. Если произошёл резкий разрыв в ценностях, то собственно развития может и не происходить. Тогда общество действует как маятник; смена одних ценностей другими через какое-то время может привести к возрождению отвергнутых ценностей и т. д.

Уместно сказать несколько слов о переходности как неотъемлемой черте русской культуры, происходящей из века в век. Переходные эпохи представляют собой сложное, многообразное, противоречивое, контрастное явление в культуре, когда происходит перекодировка социокультурного пространства из одного состояния в другое. Это трансформационный процесс, когда общество вовлекается в зону фатальных, поворотных событий; это период слома привычного хода вещей, когда за фазой крушения старого еще не видна фаза рождения нового. В русской исторической традиции такое явление называли «смута». Смутные времена всегда непросты. Они источник ярких и громких событий, отражающих как человеческие пороки, так и добродетели. Особенно ярко данные процессы проявляются в культурном поле, например в поэзии.

В обществе, где были потеряны прежние устои и ориентиры, поэт в своём творчестве воспроизводит ключевые моменты трансформации многих культурных форм и социально-психологических и морально-нравственных преобразований общества: веры, идеологии, просвещения, экономики, выражая их метафорическим языком в создаваемых поэтических текстах. Человек в этот нестабильный период готов поддержать любую политическую силу, любого лидера, кто даст иллюзорную надежду на стабильность. Процессы психологической ломки массового сознания проявляются нестабильностью, хаотичностью нравственно-психологических установок в обществе. Ожидаемые преимущества нового образа жизни на какое-то время отесняют на второй план осознание его недостатков и возможных пороков.

Термин «эпоха» (от греч. *ἐποχή* – остановка) – это период времени, характеризующийся устойчивым и относительно неизменным состоянием общества, духовными и ментальными установками, смыслами, культурой, которая таит в себе огромные возможности для самореализации индивида [248]. Переходная же эпоха, возникающая в период быстрой и катастрофической гибели государств – революции или медленных и длительных преобразований, эволюции и разрушения устоев общества, характеризуется распадом универсальной картины мира, усилением мифологизации

сознания, эсхатологическими и хилиатическими настроениями и переживаниями, маргинализацией общества, кризисом коллективной идентичности, возникновением разнообразных художественных течений в искусстве, философских концепций, рождением новых стилей, выработкой отличного от предшествующего периода способа мировосприятия. Примером переходных эпох в данной работе является период времени между XIX и XX вв. – революция 1917 г. Период, начавшийся в России после событий 1917 г., отличался тем, что идеология и практика государственного строительства большевиков по всем своим направлениям деятельности характеризовались преобразованием ценностных структур поздней Российской империи. Российские события февраля 1917 г., начатые в то время изменения (отречение от престола 2 марта 1917 г. императора Николая II в пользу брата Михаила, который тоже вскоре отрёкся, деятельность Временного правительства) показали невозможность достижения стабильности в стране старыми методами, в связи с чем в дальнейшем свершилась Октябрьская революция, была изменена общественная система. Подобный трансформационный переходный период начался в стране в 90-е гг. XX столетия и в определённой степени продолжается до настоящего времени.

Понятие перехода является определяющим для исследований, в которых разрешаются проблемы культурогенеза, культурной преемственности, а также вопросы функционирования культуры. Они исследованы в работах таких видных отечественных и зарубежных учёных, как А.И. Арнольд, Э.А. Баллер, В.П. Большакова, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилев, С.Н. Иконникова, М.С. Каган, К. Левин, Ю.М. Лотман, Э.С. Маркарян, В.П. Тугаринов, М.Б. Туровский, О. Тоффлер, А.Я. Флиер, А.С. Фриш и др. Проблема сохранения культуры в ситуации переходных периодов отражается в работах М.М. Богуславского, Л.А. Стешко, А.П. Сергеева и др. Переход как сложный социокультурный феномен обладает рядом имманентных особенностей: системностью преобразований, когда все процессы развития являются взаимосвязанными, взаимовлияющими. При этом изменение одного элемента системы приводит к преобразованиям всех культурных форм. Другой особенностью переходных процессов является сложность их организации, неравномерность и дискретность. Причём данные процессы могут быть как стремительными, так и неявными, характеризуются скрытыми изменениями в движении от старой общественной формации и культуры к новой. Переход изменяет методы развития общества, приводит к кризисному состоянию человека и культуры в целом, способствует установлению новых структурных связей культурных явлений, ведет к постепенному формированию актуальной социокультурной системы. По мнению Е.А. Сайко, в результате кризисных изменений проис-

ходит деперсонализация культуры, что проявляется в постепенном исчезновении самой человеческой личности, на смену которой приходит образ материально-потребляющего субъекта, лишённого ориентации на духовные и этические ценности [180].

Н. А. Хренов отмечает, что, несмотря на то, что переход может быть связан не только с развитием общества, личности, этноса, социальной группы, субкультуры, но и с развёртыванием изменений на уровне культуры, цивилизации, человечества, признаки перехода можно сформулировать достаточно определённо. К ним относятся распад картины мира, претендующей на универсальность и завершённость, активизация мифа и архетипа, эсхатологическое восприятие истории, активизация маргинального типа личности и институализация характерной для нее картины мира, кризис культурной идентичности, рост индивидуалистических настроений, расширение символизации и мифологизации общественного сознания, формирование значительного числа малых социальных групп, маргинальных по отношению к доминантным смыслам культуры [154, с. 14]. Анализ переходных эпох российской культуры с помощью интерпретации скрытых смыслов, выраженных наиболее восприимчивыми творческими людьми – поэтами и художниками в своих произведениях, обуславливает возможность понимания сущности общественных и культурных процессов, которые были не явленными, не понятыми, но определившими состояние современного человека и страны.

Таким образом, «переходность» понимается нами как результат накопления, трансформации и воздействия различных сил внутри одной культуры и между культурами. Применяемые в современной культурно-философской и научной литературе термины «движение», «скачок», «взрыв», «кризис» и т. п. являются вторичными по отношению к системообразующему понятию «переход». Исследование проблемы переходности и определение ведущих закономерностей разворачивания культуры во времени и в пространстве в переходные периоды становятся одними из условий гармоничного социокультурного развития.

Чем серьезнее являются перемены, тем больше возрождается архаика и ярче желание изменить реальность и жить по-новому. Рубеж XIX–XX вв. подтверждает эту закономерность. По мнению Ю. М. Лотмана, русская культура – специфический тип культуры, где состояние переходности представляет собой не просто один из сменяющих друг друга исторических периодов, а период исключительный, определяющий логику русской истории в целом. В этом русская культура исключительна и не имеет прецедентов. Г. В. Флоровский писал: «Есть в русской душе какая-то особенная страсть и притяжение к перепутьям и перекрёсткам; нет решимости сделать выбор, нет воли принять ответственность» [146, с. 289].

Культура отразилась в текстах различных тематических направленностей, так как язык – это зеркало культуры. В глубинах функционирующих в этот период текстов продолжал оставаться активным циклический (повторяющийся) дискурс. В создании универсальной картины мира, что была характерна для культуры нового времени, он не играл роли. Он становится актуальным на рубеже веков, показывая, что в эпоху перехода явный дискурс перестает отвечать сложному мироощущению людей. Тем не менее через призму этого дискурса воспринимается человеческая история; он оказывается элементом новой картины мира. Вот почему психология переходного времени оказывается благоприятной для извлечения из коллективного бессознательного циклического дискурса в интерпретации истории. Кроме того, наблюдаются кризис и распад норм традиционной морали и религии. Попадание в суть циклического развертывания, совпадающего с ситуацией перехода, обусловлено тем, что в эпоху перехода происходит кризис идентичности культурного этноса. Так, Н. А. Бердяев воспринимал XX в. как новое Средневековье [19, с. 63]. В период Нового времени в русской культуре можно наблюдать две противостоящие друг другу тенденции. Одна связана с системой упорядочивания и тяготеет к классицизму, ориентированному на активность, а другая тяготеет к романтизму с культом Средних веков. В XX в. формируется одна из известных научных парадигм – философия истории, которую можно соотнести с именами О. Шпенглера, Н. А. Бердяева, А. Тойнби и др.

А. Ахиезер, анализируя историю страны, склоняется к мысли о том, что для России характерны резкие глобальные, т. е. охватывающие всё общество, повороты в системе ценностей, периодические попытки повернуться спиной к своему вчерашнему опыту, своим царям и вождям, с тем чтобы то ли прорваться к будущему, то ли вернуться к позавчерашнему дню. Отношение ко времени в России оказывается не столько линейным, как на западе, сколько традиционным, даже архаическим, в котором сохраняются космологические представления [12, с. 48]. Изменения, происходящие в мировой истории, оказали влияние и на Россию. О. Шпенглер отмечал, что в XIX–XX вв. в мировой истории наблюдался один из самых универсальных переходов, а именно переход от культуры к цивилизации или, точнее, к последнему циклу в историческом движении культуры, называемому им цивилизацией [160, с. 218]. Смысл этого перехода в том, что заканчивается эпоха органического развития культуры и последняя вступает в финальный цикл своего развития или в неорганический цикл, когда искусственное доминирует над естественным и постепенно формирует новый руссоизм.

Менялся уклад жизни населения: появлялись города с миллионным населением. Например, в 1914 г. в Москве проживало около 1,8 млн,

а в Петербурге – свыше 2 млн человек. Городские кварталы строились в стиле «модерн». Кварталы с фабриками и заводами контрастно выделялись на фоне городских пейзажей. Зачастую для представителей интеллигенции новая капиталистическая нелицеприятная цивилизация ассоциировалась с чудовищем. По мнению А. Белого: «Тяжёлый сон окружил нас химерами рока, сновидениями смерти. И жизнь отлетела от нас, а сон воплотился. Машина съедает жизнь, машина одухотворяется, человек превращается в машину к машине, в привод к колесу» [17, с. 79].

Перемены и новшества в экономике и социуме привнесли модернизацию и в другие сферы жизни. Политические и социальные сферы жизни преобразались. Три революции, две войны, появление многопартийности и парламента способствовали бурному развитию российского общества. На этом фоне активно развивалась и духовная жизнь общества. Новые искания происходили во всех сферах культуры и просвещения: литературе, художественном творчестве, религии, философии, театре. Недаром это время русского ренессанса в истории именуется Серебряным веком. Это была эпоха творческого подъема поэзии и литературы после периода упадка. Н. А. Бердяев назвал этот период «русским культурным ренессансом», самым утонченным в русской культуре [19, с. 9].

Расцвет русского искусства и культуры пришелся на начало XX в. В этот новый этап развития русского искусства создавался новый «формат», новый образ русской культуры для всего мира. Формировался новый этап под воздействием модернизма, однако в начале века также продолжают творить в духе реализма такие мэтры, как М. Горький, И. Бунин, Л. Толстой, Д. Мамин-Сибиряк, А. Куприн, В. Короленко, А. Чехов, И. Репин, В. Васнецов, Н. Римский-Корсаков.

Рубеж XIX–XX вв. – один из сложных и достаточно неоднозначных и противоречивых периодов в русской культуре, когда произошли разнообразные научные открытия, мощный экономический подъем, духовный рост и модернизация, а также такие негативные явления, как революции, войны, социальные катаклизмы. Произошла интеграция России в мировую культуру, подъём которой наблюдался в данный период. Но экономически Россия не занимала передовых мест, к числу ведущих индустриальных держав она не относилась, хотя промышленное развитие осуществлялось. Ещё в начале XX в. явно стали ощущаться отголоски антирусских настроений в мире, связанных со страхом перед невероятными размерами российского государства, его силой, а также другие цивилизационные, политические и социокультурные различия [214, с. 32]. В области культуры происходило приобщение к общепризнанным мировым нормам, европейским стандартам. Либеральный курс царской России обуславливал преобразования в культурной жизни. В период смены эпох остро

встал вопрос: где место России – в Европе или в Азии? Чаще Россию отстраняли от социокультурного пространства Европы. В творчестве Серебряного века проявлялся конфликт западной и славянофильской традиций. Данный конфликт между Россией и Западом был частично погашен в период культуры Серебряного века с помощью переосмысления и преломления некоторых процессов в творчестве русской интеллигенции. Русская интеллигенция «подражательна и вторична в своих начинаниях, ориентируясь на Запад, и в то же время самобытна, отгалкивается от Запада и демонстративно противостоит ему, будучи к тому же преисполнена национальной гордыни и мессианских настроений», – рассуждал И. В. Кондаков о неоднозначности суждений русской интеллигенции [247, с. 347].

На рубеже XIX–XX вв. русская элита получила возможность материальной независимости. Так, состоятельные люди, творческая интеллигенция, элитная прослойка общества не отказывали себе в удовольствии пребывать за границей достаточно длительное время. За рубежом складывалось более четкое впечатление об эпохе, культуре, искусстве и своей роли в этих процессах. Таким образом, находясь за границей, многие из них получили свою известность. Европейское сообщество интересовалось национальной русской культурой. Русское интеллигентное сообщество завязывало межкультурные контакты в разных сферах – музыке, театре, литературе, философии, изобразительном искусстве. Происходило кросс-культурное взаимодействие в виде стажировок, обучения, участия в мероприятиях, симпозиумах, международных конференциях. С искусством зарубежных стран Россия знакомилась в рамках международных художественных выставок.

Русские литераторы, музыканты, художники отличались глубоким познанием мировой культуры, поэтому культура Серебряного века и славится тематическим многообразием, широкой социокультурной и философской проблематикой, своеобразием исторических и духовных контекстов. Российские авторы, в свою очередь, находясь за рубежом, передавали на родину лучшее из европейской культуры. «Серебряный век не столько творил, сколько воскрешал и открывал – он заново открыл художественную и духовную жизнь запада», – рассуждал В. Вейдле [29, с. 316]. Наступивший XX в. отличается возникновением в художественных образах, формах и идеях разнообразных новшеств. Так, выставки зарубежного творчества воздействовали на российского зрителя, раскрывая его потребности и эстетические интересы, оказываясь фактором культурной жизни России [135, с. 129].

Что касается науки и философии, то в данный период русские ученые особо плодотворно взаимодействовали с деятелями зарубежной науки: участвовали в конференциях, производили межкультурное взаимодействие,

обмениваясь опытом, научными трудами, открытиями, результатами исследований. Россия стала центром мирового философствования. Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Л. И. Шестов повлияли не только на отечественную, но и на мировую философию. Таким образом, с опорой на запад русская культура значительно развилась за небольшой отрезок времени, что обусловило впоследствии процесс влияния русского искусства на западное. Русская театральная школа и изобразительное искусство заняли лидирующие позиции в мире, сохранив свое своеобразие. Так, И. Ф. Кафели обратил внимание, что русская литература, по признанию английских писателей, озарила всю Европу [218, с. 138].

Художественная культура в начале XX в. – это совокупность искусств и художественной деятельности XX в. В свою очередь, художественная культура XX в. отличается переходным характером всех сфер жизни народа. Причём переходность времени активно отражалась в культуре и искусстве этого периода. Как известно, в начале XX в. активно стало утверждаться материалистическое и технологическое мировоззрение, что повлекло формирование нового типа мышления. Художественной культуре этого времени свойственны множественность и хаотичность, что говорит о её неустойчивом переходном состоянии. Признаки переходности выглядели следующим образом: отрицается старая художественная традиция, при этом новая ещё не устанавливается, в итоге возрастает творческая активность. Одна система сменяет другую по причине исчерпания смысла прежней художественной системы.

Поэтическая культура начала XX столетия характеризуется противоречивостью, символизмом, декадентскими настроениями и является одной из самых ярких, насыщенных и многогранных в истории русской поэзии. Уныние и упадок в поэтических текстах были связаны с острыми социальными конфликтами, потрясшими Россию в начале XX в. Русская литература этого времени была проникнута идеями неприятия окружающего мира, предсказаниями хаоса, поскольку социальные и духовные катаклизмы сильнейшим образом отразились в ней. Человек с рухнувшей системой ценностей, потерянный человек – новый герой отечественной литературы. Философия этого периода отличалась акцентированием внимания на духовном мире личности, неопознанном, судьбоносном. Основная особенность этого литературного периода – многообразие литературных школ, направлений, объединений. Глобальным противостоянием в литературе начала XX в. являлась борьба реализма с модернизмом, при этом эстетический полифонизм подчеркивает красоту и уникальность каждого творческого направления. Поэтому переход от классической русской литературы к новому времени был сопровожден бурными общекультурными и внутрилитературными процессами жизни, а также обнов-

лением литературных приёмов, быстрой сменой эстетических ориентиров. На этом фоне поэзия развивалась особенно быстро и ярко. Поэзия начала XX в. в первую очередь ассоциируется с модернизмом как направлением и символизмом как методом. *Символизм* как разновидность модернистского направления в литературе и искусстве сложился во Франции в 80–90 гг. XIX в. Характерными для него являются художественное выражение посредством «символа», метафоры, иносказания, поворот к «скрытой реальности». Позднее он приобретает религиозно-философскую направленность, приближается к мистике и оккультизму. Одна из характеристик данного периода – возникновение различных кружков и объединений: символистов, акмеистов, футуристов, которые стремились отойти от традиционных норм и направлений.

В формировавшемся в начале века *модернизме* проявлялись авангардные течения, отрицавшие реализм по причине некоторых ограничений. В авангарде ценилось устремление в будущее. В России началом модернизма считается символизм, основоположником которого является Вл. Соловьёв. Эстетика модернизма была проявлена в русском символизме, где в дальнейшем отразились идеи авангардизма и футуризма. Оригинальность культуры Серебряного века обусловлена сложившейся социокультурной обстановкой рубежа веков, когда наблюдались кризис христианского сознания и обновление жизни искусства одновременно. Поэтому культура Серебряного века неповторима. Огромный вклад в своеобразие этого периода внес символизм искусства. Русский символизм отличался отходом от традиций революционных демократов и народничества 1860-х гг. XIX в., от атеизма, от идеологии марксизма и утилитаризма начала нового столетия. В. Ходасевич писал, что история символизма – это попытки найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства, на котором основывали свою деятельность все представители культуры Серебряного века: философы, поэты, писатели, художники, музыканты, архитекторы, деятели театра. Их взгляды на искусство и политику перекликались: «Только тогда осуществляется политическая свобода, когда хоровой голос таких общин будет подлинным референдумом воли народной» [25, с. 408]. Идеи коллективизма и соборности сочетались с идеями творческой индивидуальности, с концепцией национальной избранности, с мессианством русской культуры в русском символизме. В прозе символистов З. Гиппиус, В. Брюсова, Ф. Сологуба проявлялись экзистенциальные мотивы обреченности, отчаяния, религиозно-философское и эстетическое оправдание экстремизма с их культурно-философской эстетикой, в которой заложено единение художественного и философского ядра. Символические образы в произведениях создавались под воздействием политической ситуации в России, а именно революции.

Серебряный век анализируется как кризисная эпоха в социокультурном развитии России ввиду роста декадентских и апокалиптических настроений, усиления пессимизма, неоднозначных преобразований в культуре и общественной жизни. По мнению М. Шагала, именно художники – модернисты и авангардисты – подготовили народные революции начала века.

Появление в русской поэзии модернизма связано с выходом в свет сборника Д.С. Мережковского «Символы. Песни и поэмы», в котором собраны стихотворения за 1887–1891 гг. Можно сделать вывод о том, что возникновение модернистского течения в России началось с функционирования литературного движения символистов из Санкт-Петербурга. Благодаря трем сборникам «Русские символисты», выпущенным В.Я. Брюсовым в 1895 г., это движение получило художественно-теоретические основы. Формированию эстетики символизма способствовала деятельность Д.С. Мережковского, который привёз из Европы новые литературные веяния. Позже он продолжил распространение новых идей в таких журналах, как «Мир искусства» и «Северный вестник». Эти идеи несли в себе стремление к обновлению искусства слова. Мистическая сущность слова приобретает большое значение в символизме, что особенно проявлялось в творчестве символистов старшего поколения – И.Ф. Анненского, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского. Реальностью иной действительности являлось слово. Эта действительность недостижима и не подвластна традиционному искусству. Под воздействием символизма выработался новый литературный язык, где у слова появилось иное значение, в противопоставление истинному, первичному значению оно больше не соответствовало. Символизм стал поэзией намека, он создавал особое настроение. Именно В.Я. Брюсовым впервые было оценено влияние учения В.С. Соловьёва на русскую литературу. Он утверждал, что поэтика художественного слова В.С. Соловьёва по сути своей является символистской. Религиозно-идеалистические воззрения В.С. Соловьёва были положены в основу философского понимания символа как знака, намекающего на сокровенный смысл. Символисты видели истоки эстетики своего слова в философии В.С. Соловьёва [25, с. 430]. Так, творчеству А.А. Блока было характерно единство философской мысли и поэтического терзания, что выражалось в духовных исканиях В.С. Соловьёва [Там же]. История русского символизма обогатилась новым периодом, когда вокруг издательства «Скорпион» и его альманаха «Северные цветы» были объединены московские и петербургские символисты. В издательстве взаимодействовали поэты как старшего поколения символистов, так и младшего. Среди них были В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, А. Белый, В. Иванов. Философия В.С. Соловьёва с пониманием красоты как высшего блага становится главным манифестом для всех вышеперечисленных

писателей. В период революции приходит понимание красоты как дисгармонии, которое в целом определило эстетику XX в. В этот период издаются такие известные сборники, как «Родине» Ф. Сологуба, «Песни мстителя» К. Д. Бальмонта. А. А. Блок в своём творчестве этого периода создаёт образ нового человека. К концу первого десятилетия русский символизм утрачивает влияние, но заложенная символизмом философия художественного слова ещё долго будет определять направление русской поэтической литературы.

Следующий крупный этап в истории развития русской литературы – формирование вокруг поэта Н. С. Гумилева группы акмеистов, включая А. А. Ахматову, О. Э. Мандельштама, С. М. Городецкого, М. А. Зинкевича. В их эстетике присутствуют «тоска по мировой литературе», утверждение земной, предметной реальности, конкретности бытия – в противовес основным идеям символистов. Истоки романтизма акмеистов наблюдались в поэзии Теофиля Готье, сборник которого «Эмали и Камеи» был переведен Н. С. Гумилевым. Предметность с утверждением поэзии как ремесла у акмеистов сменила мистику символистов. Стих у акмеистов отличался четкостью и логической силой. При этом акмеизм имел оттенки романтического символизма, элементы которого проявлялись в творчестве поэтов-акмеистов.

Еще одно литературное течение, которое необходимо отметить, – футуризм. Поэты-футуристы исследовали материю языка через магическую силу слова. Они формировали поэтику урбанизма как явления наступающей эры новых технологий. Слово – творец мира, по мнению футуристов. Футуристическое направление объединило таких поэтов, как В. В. Маяковский, П. М. Третьяков, В. В. Каменский, В. Хлебников, отрицавших «музыку стиха». Эстетика слова была у них несколько цинична. Они часто использовали неологизмы, на уровне синтаксиса разрушали привычные парадигмы, использовали метафоры, телеграфный стиль и так называемое «беспроволочное воображение» [15, с. 214].

К 1910 г. сложилось новое направление – имажинизм, которое объединило ряд писателей вокруг В. Шершеневича. Наиболее ярким творчеством в этой группе признано творчество С. А. Есенина. Культ образа в сфере содержания и в области формы, характерный творчеству имажинистов, восходил к поэтике символизма. В противовес футуристическому восхвалению урбанизма восстали крестьянские поэты во главе с С. А. Есениным, Н. А. Клюевым и С. А. Клычковым. Их поэзия явила мир деревенской Руси с ее фольклором, драматизмом, надеждами и чаяниями; она была весьма символична и наполнена образами. Реалистическое направление было представлено в творчестве И. А. Бунина. Связь с В. Я. Брюсовым, а также с символистским издательством «Скорпион»

наложила свой отпечаток на образный и богатый ассоциациями поэтический язык И. А. Бунина. В целом основу для поэзии модернизма заложил символизм. И если в поэзии XIX в. главенствовал символ, то в XX в. на его место приходит метафора. В период смены эпох наблюдался наивысший уровень разработки символа в парадигме советского культурного сознания нового времени. Течения русского символизма (мистико-религиозное и субъективно-психологическое) опирались на своих предшественников – французских поэтов. Среди представителей русского символизма Д. С. Мережковский, И. Ф. Анненский, В. Иванов. Русский символизм в содержательном плане опирался на философию Логоса, разработанную в религиозно-идеалистическом учении В. С. Соловьёва. Суть его учения заключалась в том, что в произведениях искусства обретается бесконечность – идеал, который недостижим ни в творческом познании, ни в нравственном деянии. Эта бесконечность выступает идеалом и носит название красоты. В основе поэтики А. А. Блока, А. Белого и других символистов лежит вышеупомянутая философия. Категория красоты, преобразующая материальную силу, трактуется в духе философских идей европейской метафизики XVIII–XIX вв., когда категория красоты сменила понятие Прекрасного. Основным постулатом В. С. Соловьёва было утверждение нравственной природы красоты. Он воссоединил прекрасное и нравственное, которые составили категорию высшего Блага. В христианской традиции источником высшего Блага является Бог [25, с. 367].

Романтическая поэзия русского символизма, связанная с творчеством К. Д. Бальмонта и А. Белого, имеет свои особенности. Сквозь призму расширения символических возможностей слова рассматривалась импрессионистская лирика К. Д. Бальмонта. В статье «Элементарные слова о символической поэзии» он утверждал, что «импрессионист – это художник, говорящий намеками» [111, с. 163].

А. Белый также сочетал в своем творчестве элементы импрессионизма с разработкой символической природы слова. Религиозно-философскую окраску творчеству поэта придавала идея возлюбленной «Вечности». В. С. Соловьёв особенно сильное влияние среди поэтов оказал на творчество А. А. Блока, который сохранил на всю жизнь посетившее его в начале пути озарение «ослепительно ярким светом». А. А. Блок настойчиво возвращался к евангельскому мотиву «первой любви», и для него была весьма болезненна и неотступна альтернатива «измены» и «верности». В его творчестве зачастую возникает проблема «вочеловечевания». Он определяет «вочеловечевание» как цель пути, которую необходимо достигнуть в течение жизни. По мнению А. А. Блока, путь, который ведет к «вочеловечеванию», труден для обычного смертного человека. Через «необходимый болотистый лес» – к отчаянию, «возмездию», через бездны

«страшного мира» – к очищению [198]. Строки из лирических произведений В. С. Соловьёва стали эпиграфом к первым двум разделам «Стихов о прекрасной даме». Темы «Вечной женственности», «Мировой души», «Софии» пройдут через все творчество поэта, перейдут из ранних образов и стихотворений в новые образы и произведения.

Серебряный век русской литературы и культуры – не простой, переходный и одновременно интересный период в истории России в эпоху глобальных перемен. Исследование Серебряного века проходило в рамках не только культурологии, но и литературоведения, философии, языкознания. Его изучением занимались такие исследователи, как И. Анненский, В. Агеносов, Н. Бердяев, А. Белый, Н. Богомолов, В. Библиер, Л. Гинзбург, М. Гаспаров, Г. Долгополов, Ю. Кричевская, В. Крейд, А. Леденев, К. Мочульский, Д. Мережковский, Л. Рапацкая, С. Соловьев, Е. Эткинд.

Необходимо обратить внимание на исследования, описывающие проблематику культуры, искусства, а также художественной жизни на рубеже веков, Г. Ю. Стернина, Д. В. Сарабьянова, М. Г. Неклюдовой, рассматривающих особенности творчества представителей русского искусства начала XX в. Очень часто Серебряный век именуется русским культурным ренессансом, в связи с чем Н. Богомолов разделяет писателей Серебряного века А. П. Чехова и Л. Н. Толстого, устремившихся в прошлое, и Е. Н. Чирикова и А. С. Серафимовича, желающих «вливать новое вино в старые мехи» [218, с. 216]. «Люди символизма и его окрестностей умеют узнавать друг друга. В них есть что-то общее, и не в писаниях только, но также в личностях. Это связь людей одной эпохи. Они – свои, «поневоле братья» перед лицом своих современников-чужаков. Люди символизма «не скрещиваются». Тут – закон, биология культуры», – рассуждал В. Ходасевич [205]. Исследователи по-разному определяют понятие Серебряного века. Во-первых, к ним относятся шедевры поэтического творчества конца XIX – начала XX в. Во-вторых, данное понятие используется для обозначения художественной и духовной культуры вышеуказанного периода. Духовная революция в России начала XX в. была не менее важной, чем три политические революции. Духовная революция преобразовала все аспекты человеческой жизни: религию, искусство, социальное поведение, экономику, науку, сформировав, таким образом, новое общественное сознание и новое отношение к жизни. С одной стороны, для культурной революции характерно осознание кризиса эпохи, завершенности определенного уклада жизни, с другой – предвестие новых свершений, возрождение и расцвет. Н. А. Бердяев рассуждал: «Это была эпоха пробуждения России, самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувственности, религиозного беспокой-

ства, интереса к мистике и оккультизму. Были открыты источники творческой жизни» [19, с. 34].

Особенностью периода Серебряного века является вытеснение прозаического жанра поэтическим. Теперь поэзия выражает чувства и чаяния молодого поколения. Участники всего этого процесса осознавали, что живут в эпоху культурных и духовных преобразований. «Серебряный век – это не только период, в который творили самые разнообразные мастера и подмастерья слова, и не сумма литературных течений, но образ мышления, в той или иной степени свойственный художникам, которые полжизни, случалось, нешуточно враждовали между собой, но со временем слились в сознании потомков в неразделимую плеяду, где каждый сам по себе личность и в то же время – невозможен без взаимодействия с другими», – высказывался Н.А. Бердяев [цит. по: 184, с. 43]. С наступлением XX столетия и до 30-х гг. в русской литературе возникли новые звездные имена, представляющие различные литературные течения и группы, чрезвычайно обогатившие поэзию своим творчеством. Их творчество наполнено лучшими традициями мировой культуры. В. Брюсов, И. Анненский, А. Блок, М. Волошин, А. Белый, А. Ахматова, Н. Гумилев, К. Бальмонт, М. Цветаева, В. Иванов, И. Северянин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, С. Есенин, В. Маяковский, В. Ходасевич, В. Хлебников, произведения которых раскрывают миропонимание, присущее этому времени, представляют эстетические и философские мысли дореволюционной России, исследуют бытие человеческое, размышляя о сущности жизни человека на земле, приоткрывают особенности греческой, римской и библейской культур, знакомят с картиной жизни искусства рубежа веков.

Творчество многих талантливых поэтов того периода сложно вместить в рамки одной школы, поскольку они отличались друг от друга мироощущением, художественно-эстетической программой, масштабностью таланта. М. Цветаева, А. Ахматова, А. Блок, Б. Пастернак, О. Мандельштам начинали творить в рамках определённых школ, а позже продолжили своё творчество уже вне их. «Серебряный век не кончится десятилетиями, но характеризует и двадцатые годы, но его странным стягивающим центром оказывается водораздел 1917 года. То, что было в нашей культуре в двадцатые годы, отнюдь не было следствием большевистского переворота, но было судорожным продолжением и завершением культурных исканий начала века», – писал В. Библер [20, с. 87]. Настигнув литературу в 1917 г., революция предложила новые темы, новые проблемы, новую лексику, однако мировоззрение сразу переделать не удалось. Поэзия продолжала использовать старые принципы и стратегии. Ещё ощущалось влияние символизма, но на пике в тот период были акмеизм и футуризм. К ним же примыкали имажинисты и экспрессионисты. Богатство

сюжетных вариантов, свобода творческой фантазии, многообразие выразительных средств языка – всё это стало залогом выдающихся художественных достижений. В данный период определились две точки зрения на происходящее – утверждение и отрицание революции. Если в акмеизме сочетались неоромантизм и неоклассицизм (О. Мандельштам), то уже в футуризме, вместе с его авангардом, ярко проявлялся разрыв с прежними тенденциями и нормами искусства слова, а также неклассичностью. В поэзии В. Хлебникова, И. Северянина, В. Маяковского, Б. Пастернака чувствовались бунтарский облик лирического героя, поэтический эпатаж, вызов и скандал как эстетические средства поэзии. В эти годы развивается и расцветает «русский авангард»: когда революционные преобразования влекут художников к новым творческим экспериментам и замыслам. Октябрьская революция была воспринята деятелями искусства по-разному: одни стали прославлять революцию и «новую эру человечества» [167, с. 51], другие отвергали её в своём сердце и своём творчестве. Язык символов стал помощником для многих художников того времени. Сильные чувства и эмоции, вызванные циклом трагических событий, эффективнее было выражать с помощью символов, аллегорий и, конечно же, метафор. Для некоторых художников революция стала апокалипсисом. Таким образом, выражалось настроение художников той эпохи, их отношение к революции. Даже прикладное искусство претерпело изменения под воздействием революции. Так, например, в рисунок на фарфоре вводили лозунги, революционные даты. Гражданская война разрушила прежнюю жизнь. Народу в лице рабочих, крестьян, интеллигенции необходимо было создавать новый мир, что требовало немалых умственных и физических затрат. Искусство должно было стать вспомогательным элементом в этом процессе. Так складывалась многонациональная культура, ставшая под воздействием революции интернациональной культурой нового времени – социалистической по содержанию и национальной по форме, как детище социалистического реализма.

Важной и ключевой темой поэзии была тема Родины. Россия трагически переживала войны и революции. Кроме этого, поднимаются темы смены эпох, духовного тупика, трагического отчаяния и «крушения гуманизма». Поэты с помощью своего творчества выражали своё отношение к свержению самодержавия и обеим революциям, происходящим событиям империалистической войны. Вопросы об идеалах, Родине и истории, о сущности поэзии, роли интеллигенции, о культуре и её будущем, вариантах преображения духовного бытия поднимались в творчестве поэтов начала XX в. У литературного творчества появилось несколько направлений: одно из них представляло традиции прошлого, а другое – получило название литературы нового типа (советской), или пролетарской литера-

туры. А. Блок писал: «Кроме слова искусство у нас в сознании присутствует, конечно, слово Революция. Хотим мы этого или не хотим, уйти от этого слова некуда, потому что в России два года назад окончилась революция. Каждый день истекшего двухлетия – для всех нас есть день изживания последствий этой окончившейся революции, каждая бытовая мелочь говорит о ней же, каждый изживал эти дни по-своему: активно, пассивно, сочувственно, с ненавистью, тупо, весело, клонясь к смерти, наполняясь волею к жизни, каждый по-своему, но всё равно – с чувством её неотступного присутствия» [цит. по: 94, с. 250]. Это вполне соотносится с настроениями и ощущениями М. Цветаевой, Н. Гумилева, А. Ахматовой, С. Есенина и В. Маяковского. Определяющими в отношении были не принадлежность к какому-либо течению или группе, а личное ощущение ситуации тем или иным поэтом, его убеждения, пристрастия, духовное и философское мировосприятие, индивидуальная судьба. Поэты старались осознать сложность общественных, психологических и духовных процессов, воспринимая революцию одновременно как благо и как несчастье, разделяя трудности и горести русского народа. В. Полонский рассуждал: «Рушится быт, понятия, вкусы. От буржуазного порядка в буквальном смысле не останется камня на камне. Разламываются вековые устои жизни. Умирает религия. Рассыпается старая семья. Терпит крах старая философия. Утрачивают власть старые эстетические догмы. Земля встаёт дыбом – всё переверотилось, сдвинулось со своих мест» [цит. по: 218, с. 149]. Патриотические чувства настигали многих поэтов, в том числе А. Ахматову, которая осталась на Родине и опубликовала известное стихотворение «Мне голос был. Он звал утешно...». Н. Гумилев из патриотических соображений вернулся в Россию в тот период, когда находился за границей в составе войск дипломатического корпуса. Были и те, кто приняли революцию в ярко выраженном положительном ключе, хотя и пережили на этом пути мучительные сомнения, например: В. Хлебников, В. Маяковский, Н. Клюев, В. Брюсов, С. Городецкий и др. Для К. Бальмонта, З. Гиппиус, Вяч. Иванова, С. Мережковского, И. Северянина, И. Бунина, М. Цветаевой революция носила чрезвычайно отрицательный характер, и они покинули Родину по причине неприятия и несогласия с новыми ценностями. Это поэты эмиграции. Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г. гласило: «...рамки существующих литературно-художественных организаций ВОАПП, РАПП, РАПМ становятся узкими и тормозят серьёзный размах художественного творчества». Из этого следовало, что все оставшиеся литературные организации будут ликвидированы. Далее был организован оргкомитет по подготовке Всесоюзного съезда писателей, возглавляемый Максимом Горьким, на котором был принят Устав Союза

Советских писателей и объявлен основным литературным методом социалистический реализм. Устав требовал «задач идейной переработки и воспитания трудящихся в духе социализма», т. е. постановки определенных целей и задач в своих произведениях. Как следствие, после данного устава произошёл распад многих литературных групп. Ещё один осложняющий в 1930-е гг. для поэтов фактор – политика репрессий. В 1918–1925 гг. произошла первая волна эмиграции. Те, кто остались, могли оказаться в лагерях, лишиться права писать на всю оставшуюся жизнь или даже быть расстрелянными. Такой трагический финал постиг поэтов Серебряного века: расстреляны Н. Гумилев, А. Клычков, Н. Клюев; покончили с собой М. Цветаева, В. Маяковский, С. Есенин, умерли в изгнании З. Гиппиус, В. Ходасевич, И. Северянин, И. Бунин; погиб в лагере О. Мандельштам. К А. Ахматовой и Б. Пастернаку относились с непониманием. В романе «Доктор Живаго» Б. Пастернака очень точно освещена проблема русской интеллигенции 30-х гг. Эта трагедия была поднята писателем на уровень христианского сознания – она принимает библейский характер. Период гражданской войны и последующие годы интеллигенция пережила с огромными потерями. Творчество великих русских поэтов начала XX в. не только отражает современное миропонимание, но и содержит разнообразные темы творчества: библейская, греческая, римская культуры, смысл человеческого бытия, его предназначение в мире, социокультурные события в стране.

Рубеж XIX–XX вв. возвращает славянофильскую доктрину, что возрождает романтическое мировоззрение. В переходные эпохи искусство обладает большой ценностью – человек разочаровывается в рациональном, заинтересовавшись при этом более древними, дорационалистическими формами знания и представлениями о мире. В романтическом мышлении, например, теория поэтического воображения достигла своей вершины. Воображение – не просто род человеческой деятельности, создающий художественный мир человека. Воображение – это универсальная метафизическая ценность. Поэтическое воображение – единственный ключ к реальности. Периоды перехода каждый раз вызывают философскую рефлексию, которая распространяется на искусство [68, с. 18]. «Личность в художественном творчестве отличается способностью к художественному осязанию мира в образах, что невозможно без творческой фантазии – важнейшего качества художественного таланта. Сущностная общность всех художественных способностей определяется генеральной особенностью художественного творчества – его образно-эмоциональной природой, наиболее ярко проявляющейся в творческом воображении. Творческое воображение является результатом развития всех психических функций, развития памяти, мышления – это синтез всех умственных

способностей человека» [185, с. 17]. Творческому воображению свойственны впечатлительность, эмоциональность, наблюдательность, обостренный слух, острое восприятие, способность длительно удерживать впечатления, вместе с тем и целостность, нравственность, сила духа – всё это является основой для формирования художественного таланта.

Таким образом, рубеж и особенно начало XX столетия – период поисков и становления советской культуры и искусства, период организации объединений со своими особенностями и видением мира. Это период перехода и небывалых трансформаций в жизни общества, разрушения старой жизни и становления новой системы, принятия новых правил и законов, где с одинаковым размахом сочетались радость и печаль, уныние и возрождение, разочарование и новые надежды, гибель и возрождение жизни. Основной темой творчества поэтов являлась тема Родины. Любимые и мистические мотивы символизма сменились гражданской лирикой социокультурной направленности. На первый план выходила идеологическая позиция, а не ценности и эстетика писательского творчества. При этом культурно-литературная традиция золотого века русской литературы оставалась и продолжала своё влияние. Соединение течений и направлений, столкновение взглядов по тем или иным вопросам искусства, поиски нового создали атмосферу, в которой зарождались новые произведения. Поэзия многих великих писателей Серебряного века благоприятно и естественно включилась в этот процесс, преодолевая поиски и потери, обретая новые идеи и возможности. Серебряный век анализируется как кризисная эпоха в социокультурном развитии России ввиду роста декадентских и апокалиптических настроений, усиления пессимизма, неоднозначных преобразований в культуре и общественной жизни (государственные перевороты, смуты, революции, гражданские войны).

Для нашего исследования актуальным является не только анализ двух значимых для культуры России переходных периодов, особенностей их репрезентации в авторских поэтических текстах, но и восприятие этих кризисных этапов современной студенческой молодёжью. Знание представлений подрастающего поколения, являющегося создателем будущей культуры страны, разработчиком новаций, необходимо для учёта им тех традиционных ценностей, которые исторически сложились в российском обществе.

Осмысление отношения представителей студенческой молодёжи к стране, ее культуре позволят использовать полученную информацию в формировании у них ценностных установок и смысложизненных ориентаций в процессе воспитательных образовательных приёмов, актуальных для российской культуры, значимых для сохранения её государственности и формирования у молодёжи патриотизма.

2.2. Метафорические семантические поля, репрезентирующие культуру России конца XIX – начала XX века

В нашем исследовании осуществлено декодирование метафорических конструкций поэтических текстов конца XIX – начала XX в. с целью выявления в них культурных смыслов, что позволит классифицировать метафорические конструкции в соответствии с данными смыслами, их образностью и идейностью. Для раскрытия содержательной стороны метафоры применяется семантическая классификация.

Принцип строения метафоры – создание нового смысла на контрасте с входящими в нее компонентами. В поэтической метафоре соединяются слова, которые в обычной жизни не употребляются вместе, что приводит к возникновению ярких, выразительных, необычных образов и новых смыслов. Интересно, что слова, входящие в метафору, получают новый смысл, и значение метафорического образования в целом тоже новое с позиции традиционного употребления. Метафоры занимают различные положения в поэтических текстах: текст может являться метафорическим целиком или же это могут быть отдельные метафорические цепочки или словосочетания. Расположение авторской метафоры в тексте не всегда случайно – зачастую оно связано с авторской целью, идейным своеобразием стихотворения и его стилистикой. Картина мира автора, как уже говорилось выше, выражает его взаимоотношение с миром, особенности его личности, его проявлений, что позволяет исследовать человеческий фактор в языке. В процессе эволюционного развития человеческое сознание соизмеряло окружающую действительность с позиции получения ресурса для себя. Человек воспринимался центром мироздания, мерой всех вещей, что может проявляться в его представлениях об окружающей реальности. Поэтому можно говорить о некотором антропоцентризме картины мира автора, что отразилось в лексике и стало принципом исследования современной науки о языке, языковом сознании и человеческого фактора в нем. Как было сказано выше, авторская картина мира отражается в индивидуально-авторской метафоре. Так, «функция метафор в идиостиле В. Маяковского очевидна: они работают на образ мира, делают его нагляднее, вещественнее, осязаемее» [39, с. 399].

Метафора представляет собой источник для исследования особенностей социокультурной реальности начала XX в., что немаловажно для построения общей языковой картины мира определенного периода и культуры. Использование определённых языковых средств, а также творческих принципов образного моделирования окружающей реальности соот-

ветствует общему художественному сознанию эпохи, литературным стилям и традициям. Поэтические образы и индивидуально-авторские метафоры репрезентируют окружающую обстановку авторского бытия. Слово служит способом отражения образной языковой картины мира. Картина мира автора предстает как часть общей языковой картины мира. «Метафора – стержень образной системы поэта, в котором отражено метафорическое видение мира» [242, с. 57]. Сущность поэтической метафоры в авторском понимании мира, в контексте стихотворного текста. Каждому временному периоду соответствуют определенное метафорическое своеобразие и индивидуальная смысловая наполненность. Если в конце XIX в. метафорические конструкции посвящались чувствам и природе, то в начале XX в. наблюдается уже достаточно широкий спектр иных тем, где объектом метафоризации выступают различные социокультурные явления и процессы: революция, партия, Ленин, коммунизм, космос, наука, техника и проч., что приводит к изменению семантической наполненности метафор.

Познание окружающего мира, в том числе социокультурных проявлений указанного периода, возможно через поэтическое слово. Путём исследования творчества величайших русских поэтов выявляется специфика культуры и времени, реалий, быта и социума. В поэтических текстах можно выделить ряд метафорических образований, создавших образ российского социокультурного пространства начала и конца XX столетия. В данной монографии, с одной стороны, дается теоретическое обоснование рассматриваемых проблем, с другой – на конкретном анализе поэтических текстов и выделении метафорических семантических полей показывается, как воплощается специфика культуры определенного периода в метафорических образах. Решение второй практической части монографической работы требует выборочного подхода к метафорическому анализу поэтических произведений. В основу анализа положены принцип выделения семантических полей метафорических образований и их интерпретация, формирование семантической классификации исследования, что в итоге позволяет репрезентировать культуру России начала и конца XX столетия в различных аспектах. Контекстная тематика и проблематика поэтических текстов изначально отобраны с учётом определённой социокультурной направленности, что позволяет выделить метафорические образования схожей смысловой наполненности. Путём интерпретации образов метафорических образований выделяются семантические поля, репрезентирующие социокультурное пространство России конца XIX и начала XX столетия.

Под семантическим полем понимается «совокупность языковых (лексических) единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых

явлений» [248, с. 380]. Выделение семантических полей метафорических образований поэтических текстов позволяет выявить основные культурные процессы и ценности, передаваемые через метафорические образы, определить специфику социокультурных реалий России начала и конца XX столетия. Интерпретация (декодирование) метафорических образований и созданных ими образов происходит путём символично-философского осмысления метафорических образований, обусловленного герменевтическим методом. «Знаки не обязательно являются языковыми, но любой продукт познания (мыслительной деятельности) выражается в знаковой форме (системой знаковых форм). Любая знаково-символическая система – это самостоятельная сущность, индивидуальность: а) продукт мыслительной деятельности, средство объяснения создающего субъекта; б) продукт понимающей деятельности, средство понимания, интерпретации воспринимающего субъекта» [37, с. 110].

Глубинные смысловые оттенки метафорических элементов текста иногда можно не понять разумом, а почувствовать сердцем. Использование герменевтического метода осуществляется посредством вчувствования и осознания. Герменевтический метод склонен к диалогичности. «В герменевтике человек является субъектом познания, а символически-знаковая система – предметом познания. Основной задачей герменевтики является постижение так называемого «глубинного смысла». Согласно Гадамеру, понимание – универсальная черта всей сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе любых разновидностей наук» [37, с. 210]. В понимании и постижении сущности метафорических образований раскрываются ранее не раскрытые смыслы, возможные подтексты, зашифрованные идеи. Таким образом, возникает новая информация. Кроме того, историко-культурная ситуация, в которой создается текст, уникальна и неповторима, поэтому, безусловно, текст и все его элементы будут вспомогательными компонентами в понимании особенностей культуры определенного периода. «Язык настолько неотделим от условий существования человека, что он (язык) всегда предполагается во всех возможных попытках его (человека) сущностной характеристики. Трудно представить формы сознательного поведения человека, в которых не усматривалось бы участие языкового фактора» [229, с. 104]. Языковые единицы предстают как система значений, являющихся языковой картиной мира, сформировавшейся из картины мира, которая выявилась путём взаимодействия всех представлений человека о мире. «Человек есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [253, с. 51]. Отождествление природных процессов с людской сутью является живой,

распространенной, необходимой частью познания мира через поэтическое слово.

Кроме того, необходимо сказать о значимости контекста при анализе метафорических образований. Контекстом называется фрагмент текста, который может уточнить значение метафорической конструкции, «её минимально достаточное окружение» [141, с. 21]. Однако не всегда в этом есть необходимость – достаточно пронизательности, внутренней интуиции, осмысления, «погружения на глубину». Некоторые ученые, в частности Г.Н. Склярская, полагают, что «вне связи с контекстом не может быть определена семантическая сущность художественной метафоры. Контекст для метафоры не обрамление, не фон, даже не питательная среда», в которой может существовать метафора, а собственно семантическая субстанция метафоры, ее содержимое, которое далеко не всегда легко разложить на «фокус» и «рамку» [128, с. 35]. Тем не менее мы придерживаемся позиции, что далеко не для каждой метафорической конструкции важен контекст; зачастую сущность метафоры может быть определена вне учета семантической наполненности поэтического текста, хотя, бесспорно, общая смысловая наполненность текста и значение метафорической конструкции соотносимы и подчас единообразны, однако могут существовать и осмысляться друг без друга. Интересно отметить, что в различных фрагментах текста слово может иметь двойную или тройную семантическую наполненность. Это зависит от степени метафоризованности данного слова в тексте. «Поэзию нельзя воспринимать буквально, слова в поэтическом тексте приобретают новые значения, подчас неожиданные с точки зрения обычного употребления», – отмечает О. Мандельштам в своем труде «Слово и культура» [87, с. 356]. Метафоры – важный компонент языковой композиции текста. «Метафора представляет собой важнейший образный конструктивный компонент художественного текста, тесно взаимосвязанный и взаимодействующий с его структурой, семантикой, композицией и идейным содержанием» [186, с. 8]. Благодаря метафоре, в которой зачастую максимально сконцентрирована образность, поэтический текст воспринимается как предельно выразительный и уплотненный, в нем совмещаются несколько уровней значений.

Бесспорно, метафора имеет множество функций. Для данного исследования особенно важна одна из значимых функций, состоящая в передаче имплицитной информации, содержащей определённые смыслы, важные идеи, авторские замыслы. Путём декодирования метафорических конструкций (или интерпретирования метафорических образов) происходит раскрытие этих смыслов, идей и замыслов, заключённых автором в метафорической конструкции по разным на то причинам и обстоятельствам.

Далее анализируются и интерпретируются метафоры, раскрывающие семантическую сферу таких понятий, как «образ России» и «социум», «человек», «религия», «политика», «наука и техника», демонстрирующие культурные смыслы указанных временных периодов. Проанализировано 100 метафорических образований в поэтических текстах конца XIX – начала XX в. Среди авторов стихотворений великие русские поэты: Александр Блок, Сергей Есенин, Велимир Хлебников, Максимилиан Волошин, Валерий Брюсов, Демьян Бедный, Андрей Белый, Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Анна Ахматова.

В исследуемом временном периоде (конец XIX – начало XX в.) нами выделено 6 групп семантических полей метафорических образований:

Метафоры семантического поля «Россия»

«Ой ты, Русь, моя родина кроткая... Весела твоя радость короткая. С громкой песней весной на лугу» (С. Есенин). – Известно, что кротость, смирение, терпение – это одна из основных черт русского национального характера, характеризующегося склонностью к доброте, незлобивости, уступчивости, мягкости характера в сочетании с силой духа. Но, несмотря на стремление русских людей к бесконфликтным отношениям с другими странами, в 1914 г. (когда С. Есениным было написано стихотворение «Русь»), германская империя объявила войну и Россия была вынуждена вступить в мировой конфликт. В результате череда последующих за этим событий в начале XX в. обусловила прекращение периода жизненных радостей, способствовала печали. Вместе с тем мы не можем исключить, что под фразой «Радость короткая» автор скрывает более глубокие смыслы. Нельзя забывать и о результатах проведенного нами ассоциативного теста, где молодёжь отмечает проявление бунтарства части россиян в данные переходные периоды. Вся история Руси свидетельствует о происходящих в стране периодических бунтах. Так, например, уже в XVII в. известен так называемый «Соляной бунт» в период царствования Алексея Михайловича, причиной которого стало увеличение налогового бремени и повышения цен на соль. Известна длительность Кавказской войны. Так, по мнению Р. А. Фадеева, все противостояния на Кавказе можно отнести к одной войне продолжительностью в 60 лет; в дальнейшем участие страны в Первой мировой войне, Гражданской войне и проч.

Поэзия С. Есенина 1917 г. характеризуется новыми чувствами относительно происходящего в России: **«Уж смыла, стерла деготь воспрянувшая Русь»**. Ему, как ранее деревенскому жителю, хорошо известно, что значит «смыть дёготь»? Дегтем в деревне мазали ворота дома, чтобы опозорить живущую там «девку», не соблюдающую принятые на Руси и последовательно поддерживаемые русскими (особенно деревенскими

жителями) культурные морально-нравственные представления, поведенческие нормы. Считалось, что такое пятно несмываемое. Опозоренная девушка в ряде случаев могла повеситься на собственной косе. Есенин, выходец из деревни, хорошо знал жестокость некоторых деревенских нравов. Русь, как «опозоренная девка» (заблудшая, гулящая, обманутая). За данной метафорой автора скрыты противоречивые чувства, переживания за Родину, тревога за неё и за судьбу родного края, но вместе с тем, и надежда на светлое будущее страны. Установившаяся путём кровопролития советская власть позднее благоприятно будет воздействовать на развитие страны в разных сферах жизни.

«Полевая Россия! Довольно волочиться сохой по полям! Нищету твою видеть больно. И берёзам, и тополям» (С. Есенин, 1925 г.). – Этой метафорой поэт призывает крестьянское население к использованию технических средств в их деятельности, что будет способствовать, с одной стороны, мощи страны, преодолению голода, а с другой – богатству и свободе деревенского населения. Этот призыв поэта обусловлен тем, что в советский период сельское хозяйство активно развивалось, во многих колхозах и совхозах начали использовать сельскохозяйственную технику, машины, тогда как в царской России человек, чаще всего собственными силами (руками), обрабатывал поля и выполнял все виды работ самостоятельно без технических средств. Вместе с тем мы не можем исключить, что в этой метафоре также раскрывается более глубокая суть переживаний автора за продолжительную нищету русского простого человека и, в первую очередь, крестьянства, находящегося под игом крепостного права с XV в. до 1861 г. Известно, что нищенство на Руси было серьезной проблемой, с которой пытались справиться многие цари, но зачастую безрезультатно.

«И Русь все так же будет жить, плясать и плакать у забора» (С. Есенин). – За этой метафорой скрываются глубокие личностные переживания поэта, который в это время был призван на военную службу (1916). Текст стихотворения демонстрирует его душевные метания, стремление возвратиться к родным деревенским просторам и его мысли о самоубийстве там. «И вновь вернулся в отчий дом. Чужою радостью утешусь. В зеленый вечер под окном. На рукаве своем повешусь». «И Русь всё так же будет жить, плясать и плакать у забора». Поэт понимает, что, несмотря на его смерть, родная страна, её народ, переживая новые кризисы, продолжают идти вперёд.

«В стране, объятай вьюгой и пожаром» (С. Есенин). – Вьюга и пожар в данном контексте являются символами событий нового времени. Это «Письмо деду», написанное С. Есениным в 1924 г. в Батуми, вновь демонстрирует его душевные переживания, обусловленные не только

попыткой оправдаться перед дедом, недовольным его отъездом из родного края, но и событиями в России, гражданской войной, кровопролитиями, политическими и социальными противоречиями.

«О родина, о новый с золотою крышей кров, труби, мычи коровой, реви телком громов» (С. Есенин). – Это стихотворение, написанное Есениным в 1917 г., вновь демонстрирует его амбивалентные чувства к происходящему в стране. С одной стороны – чувство любви к Родине, а с другой – из-за революций и кровопролитий в России начала XX в., где отсутствовали спокойствие и тишина, – чувство сожаления, что именно Россия – его «мать». Для Есенина, выходца из деревни, питающая молоком корова – некий образ традиционной и любимой им Руси. Новая Русь для поэта – крестьянский рай, мычи коровой (т.е. единство старой и новой Руси), телком громов (телок – сын коровы, ему жить в новой Руси; он «грохочет», приветствуя новое).

«Мы – дети страшных лет России – Забыть не в силах ничего» (А. Блок). – Стихотворение написано поэтом 8 сентября 1914 г., через месяц после начала войны. Оно демонстрирует переживания автором происходящего и символизирует его мысли о том, что ужасы войн и революций зачастую невозможно искоренить из памяти – многое не забудется никогда, но вместе с тем надежду вновь увидеть величие Родины.

«Той страны – на карте нет, в пространстве – нет» (М. Цветаева). – Ностальгия по царской России и утраченным ценностям жизни возникала многократно в сердцах русских людей, особенно у представителей интеллигенции.

«Ты, Русь глухонемая! Бес, украв твой разум и свободу, тебя кидает в огонь и в воду, о камни бьёт и гонит в лес» (М. Волошин). – Некоторые представители русской поэзии и интеллигенции сравнивали советскую власть с дьявольской силой. М. Волошин, написавший это стихотворение в 1918 г., именно с бесовским воздействием на Россию ассоциирует в этой метафоре события 1917–1918 гг., показывая значимость религиозной веры, поста и молитв для преодоления происходящих страшных событий. При этом русские люди, в представлении автора, демонстрируют в основной своей массе глухоту и немоту, потерю разума и свободулюбия, проявляя основные черты национального характера – кротость и христианское смирение, терпеливо перенося все невзгоды молча, не жалуясь. Но автор всё же надеется, что найдётся тот, кто спасёт страну.

«Ты – бездомная, гулящая, хмельная, во Христе юродивая Русь!» (М. Волошин). – Именно такой была Россия на стыке XIX и XX столетий. Это произведение написано автором 19 ноября 1917 г. Поэт оценивает революционные события как потерю «царства», разорение страны, её бездомность, поруганность и нищету. При этом понятие «юродивая Русь»

в этом стихотворении обосновано тем, что, несмотря на то, что первый юродивый появился в Палестине, именно на Руси юродивые приобрели образ святости и почитания. Подобный образ был обусловлен отвержением ими мирских забот, способностью к свободной критике в отношении власть имущих и знатных людей, владением особым иносказательным языком, выводящим из зоны привычного комфорта и рутинности обычных горожан (заставлял их задуматься о человеческой греховности).

«И ты лежишь в крови, – нагая, изранена, изнемогая, и не защищена никем» (М. Волошин). – В начале XX в. Россия представляла собой государство, в котором происходили кровавые войны, а человек столкнулся со множеством трудностей и невзгод.

«И нет истории темней, страшной, безумней, чем история России» (М. Волошин). – Самая большая страна в мире характеризуется сложными, порой печальными и мрачными, одновременно разнообразными историческими процессами.

«Тончайшей из всех зараз, мечтой врачует мир Россия» (М. Волошин). – Стремление к светлому будущему не раз заставляло народ подниматься со дна и продолжать движение к цели. Революционные преобразования в России, глобальные политико-экономические и культурные изменения в связи с новой социалистической идеологией взбудоражили как европейские государства, так и те, что находились за океаном, являясь толчком к подобным трансформациям и в других странах.

«Мы видели безумья целых рас, крушенья царств, косматые светила... Мы пережили Илиады войн и Апокалипсисы революций» (М. Волошин). – Россия пережила множество событий, безумств, крушений, войн, сложнейших обстоятельств, революций, стойко выдержав, преодолев все трудности. Таким образом, практически все метафоры в стихах М. Волошина демонстрируют его восприятие происходящего в стране как апокалипсиса, катастрофу, трагедию, вызванную происшедшими в стране социокультурными трансформациями.

«Из моря слез, из моря муки судьба твоя – видна, ясна: Ты простираешь в высь, как руки, свои святыя пламена – туда, – в развалы грозной эры» (А. Белый). – Начало XX в. – яркий, переходный, но при этом трагический и противоречивый период в жизни общества и государства, в его истории и культуре. Переходность и разрыв с предыдущими временными этапами ощущаются не только в России, но и во многих других государствах. Исследователи этого периода пишут о «надломе», связанном с христианским вероисповеданием, называя апокалипсисом все то, что переживало человечество в начале XX в. Апокалиптичность новой эпохи подчеркивает её переходность. В данном поэтическом тексте А. Белый описывает тягостные события начала XX в., используя метафорическую

конструкцию, посредством которой передается авторская идея – слёзы, муки, развалы эпохи олицетворяют трудности нового времени и неизвестность перед будущим. В этом стихотворении за метафорическим выражением «Произрастай наш край родной. Неопалимым блеском молний, неодолимой купиной» автор демонстрирует желание, чтобы Родина получила защиту Богородицы и превратилась в Неопалимую купину (символ горящего, но не сгорающего куста).

Интерпретация вышепредставленных метафорических конструкций показала, что большинство из них имеют отрицательный смысловой оттенок; образ России начала XX в. предстает угнетённым, безрадостным, кровавым, потерявшим все то, что имелось ранее. Если и возникает радость, то она, по мнению С. Есенина, коротка. И хотя происшедшие в российской культуре изменения в поэзии А. Белого ассоциируются со слезами, муками, у С. Есенина – плачем, у М. Цветаевой – в целом с потерей страны, у М. Волошина – с воздействием бесов, безумством, апокалипсисом, тем не менее, демонстрируются и некоторые позитивные преобразования в стране, в частности появление сельскохозяйственной техники, распространение врачующих принципов, рождённых революцией, на другие страны, весь мир. Вместе с тем основные черты этого периода – опустошение, мрак, упадок, развал, гражданская война.

Метафоры семантического поля «Социум»

«Но мы улыбнемся, как боги, И покажем рукою на Солнце. Поволоките его на веревке для собак, Повесьте его на словах: Равенство, братство, свобода» (В. Хлебников). – Можно предположить, что В. Хлебников, говоря о солнце, являющемся животворящим символом тепла и жизни, в данном поэтическом тексте демонстрирует двойственное отношение к происходящим в стране преобразованиям. С одной стороны, говорит об их насильственном характере («Поволоките солнце как собаку на веревке»), а с другой – отмечает важность освещения солнцем лозунга великой французской революции, взятого на вооружение большевиками и пролетариатом в России после революции 1917 г. Тем самым автор выражает идею о том, что большевистская партия стремится привнести в российскую культуру принципы свободы, равенства и братства.

«Где бьется русский люд, велит стоять за волю, за равенство и труд!..» (С. Есенин). – Воля, равенство, труд – символы начала советской эпохи.

«Но ту весну, которую люблю, я революцией великой называю!» (С. Есенин). – Революция – начало новой счастливой жизни. В этом стихотворении (1924), хотя и сохраняются у автора двойственные чувства к происходящему в стране, тем не менее, Ленин для него является Солн-

цем, способным привести к преобразованиям в других странах – Великой революции.

Группа метафор о гражданской войне:

– *«Какой раскол в стране, какая грусть в кипении веселом!»* (С. Есенин);

– *«Я не предал белое знамя, оглушённый криком врагов»* (А. Блок);

– *«Стал человек – один другому – дьявол; Кровь – спайкой души; борьба за жизнь – законом»* (М. Волошин).

«Страну родную в край из края, огнем и саблями сверкая, междоусобный рвет раздор» (С. Есенин). – Говоря о междоусобной войне в данной метафорической конструкции, автор подразумевает Гражданскую войну 1917 г. Это «организованная вооруженная борьба за власть между классами, социальными группами, наиболее острая форма классовой борьбы» [250, с. 235]. Данное определение фактически повторяет известное ленинское изречение о том, что гражданская война – это наиболее острая форма классовой борьбы. Гражданская война явилась итогом революционного кризиса, поразившего Россию в начале XX в. Он начался с революции 1905–1907 годов и, усугубившись в ходе мировой войны, привел к падению монархии, хозяйственной разрухе, глубокому социальному, национальному, политическому и идейному расколу российского общества. Апогеем этого раскола стала ожесточенная война в масштабах всей страны между советскими и антибольшевистскими вооруженными силами.

«И белые, и красные Россию плечом к плечу взрывают, как вольт, – в одном ярме – сохой междоусобья»; *«Во имя грозного закона братоубийственной войны и воспалены, и красны пылают гневные знамена»* (М. Волошин). – Изменения связаны с трудностями и определенными культурными преобразованиями, которые вызывают двойственные чувства в связи с тем, что в их основе – раскол общества. Новая система оказала большое воздействие на жизнь народа. Разделение на Белых и Красных унесло тысячи жизней русских людей. Это противостояние разделило страну на две части. В чудовищном противостоянии Красной и Белой армий утрачивались семейные союзы и родственные отношения. Данное противостояние освещается в культуре многократно: в литературе и кинематографе было создано множество сюжетов, поскольку, как оказалось, только пролитая кровь привела к осознанию проблемы. Гражданская (братоубийственная) война в России продолжалась с 1917 по 1922 г., погубив немало людей и сломав множество судеб.

«О чем крестьянская судачит оголь: с Советской властью жить нам по нутру» (С. Есенин). – Для представителей крестьянского сословья советская власть была не так неприятна, как для зажиточного класса и

интеллигенции. Стихотворение «Русь уходящая» написано автором в 1924 г. Оно также демонстрирует двойственное восприятие автором произошедших в стране изменений, чувства пожилых людей и его собственные, негативные, обвинительные высказывания по отношению к советской власти из-за того, что он в связи с социокультурными событиями переходной эпохи «просмотрел свою светлую юность». Вместе с тем автор отмечает, что среди крестьянства есть те, кто верит в будущее, кому жить с новой властью «по нутру» и кому так мало надо для довольства жизнью – «ситцу..., да гвоздей немного... Их жизнь в сплошном картофеле и хлебе».

«Кровь крестьян кулак лакал, <...> из кулака стал он просто – кукиш» (В. Маяковский). – Советская власть уравнила дворян, крестьян, «кулаков» – зажиточных крестьян. И те и другие стали преимущественно рабочим классом. Зажиточные трудолюбивые крестьяне потеряли все (кукиш), были сосланы.

«Страна шумит, как непогода. Хлестнула дерзко за предел нас отравившая свобода» (С. Есенин). – Новшества советской системы были поняты и приняты далеко не сразу и не всеми. В стихотворении «Ленин», написанном в 1924 г., поэт вновь демонстрирует двойственные мысли по отношению к изменениям в стране (сравнивает страну с непогодой, а возникшую «свободу» с отравлением). Вместе с тем он оценивает и положительную роль вождя, способствовавшего свержению монархии.

«Уж сколько лет наш тихий быт утратил мирные глаголы, «Немолчный топот, громкий стон, визжат тачанки и телеги» (С. Есенин). – С наступлением XX в. жизнь в стране действительно становилась крайне беспокойной – напряжение нарастало. Метафора «мирные глаголы» обусловлена тем, что в этом тексте С. Есенин говорит о происходившей в стране Гражданской войне и её влиянии на человека, Землю, повседневную жизнь – «изрытость полей, визг тачанок, громкие стоны, спутанность всего...».

«Многих ты, родина, ликом своим жгла и томила по шахтам сырым» (С. Есенин). – Тысячи ни в чем не повинных людей были уничтожены в лагерях Сибири и Дальнего Востока. Стихотворение «Синее небо, цветная дуга» написано Есениным в 1916 г. Оно свидетельствует о том, что поэт с горечью воспринимает ситуацию гибели многих россиян в тюрьмах и ссылках.

«Да здравствует революция на земле и на небесах! Души бросаем бомбами, сеем пурговый свист... Взвихренной конницей рвется, К новому берегу миру» (С. Есенин). – Революция воспринималась не всеми однозначно: для одних – крах прежней жизни, для других – светлое начало новой жизни. В стихотворении «Небесный барабанщик» (1918) автор

демонстрирует уже позитивное отношение к революции 1917 г., давшей направление стране к новому миру, но негативное отношение к Белой гвардии, называя её полководцев «белым стадом горилл».

«Испепеляющие годы! Безумья ль в вас, надежды ль весть? От дней войны, от дней свободы – кровавый отсвет в лицах есть» (А. Блок). – Свобода стоила русским людям тысячей ни в чем не повинных жизней. Стихотворение написано 8 сентября 1914 г., через месяц после начала Первой мировой войны. В нем автор говорит о страшных годах для Родины, годах, оставивших неизгладимый след в душах людей, незаживающие раны. Те же, кто родился в «глухие», как говорит поэт, годы, в отличие от прошедших через войну и лишения, не осознают (не помнят) «своего пути». Но поэт надеется, что судьбы будущих поколений сложатся счастливее; обращаясь к Богу, он высказывает надежду, что достойные увидят его царство.

«Что народ трудовой... правит сам собой сквозь свои советы» (В. Маяковский). – «Власть народу» – один из большевистских лозунгов, подразумевающий, что установившаяся советская система позволит народу принимать участие в построении нового государства.

«Идет коллективом, гудит колхозом, плюет на кобылу пылкий фордзон» (В. Маяковский). – Коллективизм и колхозное хозяйство – символы советского времени, как и новая техника (трактор Фордзон).

«Свободный рабочий льет товары в котел республики» (В. Маяковский). – Трудиться на заводе от звонка до звонка считалось нормой в Советском Союзе, благодаря чему в рекордно короткие сроки страна свободного пролетариата превратилась в могучую державу с крепкой экономической системой.

«И впрямь челюстями – На славу всемирную – Из льдин челюстей Товарищей вырвали! Советский Союз! За вас каждым мускулом Держусь – и горжусь» (М. Цветаева). – Советский Союз стал сильнейшей государственной системой в мире. Его победами и достижениями гордились не только в Союзе, но и за его пределами. Герои-челюскинцы и спасшие их летчики навсегда останутся в памяти россиян, как те, кто, стремясь увеличить мощь и богатства страны, отправились осваивать Северный морской путь.

«Одни восстали из подполий, из ссылок, фабрик, рудников, отравленные темной волей и горьким дымом городов. Другие из рядов военных, дворянских разоренных гнезд» (М. Волошин). – В этом стихотворении автор говорит о гражданской войне между теми, кто вышел из ссылок, подполий, рудников (Красные) и представителями Белого движения. Причём автор стихотворения «Гражданская война» (ноябрь 1919 г.) с бо-

лю в душе заявляет, что он всеми силами молится за тех и других, понимая, что воюют друг против друга братья.

«Еще безумит хмель свободы твои взметенные народы и не окончена борьба» (М. Волошин). – В жизни народа происходили изменения, связанные с преобразованиями в сфере культуры и искусства, научно-техническим прогрессом. События эпохи объединяли и привлекали представителей всех сословий. Позитивные изменения и свобода вдохновляли народ, однако было понимание, что борьба не окончена. Мысли о свободе и освобождении Родины от революционных преобразований не угасали в среде представителей интеллигенции и белого движения. Что касается выражения «безумит хмель», то оно обусловлено тем, что в народе хмель называли пивным цветком или горкачом. Растение имеет много положительных свойств, в частности на Руси оно считалось прекрасным успокоительным – его вкладывали в подушки для младенцев, настои применяли при упадке сил, использовали для ополаскивания волос, что придавало им блеск и пышность, делали на его основе пиво. Именно последнее свойство и демонстрируется автором в этой метафоре, так как известно, как любой алкогольный напиток влияет на мозг человека – «безумит».

«Буржуя не было, но в нем была потребность: для революции необходим капиталист, чтоб одолеть его во имя пролетариата. Его слепили наскоро: из лавочников, из купцов, помещиков, кадет и акушерок. Его смешали с кровью офицеров, прожгли, сплавил в застенках чрезвычайек, гражданская войнадохнула в его уста...» (М. Волошин). – «...Октябрьская революция, – писал П. Сорокин в 1922 г., – ставила своей задачей разрушение социальной пирамиды неравенства – и имущественного, и правового, – уничтожение класса эксплуататоров и, тем самым, эксплуатируемых. Что же получилось? – Простая перегруппировка. В начале революции из верхних «этажей» пирамиды были выкинуты аристократия и привилегированно-командующие слои. Снизу наверх были подняты отдельные «обитатели социальных подвалов». «Кто был ничем, тот стал всем». Но исчезла ли сама пирамида? – Нет. Если слепым сначала казалось, что она исчезает, то только в начале революции и только слепым. Через два-три года разрушаемая пирамида оказалась живой и здоровой. На низах снова были массы, наверху командующие властители» [60, с. 37]. Для любой революции необходим четко обозначенный враг, именно о его «создании» в России говорит М. Волошин в стихотворении «Буржуй» (17 августа 1919 г.).

«Взор мой – факел, к высям кинут, словно в небо опрокинут кубок темного вина!» (А. Блок). – Метафора «Взор мой – факел» олицетворяет огонь. В представлении народа огонь понимается как стихия, наделенная двойственной символичностью. С ним связывались свет и тепло, необхо-

димые для жизни человека, так же как для жизни растений незаменимы свет и тепло солнца. В связи с этим следует упомянуть о древних славянах, считавших огонь и солнце родственно объединёнными через отношения Сварога и Дажь-Бога – сына и отца, божеств огня и солнца. В то же время стихия огня воспринималась как страшная сила, сеющая разруху и гибель. В язычестве огонь являлся объектом поклонения, а также посредником между человеком и богами. Вот почему в сознании древних славян огонь как субстанция находился между двумя мирами. Такие архаичные представления об огне как границе между двумя мирами – миром живых и миром мертвых – запечатлелись в облике огненной реки в русских сказках и былинах, где она разделяет тридцатое царство и царство героя, которому, чтобы сохранить жизнь, следует перепрыгнуть на волшебном коне через огненное пламя. Отсюда можно предположить, что А. Блок неслучайно выбрал символику огня для того, чтобы подчеркнуть переход из одного века в другой, когда происходили столь серьезные преобразования в жизни русского народа, связанные с урбанизацией, механизацией и кардинальной сменой государственного строя.

«Дымилось тело вспаханных равнин. Вдруг запестрела тихая дорога, плач полетел, серебряно звеня» (А. Ахматова). – Метафоры «тело вспаханных равнин» и «плач полетел» в полной мере отражают социокультурную реальность перед предстоящей Первой мировой войной. Дымящееся тело символизирует смерть и человеческие жертвы. Плач – это ужас и страх народа перед грядущей неизвестностью и новизной жизни. Стихотворение памяти 19 июля 1914 г. А. Ахматовой посвящено дате, когда германский посол Фридрих Пурталес вручил министру иностранных дел России ноту об объявлении Германией войны против России.

«Красный шлём остроконечный бороздит небесный свод» (А. Блок). – Метафора олицетворяет солдата в форме. Стихотворение «Ночь» написано А. Блоком в 1904 г. Оно входит в дебютный альбом поэта. Стихотворение пронизано мистичностью; ночь рассматривается как пришедшая воительница «на чёрной колеснице» в «остроконечном шлеме», опираясь на «циркуль» – символ Великого Архитектора в Масонстве, Строителя Вселенной. Воительница равнодушно смотрит вниз на Землю. Нельзя исключить, что поэт, создавая это стихотворение, находился в мистическом настроении, в сновидческом состоянии, в опьянении (как он сам пишет, «опоен зельем»), в связи с чем ему, как любому творческому человеку, видятся картины будущего России – шлём с большой красной звездой в центре («Будёновка»), послереволюционные события.

Красный цвет в русской культуре – символ огня, жизни, совершенства, здоровья, защиты от всего дурного. Красное солнышко – дающее жизнь. Весна-красна – начало жизни. Лето красное – торжество жизни.

Красна девица – здоровая, полная сил девушка. В бережливой культуре цвет используется как защита жизни. Рябиновые (красные) бусы и красная лента в волосах девушки, красные сапоги и красные сарафаны были призваны защитить здоровье и дать больше жизни. Но в XX столетии значение красного цвета расширяется – цвет крови, а значит, и символ смерти, приближающихся войн. Конечно, в 1917 г. красный цвет становится символом коммунизма. Как известно, у большевиков Красное знамя – символ борьбы, с которым они пришли к власти. Армия – инструмент борьбы. Если знамя Красное, то и армия должна быть Красной. На этом основывались большевистские стратеги. Необходимо было что-то противопоставить красному цвету; таким образом набирало силу Белое движение. Кроме того, в данный период времени было принято давать названия всему, что связано с революцией, с использованием прилагательного «красный». На этот счёт хорошо иронизировали Ильф и Петров в своём произведении «12 стульев». Красным было всё: красный пролетарий, красный текстильщик, Красное Сормово и т. д.

«Ох, большевики загонят в гроб!» (А. Блок). – В метафоре в данном стихотворении понятие «большевик» имеет отрицательный эмоциональный оттенок, что говорит о неприятии народом (некоторыми его сословиями) тех новшеств, что принес новый XX в.

«Злая, лающая тьма прилегла – нападает пулеметами, на дома, – и на членов домового комитета» (А. Белый). – Данные метафоры олицетворяют веяния новой эпохи. Организация, называемая «домовым комитетом», – общественное добровольное объединение граждан по месту жительства, возникшее в начале XX в. Это было обусловлено появлением новых культурных ценностей – коллективизма и стремления к коммунизму. В целом организация должна была совместно решать социальные проблемы в жилищной сфере, развивать доброжелательные отношения между жителями (соседями), создавать комфортную среду проживания, осуществлять общественный контроль за содержанием жилых домов. Но по мере существования этой организации суть её была трансформирована: вместо доброжелательных намерений и действий основными чертами её сотрудников стали явное превышение своих должностных полномочий, использование социального положения ради получения своей личной выгоды, хамство и грубость. Поэтому вполне вероятно, что «злая лающая тьма» олицетворяет возмездие за превышение полномочий служащих данной организации. В метафорической конструкции не ярко выражено авторское отношение к происходящему, тем не менее, данная метафора отражает социокультурную обстановку того времени.

«Над толпами знамена в ночь кровавою волной взлетали...» (А. Белый). – Стихотворение «Пир» создано поэтом под впечатлением револю-

ции 1905 г., которая вызвала у него интерес к общественным проблемам. Данное произведение вошло в сборник стихов поэта «Пепел», изданный в 1909 г., содержащий картины скорбной народной жизни, трагедии деревенской Руси и сатирические портреты власть имущих. Красный флаг как символ революционной борьбы, левого движения, социализма и коммунизма поднимался рабочими в дни революции 1905 г., в дальнейшем в Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г.

В дальнейшем главными символами советского государства считались флаг, серп и молот, изображенные на флаге СССР. И если серп и молот означают союз колхозного крестьянства и рабочего класса, то символика красного флага интерпретируется как мужественная борьба советского народа под руководством КПСС за социализм и коммунизм. Красные знамена СССР возникли вследствие кровавых событий 1905 г., Гражданской войны и революции 1917 г. Автор ассоциирует знамена с кровью – пролитая людская кровь явилась символом революционных знамен в поэтическом мировосприятии.

«В пространство пади и разбейся за годом мучительный год!» (А. Белый). – Стихотворением «Отчаянье», написанном в 1908 г., открывается раздел «Россия» в сборнике поэта под названием «Пепел». Тяжёлые годы переходного периода начала XX в., безусловно, отразились в поэзии. Революция 1905 г. оказала влияние на поэта при написании этого произведения. Но его дальнейшие жизненные метания были вызваны не только личными проблемами, но и всем тем, что происходило в стране. Поэтому это стихотворение с его метафорой о 1905 г., демонстрирующей отчаяние автора, вызванное происходящими событиями, можно отнести и к последующим годам. В огне и грохоте гражданской войны была разрушена старая жизнь. Рабочие, крестьяне и принявшая революцию интеллигенция должны были строить новый мир, на что потребовалось огромное напряжение человеческих сил. Метафорическая конструкция раскрывает эту напряженность: мучительные годы хотелось «прогнать», ускорить, завершить, перейти, наконец, в период более спокойный, где будут уверенность в завтрашнем дне, стабильность, радость жизни.

«Какой раскол в стране... Ну, где же старикам за юношами гнаться? Остались догнывать и осыпаться» (С. Есенин). – В данном поэтическом тексте встречаются еще несколько метафор: «раскол в стране», где раскол символизирует гражданскую войну; «где же старикам за юношами гнаться, они остались догнывать и осыпаться», где старики символизируют уходящую, царскую Россию, навсегда исчезнувшую с лица земли. Кроме того, старики в данном поэтическом тексте являются олицетворением прежнего монархического государственного строя, а юноши – нового коммунистического, что также перекликается с граждан-

ской войной, где старые законы и порядки представляют белогвардейцы, а Красная армия – новые социалистические.

«Я от первых дней войнищу эту проклял, плюнул рифмами в лицо войне» (В. Маяковский). – С помощью данной метафорической конструкции поэт выражает негативное отношение к войне. Речь идет о Первой мировой войне. Поэтический текст написан поэтом под впечатлением от поездки в Германию в 1922 г., откуда война распространилась в другие страны и континенты.

«Опутали революцию обывательщины нити» (В. Маяковский). – Владимир Маяковский – советский поэт, для которого революция стала сложным, но в то же время долгожданным и светлым этапом развития государства. Революция, в его представлении, великая и могучая сила, которая должна была преобразовать окружающую действительность, улучшить социокультурную реальность во многих сферах, это светлый великий переход в новую реальность. Советский человек не должен стать мелочным; его интересы должны подняться выше бытовых, бессмысленных. Мысль о противостоянии обывательских стремлений и революционных преобразований, бурных, несущих новую лучшую реальность, заложена автором в данной метафоре.

Эту же мысль закладывает автор в другую метафору: **«Чтоб коммунизм не был побит канарейками»** (В. Маяковский). – Вера в светлое коммунистическое будущее, в значимость основных лозунгов и убеждений коммунистической партии помогала народу следовать новому выbranному пути. Обывательские ценности не могли способствовать достижению высоких целей коммунизма. Только постоянное совершенствование во всех сферах жизни могло принести желанные плоды, сделать из обычного человека исключительного советского человека, стремящегося к высоким идеям и новой, лучшей жизни.

«Революция – буря. Она над океаном летит ураганом» (В. Брюсов). – Поэты по-разному выражали свое отношение к революционным событиям 1917 г. Называя революцию бурей, В. Я. Брюсов подчеркивает ее спонтанность и масштабность, а также множество негативных последствий: разрушение, убытки, ущерб, сложность длительного периода восстановления, неизвестность, разрозненность, что свидетельствует о неприятии поэтом революции, её печальных последствиях в жизни русского народа.

«Через решетки канцелярских баррикад, вырвав пропуск, идет пропускаемый. Разлилась коридорами человечья река... Завертелась колеса канцелярской механики» (В. Маяковский). – Особое место в жизни советского общества занимала бюрократическая система. Управленческий аппарат СССР унаследовал основные особенности бюрократии до-

революционной России. Советская администрация не превратилась в европейскую бюрократию, а сформировала в 1920–1930-е гг. особый тип чиновничества – номенклатуру. Карьера члена номенклатуры зависела не столько от его деловых качеств, сколько от политической лояльности И. Сталину и от личных связей. Резко возрос сам штат управленцев, что, однако, не способствовало росту качества управления.

«Там – тщетно пенится шальная белогвардейская волна!» (Д. Бедный). – Стихотворение «Красный флот» демонстрирует описанные поэтом события 1917 г.; посвящено российским морякам Петрограда и Кронштадта, а также пехотинцам, выступившим на стороне революции. Автор рассматривает Красный флаг как «стальную броню», гордо алеющую над борцами, противостоящими белогвардейцам. Борьба между Красной и Белой армией была отражена и в литературе, и в кино, и в театре – в разных видах искусства. С помощью метафорической конструкции автор показывает, что сопротивление белогвардейцев бессмысленно и бесполезно. Красная армия, армия большевиков, безусловно, одержит победу в этом противостоянии. Красная армия – это символ освободительной силы. Она вне всяких сомнений значительно преобразует социокультурное пространство, изменив привычный уклад и стиль жизни русского мира. Множество белогвардейских попыток предотвратить распространение новых советских идей по русской земле не даст необходимых результатов.

«Годы, люди и народы убегают навсегда» (В. Хлебников). – Данный поэтический текст написан в самом начале XX в., когда глобальные перемены еще не произошли, но уже наметились определенные предпосылки, говорящие о том, что впереди ожидается возникновение другой, новой реальности, активизация процессов распада империи. Стихотворение написано в 1915 г., когда территория, именовавшаяся Царством Польским и приобретенная в результате раздела Герцогства Варшавского между Пруссией, Австрией и Россией в 1814–1815 гг., была отделена от России. В ходе же наступления германской и австро-венгерской армий летом 1915 г. эта территория оказалась под их оккупацией. Именно этому событию в истории России посвящено это стихотворение и приведенная метафора. При этом прежняя жизнь утратится безвозвратно. Процессы, происходящие в обществе, имеют преимущественно негативную окраску. В социуме ощущаются пессимистические настроения в связи с внешними событиями. Происходит постепенная переоценка ценностей, появляется страх перед неизвестным будущим государства. Основная проблематика: раскол в обществе вследствие войны, пессимистический настрой, потеря веры в будущее.

Социальные и военные потрясения в начале XX в. оказали немалое воздействие на культуру России, жизнь и психику российских людей. В данный исторический период Россия вошла в систему мировых держав, при этом обогатив мировую культуру достижениями российской науки, литературы и искусства.

В России широко стали применяться такие новшества, как телефон, граммофон, автомобиль, летательные аппараты, появился кинематограф. Хотя Россия обладала богатой культурой и культурными ценностями мирового уровня, тем не менее, ощущалось несоответствие между богатством культуры и уровнем причастности к нему широких слоев населения. Так, образование крестьянства ограничивалось начальной школой. В обществе отсутствовал средний класс, который служит культурной основой развивающегося государства. Отсюда весомый и ощущаемый разрыв между духовным ренессансом и бушующей реальностью жизни. Вместе с тем «...если в 1850 году грамотность среди мужчин старше девяти лет составляла в России 19%, то к 1913 году эта цифра возросла до 54%. Среди женщин эти показатели составляли 10 и 26% соответственно» [218, с. 57]. «По диалектике указано, – писал, например, в правительство колхозник Иван Кузьмич Кириченко, – материальная жизнь общества определяет сознание. Какое же будет сознание у людей, когда нет этой материальной жизни для общества? Пора уже понять всем и каждому, что дело так не пойдет, настроение нехорошее у народа – это факт, а не сводки брехунов. Может быть, я не понимаю, может, это политика, но кому она нужна эта политика, если она приводит к недоеданию?» [Там же].

О проблематике советской модернизации рассуждают по-разному: «Создать более или менее совершенный материально-технический аппарат современной индустриальной экономики – это полдела. Вторая же половина – вдохнуть в него жизнь, «встроить» механизмы саморазвития. На Западе такие механизмы складывались постепенно, вместе с самой промышленностью, тогда как в СССР индустриализация была «искусственной» [73, с. 398], основанной на заимствовании готовых технологий и некоторых организационных форм. Мобилизационная модель ранней советской экономики сделала возможным такое заимствование в очень короткие сроки, но она же привела к подавлению рыночных механизмов, порождающих стимулы к развитию» [Там же]. В 1952 г. академик Петр Капица писал И.В. Сталину об отставании советской науки и техники: «Если взять последние два десятилетия, – говорилось в письме, – то оказывается, что принципиально новые направления в мировой технике, которые основывались на новых открытиях в физике, все развивались за рубежом, и мы их перенимали уже после того, как они получили неоспоримое признание. Перечислю главные из них: коротковолновая техника

(включая радар), телевидение, все виды реактивных двигателей в авиации, газовая турбина, атомная энергия, разделение изотопов, ускорители. За рассматриваемые два десятилетия все наши основные силы были направлены на то, чтобы осуществить ряд удачных усовершенствований, улучшающих уже известные процессы. Обиднее всего то, что основные идеи этих принципиально новых направлений в развитии техники часто зарождались у нас раньше, но успешно не развивались, так как не находили себе признания и благоприятных условий. Яркий пример этого радарная техника. Она возникла у нас задолго до запада» [73, с. 398]. Безусловно, научное развитие и технический прогресс сопровождали многие сферы жизни человека. Стало возможным передвижение с помощью поездов и самолётов, что позволило поэтам расширить тематику стихотворений.

Метафоры семантического поля «Человек» (настроение и чувства человека)

«Это пляшет российская грусть, на солнце смывая пятна» (С. Есенин). – О грусти и слезах, пролитых русским народом на рубеже столетий, писали многие авторы начала XX в. Грусть и тоска по утраченной родине всё чаще фигурируют в метафорических образах поэтических текстов.

«И на волне звезды сиянье. Благословенное страданье, благословляющий народ» (С. Есенин). – Через множества страданий пришлось пройти русскому народу, но он уцелел, что свидетельствует о силе духа и Божьем благословении. Эта метафора связана с тем, что в православии признано, что страдание человека и смиренное восприятие этого страдания способствуют духовному совершенствованию человека и нации в целом.

«Москва не как русскому мне дорога, а как огневое знамя!» (В. Маяковский). – Знамя – символ советской власти, ставшей для россиян такой же ценностью, как Москва-столица, как Родина и другие традиционные ценности культуры. Чувства народа по отношению к новой системе вполне определены и сильны.

«Я знаю силу слов, я знаю слов набат» (В. Маяковский). – Набат – оповещение или сигнал тревоги для сбора людей, подаваемый обычно ударами в колокол, а также барабанным боем. Ранее набатом мог называться большой барабан, применявшийся в русских войсках. Позднее в Советской и Российской армии набатный сигнал использовался для подачи сигнала тревоги во время пожара. В качестве колокола могут выступать следующие предметы: обрезок кислородного баллона, баллона углекислотного огнетушителя либо рельса, покрашенный в красный цвет. В. Маяковский с тревогой передаёт трагический дух эпохи, сопряженной с войнами и революциями. Он, будто сам, бьёт в набат (в данном случае

словесный набат), оповещая о бесконечных сложностях и ещё только надвигающихся новых бурях. Тревога передаётся от поэта к читателю.

«Отдам всю душу октябрю и маю, но только лиры милой не отдам» (С. Есенин). – Поэт всем сердцем поддерживает советскую власть, однако со своим талантом, со своей музой не готов расстаться вопреки всему. Советы стали ему дороги, почти так же, как способность творить и делиться с людьми своим творчеством. Стихотворение написано в 1922 г. Оно вновь демонстрирует душевные метания поэта, чувства, что его поэзия не нужна современной молодёжи. Смысл данной метафоры в том, что поэт признал революцию, праздники, символизирующие главные революционные события, – 7 ноября (по старому стилю 25 октября) и Первомай – день международной солидарности трудящихся. Отдать душу октябрю и маю означает быть верным идеалам революции, советской власти.

«Я волком бы выгрыз бюрократизм» (В. Маяковский). – Советская бюрократия зародилась в первый героический период борьбы, когда победившему пролетариату потребовался управляющий состав. Но, поднявшись над массами, этот состав занялся разрешением собственных «социальных вопросов», стремясь при этом удержать массы в неподвижности и бездействии. Когда власть была захвачена рабочим классом, известная часть этого класса должна была превратиться в государственных чиновников. Советская бюрократия есть нечто большее, чем бюрократия. Она есть единственный в полном смысле слова привилегированный и командующий слой в советском обществе, как писал о ней Л. Д. Троцкий. Основанный в начале XX в. советский тип политической системы напоминал прежнее бюрократическое правление: государство стало единственным управляющим коллективом, государственная бюрократия превратилась, по существу, в единственное привилегированное сословие. В обществе советского типа образ жизни и уровни доходов различались в социальных группах. Бюрократическая система управления означает такую систему, в которой господствует чиновничество, играющее в стране основную политическую роль. Применительно к советскому государству такую роль выполняла политическая бюрократия. Из вышесказанного понятно, каково было отношение к бюрократизму у рабочего класса и интеллигенции – сугубо отрицательное. Именно поэтому бюрократизм как явление оценивалось в литературе критически и негативно, что объясняет подобное высказывание поэта в данном тексте. Поэту не по душе данный элемент советской системы.

Несмотря на общий пессимистический народный настрой, индивидуальные чувства человека более позитивны. Наблюдаются оптимистический подъем и вера в светлое будущее, в советскую власть. Вместе с тем не покидают чувство тревожности, связанное с полным переустройством

системы, а также недовольство некоторыми новшествами советской реальности, в частности бюрократическая система сразу не пришлась по душе русскому человеку.

Метафоры семантического поля «Наука и техника» (развитие)

«В анархии всё творчество России: Европа шла культурой огня, а мы в себе несем культуру взрыва. Огню нужны – машины, города, и фабрики, и доменные печи» (М. Волошин). – Научно-технический прогресс и культурная революция определяют общее состояние жизни народа в России. За этой метафорой Максимилиана Волошина скрывается выражение из его поэмы «Россия», написанной в 1924 г., отображающей своеобразный путь развития Руси и то, какими путями в ней, в отличие от Европы, шли преобразования. В частности, он пишет о том, что Европейским странам свойственно постепенное культурное развитие, России же характерна культура взрыва.

«На дне души мы презираем Запад, но мы оттуда в поисках богов выкрадываем Гегелей и Марксов» (М. Волошин). – Западные заимствования сопровождают Россию со времен Петра I. Эта метафора из вышеназванной поэмы.

«Бег моторов, поездов, монопланов лет бесследный» (В. Брюсов). – С помощью метафоры автор передает особенности наступившей эпохи – появление и строительство в стране железных дорог и поездов, моторов, самолетов, новой техники. Метафора ярко выражает отличие начала XX в. от предыдущих временных периодов.

«На месте флигельков восстали небоскребы, и всюду запестрел бесстыдный стиль – модерн» (В. Брюсов). – Начало XX в. – один из сложных, значимых, интересных периодов в жизни русского народа и культуры. Преобразования заметны повсюду: в искусстве, социуме, политике, культуре, экономике и, конечно, в архитектуре. Городской рельеф стремительно изменялся: строились высотные здания, новые архитектурные ансамбли, активно велось градостроительство. Как новшества в различных сферах зачастую воспринимаются скептически, так и новые формы и виды архитектуры не всегда положительно оценивались и принимались народом. Многие в современном искусстве на тот момент подвергались критике, осмеивались. Новый вид и рельеф города не сразу принимались жителями столицы, что отразилось в авторской метафоре.

«Храмы труда и свободы, застыли в суровом молчанье заводы» (Д. Бедный). – Стихотворение «Революционный гудок» посвящено годам интервенции и гражданской войны (1918–1922), когда вынуждены были останавливать деятельность заводов в связи с уходом рабочих на фронт. Заводы рассматриваются автором как символ труда в советском государ-

стве. В дальнейшем благодаря труду рабочих и крестьян в короткие сроки на достаточно протяжённой территории советского государства были построены большие города, развито сельское хозяйство, возведены заводы и фабрики. Труд от звонка до звонка был в почёте, являлся признаком причастности человека к новой советской системе. Труд – как причастие в церковной жизни – необходимое еженедельное действие. Люди клали на «алтарь» общества свою личную жизнь. Заводы, возможно, заменили людям храмы. Служение системе – высшая благодетель советского общества.

«Манометр культуры достигал до высочайшей точки напряжённости» (М. Волошин). – Стихотворение «Война» написано в январе 1923 г. Расцвет культуры и искусства в различных сферах пришёлся именно на начало XX столетия. Так, своеобразием отличались архитектура и скульптура. В архитектуре проявились достижения научно-технического прогресса, что способствовало строительству сооружений, характерных для индустриального развития страны: вокзалов, заводов, торговых центров, банков, доходных домов. Чаще здания возводятся в стиле модерн, а также в древнерусском и византийском стилях. Развитие науки обуславливало развитие техники. Новые технические возможности в начале XX в. появлялись весьма интенсивно, как ни в один другой временной период. Здания оснащались лифтами, телефонами, электричеством. Транспорт обогатился возможностью передвигаться на поездах и самолетах. Наблюдалось развитие медицины, химической промышленности; жизнь человека как никогда обогащалась новыми возможностями. Но автор в этом стихотворении говорит не об этих достижениях, его волнует создание тех произведений человеческого ума, которые направлены против человека: **«В своевольных течениях воздуха сплели гнездо мятежным духам взрыва...»**. И далее автор пишет: **«За то освобождаю Плененных демонов от клятв покорности. А хаос, сжатый в вихрях вещества, от строя музыки! Даю им власть над миром, Покамест люди Не победят их вновь, В себе самих смилив и поборов Гнев, жадность, своеволие, безразличие»**. Автора волнует влияние технических достижений, приводящих к войнам и гибели людей.

**Метафоры семантического поля «Политика»
(государственный строй, деятели, международные отношения)**

«Что имя Ленина шумит, как ветер по краю, давая мыслям ход» (С. Есенин). – Поскольку Ленин способствовал своими действиями значительным изменениям в политике и культуре, его деятельность автор сравнивает с ветром, сдувающим всё старое на своём пути и сея новое.

«Но Россия – вот это глыба! Лишь бы только – Советская власть» (С. Есенин). – С приходом советской власти страна обрела могущество.

«Лай колоколов над Русью грозный – это плачут стены Кремля» (С. Есенин). – Слезы как символы эмоциональной напряжённости начала XX в. – эпохи перемен, радости и печали одновременно. Лай колоколов – звук падающих колоколов при разрушении церквей и храмов по всей стране. Ориентируясь на эту скрытую за метафорой мысль, можно предположить переживания поэта по поводу уничтожаемых в стране церквей и сбрасываемых на землю колоколов, так как в противопоставлении этой фразе все стихотворение в явной и достаточно грубой форме демонстрирует приверженность поэта к позиционируемому советской властью атеизму.

«Вчерашний день убог и низмен, старья премного осталось», «Но сердце класса горит в коммунизме, и класса грудь не разбить о старость» (В. Маяковский). – Стихотворение «По городам Союза» (1927). Этим метафорическим выражением демонстрируется уверенность поэта в том, что, несмотря на то, что в стране до сих пор многое ещё осталось от старого мира, старой культуры, тем не менее, он уверен в силе коммунистического духа у советских людей, который справится со всеми необходимыми преобразованиями страны.

«Когда октябрь орудийных бурь по улицам кровью лился» (В. Маяковский). – Великая Октябрьская социалистическая революция свершилась 7 ноября 1917 г. (25 октября по старому стилю), когда было свергнуто временное правительство, на смену которому постепенно пришла советская власть.

«От издевки от царёвой глаз России был зарёван» (В. Маяковский). – Стихотворение «Было – есть» (1927). В данной метафоре поэт демонстрирует свое отношение к царской власти, а затем временному правительству, которые не смогли решить экономических и народных проблем – ситуация в стране с каждым днем усугублялась.

«Берите всё в рабочьи руки. Для вас спасенья больше нет – как ваша власть и ваш Совет»...» (С. Есенин). – Труд – символ эпохи советской России. Речь идет о значимости пролетариата в стране.

«Питомцы ленинской победы», «Друзья! Друзья! Какой раскол в стране, Какая грусть в кипении веселом!» (С. Есенин). – Стихотворение «Русь уходящая» (1924). В.И. Ленин, продолжив идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, заложил основы идеологии коммунизма – ленинизм явился идеей строительства в СССР нового коммунистического общества. Успешное руководство страной в годы гражданской войны и интервенции позволило выиграть гражданскую войну, защитить советскую власть. Вклад В.И. Ленина в историю, культуру, экономику и политику России

существенен, но в то же время борьба за власть не прошла бесследно для народа: миллионы погибших от голода, гражданской войны; ухудшение народного положения в первые годы становления нового государства вызвало гнев и недовольство народа. Автор не говорит прямо о своем негативном отношении к ленинской эпохе, но намекает, используя метафорическую конструкцию.

В поэзии этого периода не остались без внимания крупные лидеры эпохи, оказавшие как позитивное, так и негативное влияние на эпохальные события. В связи с этим в поэзии имеются стихи с именами известных политических лидеров (например, В.И. Ленин, И.В. Сталин), повлиявших не только на судьбу россиян, но и на мировую политику. Не осталась без внимания в художественных текстах этого периода смена государственного строя в России: приход к власти большевиков, установление советской власти, закат царской империи. Победа упоминается в разных значениях – окончание Первой мировой войны, победа Красной Армии во внутренней гражданской войне, победа большевиков и пролетариата в Октябрьской революции 1917 г. Основные социокультурные события как внешней, так и внутренней политики страны этого периода были отражены в поэзии с помощью использования авторами метафорических конструкций. Интерпретация метафор позволяет раскрыть и продемонстрировать более полно не только восприятие поэтами происходящих в стране изменений, но и понять в целом социокультурные процессы этих переходных периодов и реакции на осуществлявшиеся в стране преобразования всего населения страны.

Метафоры семантического поля «Религия»

«Никто не делал более кровавой – и страшной революции, чем мы... с такой хулой не потрошил святыни, так страшно не кощунствовал, как мы» (М. Волошин). – Революция, сопряжённая с гражданской войной, была жестокой и кровопролитной. Страшнее этого было только разрушение храмов и отрешение от религии, лишение советского человека веры, замена религии идеологическими принципами и установками атеизма.

«Ни свечи не зажжены, к обедне не звонят, все груди красным мечены, и плещет красный плат» (М. Волошин). – Большевики уничтожили множество храмов и церквей за короткий период времени, вместо храмов «засветились» красные галстуки и флаги.

«Крещеньем третьим будет – смерть» (А. Блок). – Данную метафору возможно интерпретировать исходя из значения понятия «крещение». Праздник Крещения Господня отмечается в память крещения Иисуса Христа Иоанном Предтечей в реке Иордан. Это первое крещение. Вто-

рое крещение – крещение святым духом, а третье крещение символизирует крещение воинов, погибших при защите своей Родины (даже если воин был не крещен при жизни – погибнув, защищая Родину, душа воина отправится в Рай). Кроме этого, следует отметить порядковое числительное «третье» (крещение). Число три в русской традиционной культуре – сакральное число. В первую очередь, на данный факт оказало влияние православное христианство, где понятие «Святая троица» имеет перво-степенное значение – число три включает в себя: Отца-Бога, его Сына и Святого Духа. Но не только религиозная сфера жизни полна троичности, социально-бытовые привычки людей также связаны с таинственным числом (например, привычка пить на троих сохранилась и пользуется популярностью в наши дни). Троичностью овеяны и некоторые славянские символы, к примеру главенствующие образы трех солнц, трех коней, три ипостаси – небо, вода и земля, в которых созидает языческий бог, три дороги на выбор, предлагаемые путнику судьбой, образ Трояна в «Слове о полку Игореве», олицетворённого с Триглавом, одним из божеств балтийских славян и т. д.

*«Чахнет старая церквушка... и впились в худое тело спаса кро-
кого печаль»* (С. Есенин). – Русская культура на протяжении долгого времени сохраняла свой религиозный характер. Православная христианская вера пришла на Русь из греческой Византии в X столетии и вплоть до наступления XX в. была морально-нравственной основой русского человека и государства в целом. На протяжении длительного времени наблюдалось живое взаимопроникновение Церкви и государства, взаимное соучастие в жизни общества. Благодаря этому были созданы богатейшая русская церковная архитектура, иконопись и литература. Взаимодействие церкви и государства давало и обеспечивало социальный мир. Благодаря христианской вере русский человек стал высокодуховной личностью с глубокими морально-нравственными ценностями и обладал такими личностными качествами, как смирение, доброта, вера, надежда, мир, взаимопомощь, терпение, преданность роду и семье. Все эти качества одновременно считались основными духовными ценностями всего русского народа. Позиция церкви оставалась сильной вплоть до наступления XX в., а именно до Великой Октябрьской социалистической революции.

После вступления в силу нового режима, где одной из главных идей являлся атеизм, ситуация для Русской православной церкви изменилась коренным образом. Религия и верующие подверглись гонениям, церкви ликвидировались, а на их месте возводились памятники коммунистическим лидерам. В авторской метафоре слышится горечь в связи с таким положением дел. Поэт с горечью говорит о том, что «старая церквушка чахнет» – пришла в упадок, как бы намекая, что такая участь в скором

времени постигнет все русские православные храмы, поскольку в новой, современной на тот момент культуре «религия – опиум для народа», в ней нет места исторически сложившимся ценностям русского народа.

«Первое мая! Праздник ожидания... расцветись, стихия, в пламень и сапфир! Занимайтесь, здания, Пламенем восстания!.. Вперед – Христово Воскресение...» (А. Белый). – Зачастую в начале мая православные христиане отмечают великий праздник – Христово Воскресенье (Пасха), что и было отмечено автором посредством метафорической конструкции. Пасха и Первомай, несмотря ни на что, были и остаются символом православной веры, символами весны, отдыха/труда и радости в России.

«Смывай с несчастного народа позор острогов и церквей» (С. Есенин). – Карл Маркс высказался: «Религия – опиум для народа», что было подхвачено В.И. Лениным и внедрилось в сознание советских людей. В первые годы после прихода большевиков к власти религиозная политика большевиков несколько раз меняла свое направление. Устойчивым оставалось желание покончить, в первую очередь, с Русской православной церковью как главенствующей на момент революции религиозной организацией в стране. В целом религиозная политика была последовательно направлена на искоренение религии как несовместимой с марксистской идеологией.

«Правит Русь праздники победные, гудит земля от звона монастырского» (С. Есенин). – Формально религия была под запретом, но в реальности некоторые храмы и церковнослужители не прекращали свою работу. Всё потому, что русский народ не утратил веру, несмотря на все запреты.

«Вся наша революция была комком религиозной истерии... И наше достижение в том, что мы в бреду и корчах создали вакцину от социальных революций» (М. Волошин). – Религия временно перестала являться государственной ценностью. Для усмирения народа стали применяться иные инструменты. С приходом советской власти от религии пришлось формально отказаться. По этому поводу установились различные мнения, как позитивные, так и негативные. Большинство полагали, что религия – это благо, от нее нельзя отказываться. Именно такое мнение выражает немалое число поэтов. Религия имела спасительную силу и мощь – люди верили искренне и благодаря своей вере держались в самые смутные времена. Однако, согласно новой системе, храмы и церкви должны быть разобраны, а церковнослужители обязаны были сменить деятельность, иначе им грозила ссылка и гибель. Но далеко не все они смогли отречься от веры – многие были репрессированы. Остальные формально сменили деятельность, оставшись навсегда в душе православ-

ными христианами. Русский народ в большинстве своем остался в душе православным. В период ослабления советской системы, во второй половине XX в., люди с радостью обратились к православной вере – восстанавливались храмы, отмечались религиозные праздники.

Далее для сравнения приведем ряд примеров китайских поэтических текстов, где китайские поэты посредством метафорических конструкций интерпретировали российские события начала XX в. Хотя мы не ставили в данном исследовании глобальной задачи, но всё же хотелось понять, отразились ли межкультурные контакты российских и китайских поэтов в их поэзии в восприятии проявлений российской культуры:

*Красное облако!
Дивное облако!
Облако нечеловеческой силы!
Новую жизнь несешь ты,
Мы грудью ее вдохнем!*

Чжу Цзы-цин о России

Метафорическая конструкция – «красное облако, несущее новую жизнь». Красный цвет в древнем Китае, как и в России, считался цветом огня. В отличие от многих других стран, где огонь с давних пор символизировал опасность и уничтожение, в Китае стихия огня, как правило, считалась хорошей. Красный цвет символизировал процветание и счастье. Важно отметить, что в Китае красный – это основной цвет для торжеств, особенно празднования лунного Нового года и свадебных церемоний. С момента основания Китайской Народной Республики в 1949 г. красный цвет символизирует собой коммунизм, революцию и освобождение, однако следует заметить, что выбор этот сделан под влиянием СССР. Поэтому поэт называет красное облако дивным – то новое, что возникло в России в начале XX в., обязательно должно стать спасительным и прекрасным для народа Китая:

*Впервые земля накинула красный халат,
Октябрь, словно пушка невиданного калибра,
Прогрохотал,
И в паническом страхе дрожат
Злобные волки и разъярённые тигры!
Октябрь, словно огненный смерч,
Испепелил навечно
Все, что жестоко и бесчеловечно.*

Цзян Гуан-цы

В поэтическом тексте Цзян Гуан-цы выявлены метафорические конструкции: «октябрь прогрохотал», «октябрь испепелил всё, что жестоко и бесчеловечно». Отношения у китайских поэтов к советским октябрьским

событиям было двойное: кто-то видел в них спасение, а кто-то, наоборот, – разрушение и гибель. В данном случае китайский поэт положительно оценивает российскую революционную деятельность: несмотря на пролитую кровь и насилие в конце концов общество сплотится под воздействием идей новой идеологии и наступят долгожданный мир и благополучие.

Метафорическая конструкция «земля накинула красный халат» символизирует хаос, воцарившийся в России, окрашенный цветом крови:

*Маяковский – поэт
Не сравнимый ни с кем,
Певец и глашатай всего человечества
Стоит на вершине народной мудрости,
Выковывая стальное слово Революции.
Неистребим его солнечный стих,
Мятежный голос двадцатого века.*

Ай Цин. «Маяковский»

В поэтическом тексте «Маяковский» метафорические конструкции: «Маяковский стоит на вершине народной мудрости, выковывая стальное слово Революции; его солнечный стих – мятежный голос двадцатого века». Особое место в творчестве китайского поэта занимала тема Страны Советов: он прославлял великую Красную Армию, а в 1942 г. создал хорошо известную советскому читателю поэму «Зоя». Как большой почитатель советской России поэт не мог обойти стороной тему одного из главных советских поэтов В. Маяковского. Посредством метафорической конструкции автор выражает глубокое уважение и почет Владимиру Маяковскому, называя его мудрым, а его стих солнечным и мятежным. По сути, Ай Цин считает его главным советским поэтом XX в., воспевающим в своем творчестве Революцию.

*Вся планета – гигантский театр войны,
Жизнь воюет со смертью, и бой их жесток
... Четверть века назад книга новой судьбы
Счет годам повела – нет прекраснее дат!
В эту книгу страницы великой борьбы
Жаркой кровью вписал легендарный солдат.*

Го Можо. «Слава Советской Красной армии»

В поэтическом тексте «Слава Советской Красной армии» выявлены метафоры: «вся планета – гигантский театр войны; жизнь воюет со смертью и бой их жесток». Творчество Го Можо хорошо было известно в Советском Союзе – советский читатель был знаком с его произведениями, некоторые из них были посвящены СССР. Данный поэтический текст написан в 1942 г. – в начале Великой Отечественной войны. Посредством метафорических конструкций поэт выражает сочувствие и поддержку

русскому народу. Кроме того, в этом тексте встречаются еще несколько метафорических конструкций: «книга новой судьбы счет годам повела; в эту книгу страницы великой победы кровью вписал легендарный солдат». Посредством этих метафор поэт выражает глубокое уважение всем советским солдатам, сражавшимся с фашистской Германией, и, конечно, вечную память всем тем, кто пал в страшных битвах. «Книга новой судьбы» символизирует новую жизнь, за которую сражался советский народ. Жизнь уже не будет прежней, она будет другой, новой, послевоенной, возможно, сложной. Но жизнь и мир, безусловно, лучше войны, и за них стоит бороться.

Данные примеры подтверждают, что метафорические конструкции транслируют культуру других народов и государств. Выявленные метафоры и их интерпретация отражают культурно-исторические события Китая и России начала XX в. Деконструкция метафорических текстов соответствующего культурного периода позволяет выявить скрытый смысл, ключевые идеи, идеалы и ценности любой культуры, осуществить их интерпретацию в социокультурном контексте.

Большинство вышеперечисленных поэтических текстов относятся к Серебряному веку русской поэзии, одному из сложных, но интересных этапов в истории нашего государства, поскольку возник он в непростой период интенсивных социальных перемен на стыке XIX–XX вв. Он является одновременно предметом литературоведения, философии, эстетики, культуры. В понятие «Серебряный век» вкладываются разные значения. Во-первых, это поэзия русских поэтов начала XX в.; во-вторых, им обозначают художественную и в целом духовную культуру конца XIX – начала XX в.

Помимо политических революций в России произошла духовная революция, затронувшая все сферы человеческой деятельности – от науки до религии. Культурная революция рубежа веков определилась сочетанием двух тенденций: 1) кризис и катастрофичность эпохи; 2) ощущение возрождения, обновления и расцвета. Н. А. Бердяев писал: «Тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряжённость, борьба, вызов. В эти годы России было послано много даров. Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвет поэзии и обострение эстетической чувственности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Были открыты новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувство заката и гибели с надеждой на преображение жизни» [цит. по: 57, с. 17]. Социально-исторические катаклизмы в стране определили особенности и направления развития отечественной литературы начала XX в.: идеи неприятия окружающего мира вместе с лирическим героем, потерявшим целост-

ность в связи с кризисом духа, сознания, культуры, общественного устройства. Эстетическое противостояние в литературе выражается в борьбе реализма и модернистских течений. Переход от эпохи классической русской литературы к новой литературе сопровождается быстрой сменой эстетических ориентиров, кардинальным обновлением литературных приёмов. Поэзия притесняет прозу, выражает чувства и умонастроения молодого поколения.

Одной из главных тем 20-х гг. XX в. явилась тема России со всеми ее трагедиями, переживаемыми в связи с войнами и революциями. Отмечается тематическое разнообразие по сравнению с предыдущим веком: крушение гуманизма, духовный тупик, трагизм и одновременно возрождение, переходность эпох и, конечно, неоднозначное отношение поэтов к революции и сопутствующим событиям (свержение монархии, империалистическая война, гражданская война, смена идеологии и государственной системы). В творчестве и культуре сформировались два кардинально противоположных отношения к происходящему: утверждение революции и отрицание её. Революция дала поэзии новые темы, новую лексику. 1920-е гг. XX века – время «великого эксперимента», отличающееся многообразием выразительных средств языка, богатством сюжетных вариантов, свободой творческой фантазии. С новой остротой встали вопросы об идеалах, о Родине, истории, сущности поэзии, месте интеллигенции, культуре, возможностях преображения духовного бытия и действительности. Возникла пролетарская литература и левое искусство. Неотступное присутствие революции ощущалось в сознании и творчестве великих русских поэтов А. Ахматовой, А. Блока, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Волошина, углублявшихся в общественно-психологические, духовные процессы. Они видели в революции мучительное и одновременно просветляющее начало. Многие поэты и писатели стремились и разделяли с родиной и народом нелёгкую судьбу. В. Брюсов, С. Есенин, Б. Клюев, В. Маяковский, В. Хлебников позитивно приняли революцию, как начало преображения и возрождения жизни. Но для многих поэтов она стала неприемлемой, что послужило причиной эмиграции, ссылки и смерти.

Чаще всего, опасаясь репрессий, поэты в этот период скрывали своё истинное отношение к происходящему (зачастую негативное) за метафорическими выражениями в поэтических текстах. Нами показано, что с помощью интерпретации этих метафорических образований можно репрезентировать социокультурные события российской истории и культуры, продемонстрировать особенности культуры и основные ценности общества. Был сформирован ряд тематических семантических полей метафорических конструкций, репрезентирующих российскую культуру переходных эпох. Метафоры российских поэтов в текстах переходных эпох

рассмотрены как литературные культурные формы, содержащие скрытый смысл и репрезентирующие историко-культурную обусловленность авторского мировосприятия. Можно отметить, что расшифровывание метафорических выражений не только раскрывает авторскую идею, выявляет сущность событий и понятий, но и транслирует имплицитные оттенки смыслов, жизненных установок автора, передают подтексты, а также основной событийный ряд и всю социальную напряженность переходного периода из века в век. Метафора – удивительное явление, относящиеся не только к языку, но и к культуре. Она обогащает язык и сознание человека, делает восприятие культуры насыщенным, неоднозначным, заставляет рассуждать, анализировать, даёт возможность осознать и осмыслить окружающую действительность и культуру.

2.3. Метафорические семантические поля, репрезентирующие российскую культуру конца XX – начала XXI века

В 90-е гг. XX столетия произошли не только политические, но и эстетические, нравственные, идеологические перемены в социокультурном пространстве страны. Рубеж веков в русской истории – период сильных потрясений, что подтверждается эпохальными событиями конца XX в. Провести параллели не трудно: начало XX столетия казалось многим исследователям апокалиптическим, его называли периодом перехода; Золотой век сменил Серебряный, в котором пестрело множество авангардных и модернистских школ и направлений. В конце XX в. ситуация была так же нестабильна: отсутствие веры в светлое будущее, кризисы, пессимизм, войны, криминал, потеря ценностных ориентиров, упадок нравственности. Изменения в жизни общества начались еще задолго до рубежа XX–XXI вв.

Достижения советского периода России неоспоримы и являются вкладом в развитие не только российского государства, но и всего мира. Однако закат советской системы – такой же естественный процесс, как и ее восход. Период так называемого «застоя» при Л. И. Брежневe стал признаком, определяющим тупик в развитии и скорый закат советской России. Крахом и окончательным финишем явился этап перестройки с государственной политикой М. С. Горбачева. Рубеж 80–90-х гг. XX в. характеризуется распадом советского государства, повлекшим необратимые изменения в жизни социума и образа страны на мировой арене. Внутренние изменения повлекли за собой внешние: кризис и упадок ценностей российского человека отразились на внешнем облике страны – Россия проиграла холодную войну США, ее перестали бояться, а впоследствии и уважать. В переносном смысле страна «опустилась на колени». В бук-

вальном смысле это выглядело так: повсеместная бедность населения, потеря авторитета, упадок культуры, растление морали, утрата нравственных и культурных ценностей и ориентиров. Из положительных моментов этого времени можно отметить возвращение религии, восстановление храмов, появление новых взглядов на жизнь, определённую свободу в возможностях личностного роста, профессионального самосовершенствования и в целом свободу проявления, в отношении которой на тот момент не было понимания у россиян, что делать дальше.

Итак, на рубеже 80–90-х гг. XX в. в связи с изменениями в политике руководство отказалось от административных методов управления наукой, литературой, искусством и культурой. Снимались многие запреты, вскрывались и критиковались несовершенства коммунистической власти. В пылу этой критики зачастую забывались достижения советского периода. Причины несовершенства социалистической системы обсуждались в СМИ, а именно: в периодической печати, в изданиях «Аргументы и факты», «Московские новости», «Огонёк». Отношение к советской власти менялось ещё ввиду обнародования ранее неизвестных фактов российской истории – периода событий Октября 1917 г. и последующих, что стало причиной активной поддержки реформаторского курса М.С. Горбачева либерально настроенной интеллигенцией. При этом часть населения – специалисты, научные сотрудники – активно выступали против проводимых реформ, в которых видели угрозу для социалистической системы, что приводило к конфликтам в обществе.

После развала СССР культура России и жизнь основной массы населения оказались в очень тяжелом состоянии. Потеря нравственности, отсутствие целей, общее снижение уровня жизни, поток западной псевдокультуры – все это и не только привело к деградации не только общества и государства, но и искусства и образования. Финансирование сфер культуры и образования резко сократилось. Законодательство Российской Федерации «закрепило за культурой 2 % средств федерального и около 6 % местного бюджета» [64, с. 367]. В реальности на культуру выделялось менее 1 %. Стоит ли говорить, в каком упадке она оказалась в конце 90-х гг. XX в., даже несмотря на то, что начала действовать федеральная программа «Сохранение и развитие культуры и искусства», призванная спасти главные объекты национального достояния. С начала 90-х гг. XX в. государственная пропаганда стала подвергаться жесткой критике все стороны жизни разрушенного СССР. Пропагандистская критика велась с целью обесценить достижения советской системы, всего советского периода жизни российских людей. Была поставлена цель – настроить молодёжь против ценностей СССР, внедрить им мысль о том, что советская власть негативно повлияла на страну и народ, сформировать отрицатель-

ное мнение о советской России вместо того, чтобы научить уважать культурные традиции, обычаи и историю своей страны. В 90-е гг. XX в. последствия перестройки сформировали событийный ряд негативных преобразований в обществе: «отказ от традиционных ценностей; воспитание презрения к научному и культурному наследию СССР; заимствование западных духовных и материальных ценностей» [64, с. 367]; кроме того, активное сокращение государственных вложений в развитие культуры и искусства.

В связи с целенаправленным разрушением советской системы образования общекультурный уровень населения снижался до критических показателей. В этот период усилилась коммерциализация культуры. Появились художественные галереи и салоны, основанные на частном предпринимательстве. Таким образом, итоги перестройки для российской культуры оказались многосложными и весьма неоднозначными. Перестройка обернулась большими потерями для сферы науки и образования, литературы и искусства, в которые стали проникать рыночные отношения. Деятели культуры стремились сохранить традиции культурного наследия России, преодолевая материальные трудности, борясь с условиями рыночной экономики и капитализма. Выход России из положения сырьевого придатка мировой экономики и кризиса возможен при существенном обновлении качества обучения и воспитания молодого поколения.

Прежде чем приступить к анализу состояния поэтического искусства и литературы в целом, добавим несколько слов о развитии культурной жизни этого периода. Так, театральная и художественная жизнь претерпевала свои изменения. Возникали многочисленные театральные студии, в которых новые театральные коллективы делали попытки найти свой путь в искусстве. Организовывались выставки малоизвестных ранее советскому человеку художников – В.В. Кандинского, П.Н. Филонова, Д.П. Штеренберга, М.З. Шагала, К.С. Малевича. Общесоюзные организации творческой интеллигенции завершили свое существование вместе с распадом СССР. Кризисные 90-е гг. XX в. подошли к концу; с начала 2000-х гг. XXI в. происходит восстановление жизни страны в экономическом и психологическом плане. Жизнь россиян стала меняться в лучшую сторону. Правительство понимало, что важно воспитывать у молодого поколения новое мировоззрение, в котором значимое место занимает патриотический дух. Его, действительно, удалось возродить в сердцах россиян, в период проведения Олимпийских игр в Сочи, Чемпионата мира по футболу в Москве, благодаря возвращению Крыма и другим значимым событиям. Сплотить народ удалось с помощью таких мероприятий, как празднование дня Победы с акцией «Бессмертный полк», празднование дня России, дня рождения Москвы и других мероприятий. В 2000-е гг.

XXI в. активно занялись развитием детей и молодёжи: в стране были организованы спортивные и творческие секции, открыты новые бассейны, ледовые дворцы, студии танцев, единоборств, рисования, пения. В сравнении с 90-ми годами XX в., когда дети были предоставлены сами себе, а родители едва сводили концы с концами, уже с 2010 г. ситуация была кардинально противоположной – у части людей появились «свободные» деньги и возможность путешествовать. Возникла тенденция заниматься детей с утра до вечера: утром школа, вечером кружки. Уровень детско-юношеского развития резко повысился, что послужило предпосылкой к переходу на новый этап развития государства и общества, формированию новых ценностей и идей, связанных с возрождением нравственности в обществе, а значит, и процветания государства в целом. Определённая свобода и открытость знаний способствовали возникновению увлечений различными технологиями личностного совершенствования: эзотерикой, астрологией, йогой, медитацией, психологией, здоровым питанием и образом жизни в целом. После 2010 г. в стране появилось множество новых профессий и видов деятельности: нутрициолог, астролог, фитнес-тренер, парапсихолог, таролог, коуч-тренер, тренер йоги, фрилансер, аниматор и т. д. Мироззрение и ценности особенно изменились с наступлением XXI столетия. Вместе с тем с неизбежностью пришло понимание, что материальные ценности не могут закрыть все потребности человека XXI в. Не справляясь с набирающим обороты научно-техническим прогрессом, с ускоренным ритмом жизни, человек вынужден был искать и черпать силы, энергию, оптимистический настрой за пределами внешнего мира – в мире духовном, в своем внутреннем мире, что приводило к новшествам, которые нельзя назвать негативными, – человек развивался во внешнем мире и совершенствовал свое самосознание.

Литература рубежа XX–XXI вв. развивалась под воздействием смены идеологических взглядов. Произошёл раскол союза писателей СССР ввиду формирования таких организаций, как «Писатели в поддержку перестройки» в Москве и «Содружество» в Петербурге. Следует отметить, что о поддержке в стране демократических преобразований заявил «Союз духовного возрождения России», при этом представители интеллигенции отрицательно оценивали ориентацию на перестройку. Однако перестройка способствовала движению, которое провозглашало освобождение культуры от коммунистической идеологии. В зарубежных СМИ, особенно среди молодёжи, начался процесс поругания советской истории и культуры, минимизировались все позитивные этапы развития науки, искусства, образования СССР. Годы перестройки значительно изменили художественную жизнь в стране. Такие журналы, как «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» публиковали произведения писателей, погибших в годы

революции. Печатались произведения О.Э. Мандельштама и Н.С. Гумилева, публиковались стихотворения и книги русских зарубежных писателей – В.В. Набокова, И.А. Бунина, Д.С. Мережковского, Г.В. Иванова, В.Ф. Ходасевича и др. Были опубликованы труды отечественных философов – Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, В.В. Розанова, роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба». Философское осмысление жизни проявилось в разных видах искусства, например в кинематографе (фильм Т. Абуладзе «Покаяние»), литературе (творчество братьев Стругацких) и не только. Литературное пространство отличалось разнообразием художественных тенденций и методов творчества. По мнению Н. Ивановой, «состоялось тотальное изменение самой литературы, роли писателя, типа читателя» [цит. по: 48, с. 36]. Отечественная литература конца XX в. соединила в себе все её направления разных временных периодов, представ в виде некоей новой субстанции. Важное значение для этого имела творческая интеллигенция, покинувшая Россию в разное время. «Русский Париж», «Русский Восток», «Русская Прага», «Русский Берлин», «Русская Америка» – основные центры русской эмиграции. Писатели, поэты и художники продолжали творить вдали от родины и продвигать русскую культуру во внешний мир. В конце XX в. произошло массовое возвращение в Россию творческой интеллигенции; их творчество влилось в русло общего «потока» российской литературы. Развитие литературы продолжилось благодаря изданию произведений, запрещённых ранее в СССР: «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, антиутопии «Мы» Е. Замятина, «Котлован» и «Чевенгур» А. Платонова, повести «Красное дерево» Б. Пильняка, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Реквием», «Поэма без героя» А. Ахматовой, романа «Сумасшедший корабль» О. Форш и проч. Освободившись от запретов предыдущей системы, писатели 90-х гг. XX в. приступили к реализации своих прав, что привело к появлению в стране литературных и других художественных достижений постмодернизма, поставангардизма, концептуализма, неосентиментализма, сюрреализма и т. д. Получили известность и популярность такие авторы, как В. Ерофеев, А. Солженицын, В. Маканин, И. Бродский. Литература сложила с себя обязательства выражать общественное мнение и воспитывать мораль и нравственность: положительный герой растворился во времени, на его месте в литературе возникли проститутки, алкоголики, бомжи, убийцы и другие аморальные представители человеческой расы. Современный поэт А. Машевский писал о ситуации в стране в этот период:

*И вот пустой плывет орех
В потоке звездного эфира,
И нет единого для всех
И всем внимающего мира [228, с. 123].*

Можно с уверенностью утверждать, что литература заключительного десятилетия XX в. преодолела испытание внезапно обрушившейся на неё свободы и извлекла из этого не только минусы, но и плюсы. Так, писатель Юрий Буйда рассуждал: «Это – страх перед свободой, вдруг обрушившейся на нас. Неожиданно произошло то, чего все так ждали» [190]. Конечно, и в советский период писатели и поэты мечтали о честности в творчестве, желали транслировать то, что думали и чувствовали, а не действовать по партийному заказу. К примеру, А. Твардовский высказывался: «...только чтобы над ухом не дышали» [цит. по: 190]. Смелыми были попытки писателей из 60-х годов XX века, в которых они делились простыми человеческими чувствами наперекор партийной литературе. Вседозволенность литературы 90-х гг. XX в. сложно не заметить; в явном противопоставлении ей был страх, сковывавший писателей советского времени. Причём в этот период вместе с ушедшими запретами утратилась и просветительская функция литературы. Так, если «в 1986 году наиболее читаемые книги по опросу «Книжного обозрения»: «Улисс» – Дж. Джойса, «1984» – Дж. Оруэлла, «Железная женщина» – Н. Берберовой, то в 1995 году – в списках бестселлеров уже иная литература: «Профессия – киллер», «Спутники волкодава», «Мент поганый»» [64, с. 416]. Критика при этом неустанно заявляет о деструктивных процессах в литературе: сексуальная патология, тотальное насилие вплоть до каннибализма.

Литературное творчество менялось до неузнаваемости. Произведения писателя В. Ерофеева демонстрируют эту деструктивность: «Жизнь с идиотом», «Исповедь некрофила», «Ядрена Феня», «Приспущенный оргазм столетия». Вместе с тем можно увидеть и некое перекликание с эстетикой Серебряного века. Так, в литературном процессе 90-х гг. XX в. в одном культурном пространстве сосуществуют совершенно разные направления, опирающиеся на противоположные эстетические принципы. К концу 80-х гг. XX в. были изданы ранее неопубликованные произведения: «Москва – Петушки» В. Ерофеева, «Пушкинский дом» А. Битова, «Школа для дураков» Саши Соколова, что повлияло на литературный процесс того времени. Кроме того, в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в литературный процесс вошло творчество русского зарубежья – В.В. Набокова, И.А. Бродского и других, включив, таким образом, в него произведения модернистской, постмодернистской, реалистической, неосентименталистской направленности. В этот период истончается грань между массовой и высокой литературой – в рамках одного текста сочетаются приёмы письма элитарной литературы и беллетристики. Наблюдается некая схожесть в чертах стилистики и поэтики в произведениях разных течений и направлений. Писатели этого времени искали вдохновение в зарубежном творчестве и искусстве.

Литература постмодерна к началу XXI в. переживала кризисные состояния, обусловленные определенным тупиком своего развития, когда старое изжило себя, а новое не зародилось. Полемика утрачивается и минимизируется. Приобретая массового читателя, литература всё больше объединяется в кружках и салонах. Подвергаются сомнению общенациональные ценности. Проявляется борьба между каноническим и неканоническим подходами к литературе. В критике возникают понятия «мультилитература» или литературная «радуга» как модели сосуществования множества литератур внутри российской литературы. Возможности литературы обогащаются за счет расширения и привлечения внелитературных или маргинальных явлений. Всё чаще появляются такие особенности постмодернистских произведений, как переосмысленные судьбы героев национальной литературы и фольклора, соцреалистическая мифология, бытовые стереотипы, несовместимость дискурсов. Для постмодернизма характерна вторичная художественная система, ориентированная не на реальность, а на представление о ней из прошлого. Ему присущи особый мета-язык, собственная терминология и понятийная система, а также определённая лексика и грамматика. Так, в начале XXI в. популярная постмодернистская литература все больше завоевывала любовь читателей: «Generation «Р», «Чапаев и Пустота» В. Пелевина, «Кысь» Т. Толстой, «Голубое сало» В. Сорокина, «Русская красавица» В. Ерофеева, поэзия В. Друка и Г. Иргеньева. Поднимается тема потерянного поколения 90-х гг. XX в., лишившегося родины, нравственных и моральных ценностей в силу распада СССР. Посвящают произведения «золотой» молодёжи 80–90-х гг. XX в.

М. Липовецкий заметил, что «внешние приметы постмодернистского письма – цитатность, монтаж различных дискурсов, расширение категории текстуальности... – сегодня не использует только ленивый» [223, с. 76]. Писатели рубежа веков А. И. Эпфель, А. В. Королев, В. С. Маканин, М. П. Шишкин, И. Н. Полянская, А. В. Дмитриев зарекомендовали себя как компетентные авторы, талантливо использующие постмодернистские приемы. В массовой российской культуре заметно преобладание популярной отечественной литературы в сравнении с зарубежной. Эта тенденция четко просматривается с 2000 г. XXI в. Детективы Д. Донцовой, А. Марининой, В. Корецкого вытеснили западных авторов того же уровня. Видоизменилось традиционное положение литературы – её эстетические возможности расширились, однако сократилось общественное влияние.

Следует отметить факт изменения языка – значительное огрубление наблюдалось уже в конце XX столетия. Слова получили новые значения, в результате чего потребители этих текстов середины и конца века могли ложно понимать друг друга. Так, например, предложение «Склеил модель в клубе» имеет абсолютно разные значения в разных контекстах: 1) сде-

лать поделку в детском клубе творчества; 2) познакомиться с девушкой-моделью в ночном клубе. Появилось огромное множество новых слов и смыслов, что связано со сменой идеологии и культуры. Советская жизнь осталась в прошлом, целый ряд понятий и слов ушли в историю. Вместо них в язык вошло множество заимствований, новых слов и понятий, связанных с развитием науки и техники и взаимодействием с другими культурами. К сожалению, конец 90-х гг. XX в. отметился всплеском использования обценной лексики: жаргонизмы употреблялись везде и всюду всеми слоями и возрастными группами людей. Можно даже говорить об определённой «моде на мат» – неокрепшая детская психика особенно восприимчива и подвержена его использованию. В целом наблюдается преобладание устной речи над письменной, за что во многом отвечает научно-технический прогресс – телевидение и Интернет заменили чтение книг. Из-за преобладания разговорного стиля изменились языковые нормы. Литературный язык испытал сильную деформацию под воздействием просторечной, диалектной, ненормативной лексики, молодёжного сленга, что в конце столетия стало допустимо в публичной речи. Впоследствии это привело к снижению культуры речи. Серьёзные изменения в экономике, социокультурной реальности России отразились на языке, а через него и на литературе.

Состояние поэзии в этот период имеет свои особенности. Поэзия с трудом поддаётся систематизации – выделить основные течения, направления и группы крайне затруднительно. Особенностью литературных течений второй половины XX в. было появление приставки *пост-* в их названиях. Подгруппы разнообразных группировок имели свою специфику. В 1983 г. М. Эпштейном был создан «каталог новых поэзий» [164, с. 59], в котором выделено 10 разных видов поэтических направлений, дан подробный анализ, названы представители каждого. В 1985 г. современная на тот момент поэзия была охарактеризована как «Бронзовый век». Автором этого термина был Слава Лен. Он выделил около 60 основных школ русского стиха с 1953 по 1989 г. [222, с. 121]. Однако к началу нового столетия от них не осталось и следа. В результате рубеж веков не отличается многообразием литературных течений и группировок. Тем не менее назовем некоторых из них. Орден куртуазных маньеристов, возникший в 1988 г. и завершивший свою постмодернистскую деятельность в начале XXI в. В него входили: А. Скиба, А. Бардодым, А. Добрынин, В. Пеленягрэ, К. Григорьев, А. Вулых, В. Степанцов. Вызывает интерес литературное объединение «Осумасшедшие Безумцы», в котором наибольшую известность получил Андрей Родионов. Его творчество, посвящённое жизни богемы или маргиналов, можно охарактеризовать как злободневное, при этом с нотками фантастики и фантазмагии. В группировку входили Ю. Беломлинская, Д. Данилов, М. Белозор, В. Емелин.

Д. Кузьмин в докладе «Русская поэзия в начале 21 века» в 2007 г. отметил, что «основные течения, группы, школы в поэзии на данный момент отследить невозможно, но можно выделить два подхода в исследовании новейшей поэзии – региональный и гендерный» [76, с. 103]. По его мнению, постконцептуализм по причине отсутствия эстетики исчерпал себя, при этом яркие в 90-е гг. XX в. концептуализм и материализм в начале «нулевых» также утратили былую актуальность. Еще одно постакмеистское течение вместе со своими представителями – В. Кривулиным, М. Айзенбергом, В. Гандельсманом – завершило свое существование. Каждый из них предпочел свою собственную дорогу; теперь они подражали уже последователям Анны Ахматовой. Та же участь постигла постфутуризм Геннадия Айги, соединившего в своем творчестве футуризм В. Хлебникова с европейским авангардом. Известный литературный манифест «Новый эпос» был сформулирован Федором Сваровским в 2008 г., в котором автор отметил своеобразие поэзии нового времени, выраженное в использовании нарративного текста с диалогами, демонстрирующего авторскую позицию, героизм и мораль. Среди поэтов были Г. Дашевский, Л. Горалик, В. Полещук, М. Степанова, П. Гольдин, Б. Херсонский. Конечно, похожие подходы в литературе встречались и раньше. Например, в творчестве Григория Кружкова в 2001 г. соединились лиризм и фантастика, поэтому критики оценили «новый эпос» как возможность переоценить уже имеющиеся концепции. Так, критики причислили творчество И. Лиснянской и Н. Горбаневской к последователям поэтического творчества А. Фета и Ф. Тютчева с такими элементами новейшей поэзии, как лексика и ритм:

*И миновало. Что миновало? Все миновало.
Клевера запах сухой в уголку сеновала,
Шепот, и трепет, и опыта ранние строки,
Воспоминанье о том, как строги уроки
Лесенки приставной и как пылью сухою
Дышишь, пока сама не станешь трухою.*

«И миновало...», 2013 г. [130]

Среди представителей женской поэзии особо выделим А. Логвинову, Е. Фанайлову, О. Седакову, В. Павлову, И. Лиснянскую, Ю. Мориц, А. Кудряшову, Е. Шварц, Н. Матвееву, Л. Миллер, которые в своем творчестве раскрывали следующие темы: философия жизни, любовная лирика, семейная проблематика:

*Уж если быть женщиной, то лучше Наташей –
Глупенькой нашей, восторженной нашей –
Спугнуть подлеца, отпугнуть гордеца,
Найти своим детям хорошего отца...*

«Быть Анной, быть Ларой...», 2011 г. [130]

По мнению Александра Скидан, «“нерв” современной поэзии перешёл в творчество женщин – в слабом “жертвенном” женском поэтическом поле нашли отражение все катаклизмы постсоветской эпохи» [127, с. 160]. Среди стихотворных текстов современные поэты зачастую отказываются использовать рифму и размер, предпочитая верлибр.

В начале XXI в. особенно активно выделяется уральская поэтическая школа, поскольку именно Екатеринбург, Пермь и Челябинск отличались активной литературной жизнью. Множество уральских поэтов разного возраста публикуются и издаются в поэтических журналах, становятся лауреатами премий в области литературы и культуры. «Современная уральская поэзия – это поэзия преимущественно непрямого высказывания, уходящая в сторону поэтики ассоциативной, медитативной, экспрессивной» [цит. по: 120, с. 201]. Дмитрий Кузьмин: «Если долго и упорно настаивать на своем, то через некоторое время пространство начинает сгущаться» [Там же]. Александр Пермяков об уральской поэзии писал: «...братством людей, связанных личными отношениями и мировоззрением, но не формальными признаками» [Там же]. Поэзия нового времени оказалась полностью лишена деревенской и пейзажной лирики. Поля, луга, реки были вытеснены вокзалами, многоэтажками, метро и телекоммуникациями. Подобная поэзия лишилась искренности и правдоподобия. Со временем она становится все более индивидуалистской, автор возглавляет позиции в стихотворчестве. В начале XXI столетия стало понятно, литература пережила и преодолела постмодернизм. Молодые поэты собираются в интернет-пространстве и публикуют результаты своего творчества на таких ресурсах, как Стихи.ру, Литerratura и т.д., где они размышляют о Боге или же ведут дискуссии о возможности существования инопланетных форм жизни:

*И вот я попадаю на страшный суд,
Занимаю очередь перед дверью синей.
Стою, смущаясь своей наготы,
Волнуюсь, как на экзамене по химии...*

А. Кащеев «Допустим я умер и мое тело...» 2014 г. [130]

На рубеже XX–XXI вв. некоторые поэты обращались к своим поэтическим предкам в творчестве. А. Кушнер, используя реминисценции и заимствования, пишет А. Блоку и А. Фету в стихотворении «Запиши на всякий случай...» (1994):

*Запиши на всякий случай
Телефонный номер Блока:
Шесть – двенадцать – два нуля.
Тьма ль подступит грозной тучей,
Сердцу ль станет одиноко,
Злой покажется земля... [130]*

Безусловно, поэты рубежа столетий отталкиваются от великого прошлого, а дух постмодернизма укрепляет пессимистические настроения творцов. Авторы погружаются в свой внутренний мир, рефлексирова, уходят в себя, используя интериоризм:

*Десять – кончаю четвертый класс, завтрак можно не делать.
Надо спешить со всех ног и глаз. В августе будет девять.
Восемь – на шею ключи таскать, в солнечном таять гимне...
Три. Два. Один. Я иду искать. Господи, помоги мне.*

«Мама на даче...», 2007 г. [130]

«Реалистическая традиция решительно отодвигает традицию постмодернистскую», – писал В. Мескин [228, с. 127]. Современники больше не делают пародий на классиков, но и не престают в своем творчестве обращаться к духовным учителям с помощью интертекстуального диалога. Так, порой несложно в современном тексте угадать обращение к творчеству великого поэта, например Бориса Пастернака:

*Небесный снег стерильно бел,
Когда украдкой
Ныряет в участи предел,
Земной, несладкой... [130]*

А. Застыриц «Цвет снега», 2008 г.

*Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела... [130]*

Борис Пастернак «Зимняя ночь», 1946 г.

Возможно, ещё рано давать оценку поэтической обстановке рубежа веков, выделять наиболее значительных авторов и анализировать их вклад в развитие литературного процесса XXI столетия. Мнения критиков в этом вопросе разнообразны. К примеру, у Александра Скидан в списке лучших: Елена Фанайлова, Аркадий Драгомощенко, Кирилл Медведев, Дмитрий Голынкин-Вольфсон, Елена Шварц, Василий Ломакин, Ольга Седакова; у Юрия Казарина – А. Кушнер, С. Гандлевский, С. Шестаков, О. Седакова, Б. Рыжий, Д. Новиков. Кроме того, можно отметить не менее 600 поэтов, публикующихся регулярно и тем самым вносящих вклад в литературную жизнь страны. Это те, кто творил во второй половине XX в.: Э. Асадов, В. Соснора, Б. Ахмадулина, Ю. Кублановский, С. Липкин, А. Вознесенский. Но понятно одно: таких выдающихся авторов, как поэты Золотого и Серебряного веков, нет в этих списках. Или необходимо ещё время, чтобы осознать, что останется на века, а что растворится во времени и пространстве и никогда не будет признанным. Надо сказать, что

отсутствие оценки, конструктивной критики значительно тормозит развитие авторов и литературный процесс в целом. Специфика времени особым образом сказалась на поэтическом творчестве: в шуме и пестроте массовой культуры поэт как никогда может чувствовать себя одиноким и никому не нужным. Возможно, придет время и ситуация изменится в лучшую сторону: возродится интерес к поэзии и культуре, духовному миру человека, но пока телекоммуникационные технологии вытесняют стихи и прозу из жизни современного человека; предпочтение отдается киноиндустрии, общению в мессенджерах, путешествиям, еде и т.д. В такие моменты приходит осознание того, насколько сильно духовные ценности или их отсутствие, а также массовая культура влияют на жизнь и сознание человека. Культура во всех своих проявлениях способствует развитию личности. Она позволяет развивать себя как личность, развивать в себе эрудицию, расти духовно, трудиться, увеличивать тягу к знаниям, наукам, обогащать этикет общения, повышать грамотность письменной и устной речи. «Нам необходимо бережно относиться к культуре, так как это наша вторая природа. Культура – это постоянное напряжение, труд, а не развлечение» [232, с. 5]. Культура одновременно вне нас и внутри нас. Она – в виде театров, библиотек, филармоний. При этом каждый из нас – её носитель. Если мы не генерируем её как внутренний стержень, внутреннюю стихию, то театры и библиотеки будут пусты. Каждый несет ответственность за уровень культуры в себе. Необходимо создавать и сохранять среду, где будут появляться выдающиеся поэты, музыканты, писатели и где будут воспитываться те, кто сможет их творчество понять и оценить. Не сможет прогрессировать то государство, которое не заботится о сохранении своей национальной культуры и идентичности. Вот почему необходимо всеми силами стараться не растворить национальную российскую культуру среди других, уберечь её от исчезновения. Это посильное действие, которое доступно любому русскому равнодушному человеку, не стремящемуся во всем подражать западу, а желающему сохранить наследие своих предков, а вместе с тем не дать погибнуть некогда великой стране с её богатым культурным наследием, поддержать её в самую трудную минуту.

Последние десятилетия XX в. стали для российской культуры временем новых испытаний. В постсоветском пространстве возник комплекс задач, требующих решения. Упадок ценностей пришёлся на 90-е гг. XX столетия, когда прежняя мораль утратилась, а новая ещё не сформировалась. Переходные этапы всегда с трудом переживались российским государством. В России в XX в. в связи со сменами государственных систем наблюдалось два таких переходных периода: начало века – становление советской власти и конец века – перестройка и закат эпохи Советского

Союза. Период советской России отличался стабильностью, верой в светлое будущее, оптимизмом, техническим прогрессом – именно советский человек впервые в мире покорил космическое пространство. Наука, культура, литература – везде были свои достижения. Нет телекоммуникационных технологий, но есть стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Конечно, были и недостатки – номенклатура, бюрократизм, определённая систематизированность и идеологизация жизни, но сколько всего было сделано и построено в период советской России, ни в один другой временной отрезок сделано не было. Величие системы было достаточно ярко выражено. Но в начале 90-х гг. XX в. произошли смена власти и окончательный развал советской системы. Появилась «свобода», которой не хватало советским людям, но о влиянии этой свободы русские люди стали узнавать постепенно – ценой разрухи, кризисов, деградации общества, потери культурных ценностей и авторитета российского государства на мировой арене. Причиной духовного и нравственного кризиса рубежа веков является то, что «традиционная идеология утратила свою эффективность и привлекательность».

Идеология разрушалась постепенно – период перестройки стал апогеем этого процесса. С перестройкой было связано немало надежд людей нашей страны. К сожалению, государственные и общественные деятели в основном были ориентированы на принятие западной вариации государственной системы в разных сферах, отвергнув определённые национальные особенности, достижения в сфере науки и техники и российскую самобытность в целом, сделали ставку на рыночную экономику, которая, по их мнению, решит экономические и духовно-нравственные проблемы. Как оказалось, проблемы потери нравственности в этот период оказались в одном ряду с проблемами экономическими. Полностью перенять западную модель и утратить при этом самобытную культуру было не лучшей стратегией развития. К тому же западная культура сама приходила в упадок и нуждалась в переоценке ценностей. Запад скрыто и открыто навязывает всему миру свои понятия, мораль и ценности. «Нельзя не учитывать, что несколько десятилетий назад П. А. Сорокин писал о глубоком кризисе евро-американской культуры, который заключается в разрушении её основных компонентов» [232, с. 8]. Необходимо укреплять свою национальную культуру, развивать нравственные, духовные ценности для выживания и процветания народа. Р. Г. Яновский полагает, что «современная Россия находится в таком состоянии, когда безопасное существование становится невозможным без сохранения и эффективного использования ее духовного потенциала: общечеловеческих и национальных ценностей» [цит. по: 91, с. 298]. К сожалению, 90-е гг. XX столетия доказали, что упадок экономической и духовной жизни людей произошёл по

причине отвержения и потери ценности своей этнической культуры. Бесспорно, данная причина является одной из многих и одной из важных среди остальных. Демонстрация этого упадка реализовалась в поэтических текстах исследуемого периода. Путём анализа интерпретации метафорических образований в поэтических текстах нами дан обзор основных проблемных зон социокультурного пространства России конца XX – начала XXI в.

В исследуемом временном периоде мы выделили 10 групп семантических полей метафорических образований, шесть из них соответствуют тем, что были выделены нами в начале XX в.: «Россия», «Социум» (процессы в обществе), «Человек» (настроение и чувства), «Религия», «Политика», «Наука и техника». Кроме того, в поэзии появляются ещё три поля: «Финансы», «Телевидение, кино, Интернет», «Экология».

Метафоры семантического поля «Социум» (процессы в обществе)

«На дворе и позор, и разруха, и дележка на властном пиру, и поэтому ни телевральщик, ни алкаш – поселковый аэд, а мороз, по стеклу рисовальщик, в эту зиму мой добрый сосед...» (И. Лиснянская). – Данные авторские метафоры отражают суть перехода из века в век, поскольку 90-е гг. XX столетия – упадок культуры и нравственности. Советские ценности утратились, новые не успели сформироваться. Десятилетие разрухи, упадка и позора пережило российское общество к концу 90-х. Постепенно пришло понимание, что верить телевизионным передачам бессмысленно. Доверие государственной власти утрачивалось.

«Зеленым лаком ногти я налачу, пускай сулят все десять лепестков» (И. Лиснянская). – Одна из модных тенденций 90-х гг. XX в. – это лаки для ногтей ярких цветов. Если ранее традиционным ярким цветом являлся красный, то в конце 90-х гг. XX в. возникла мода покрывать ногти ярким лаком – зелёным, оранжевым, чёрным, синим, коричневым. В данный период возникло новое слово «налачить». Вообще указанные годы славятся обилием сленговых выражений, появлением новых слов, заимствований, употреблением просторечий, ненормативной лексики.

«Тротуары клешами мели... рядом с Блоком припилены были к обоям переснятые Йоко и Джон, Ринго с Полом» (Т. Кибиров). – Группа «Битлз» любима всеми поколениями россиян. Участники группы и после прекращения её существования были не менее знамениты и уважаемы, чем великий А. Блок и другие классики. Музыка Джона Ленона, Ринго Стар и Пола Маккартни увлекалась добрая половина российской молодёжи в конце XX и начале XXI в. В 80-е и 90-е XX в. среди молодёжи было принято украшать свои комнаты плакатами и постерами с изо-

бражением любимых исполнителей. Брюки-клёш – модное направление мужской и женской одежды середины и конца XX столетия.

«Эта водка сожжет тебе глотку, оплетет и задушит тебя!» (Т. Кибиров). – Упоминания об алкоголе многократно встречаются в поэзии 90-х гг. XX столетия по причине того, что россияне привыкли переживать сложные исторические периоды, снимая стресс при помощи спиртных напитков, уходя в алкогольное забытие.

«Свобода! – как сказал Касторский Буба. Верь, товарищ, верь – Она взошла! Она прекрасна! Ужасен лик её» (Т. Кибиров). – После развала Советского Союза в 1991 г. в России появилась свобода во многих её проявлениях. С одной стороны, её появление вдохновило россиян, а с другой, как выяснилось позднее, она имела множество отрицательных черт. К концу 90-х гг. XX в. многие заметили, что цензура все-таки не является лишней. Как жесткая цензура, так и полная свобода вредны для общества и государства, поэтому необходимо соблюдать «золотую середину». Мы видим, что для автора лик этой свободы одновременно прекрасен и ужасен.

«Бог ему в помощь! Пусть народ он одарит «Макдональдсом»» (Т. Кибиров). – В 90-е гг. XX в. в России появились первые рестораны Макдональдс. Чтобы попробовать новые блюда, люди готовы были часами стоять в километровых очередях, не задумываясь о вреде этой пищи для организма.

«А если вечер – пойдем на дансинг, в клуб, где клубятся сугробы света» (А. Лаврин). – Дискотеки и танцы в 90-е гг. XX в. проводились в клубах, барах или ресторанах, где располагалась танцплощадка. Среди молодёжи появилась традиция проводить ночное время выходного дня в клубах, где можно выпить, потанцевать, познакомиться, пообщаться. Вокруг разруха. Область интересов молодёжи сместилась от спорта и книг к выпивке и танцам. Экономика – в упадке, в маленьких городах отсутствует возможность трудоустройства.

«Леди Диана – от звука согласных и гласных млечная ночь ускользает в лекало погони» (А. Лаврин). – Принцесса Диана погибла 31 августа 1996 г. в страшной аварии в парижском тоннеле, в результате ухода от погони репортеров. Жизнь Дианы была далека от волшебной сказки, несмотря на то, что она вышла замуж за принца. Она явилась примером того, что настоящее счастье не продаётся. Оно – в семье, в любимых и любящих людях, в тёплых отношениях между людьми. Эта история имела большой резонанс как в мировом, так и российском социокультурном пространстве, что отразилось в поэтических текстах российских авторов.

«Сраженный пулей рэкетира, кооператор юных лет» (И. Иртенев). – 80-е и 90-е гг. XX в. – не только время упадка духовности и нравств-

венности, это ещё период широкого распространения в стране бандитизма и криминала. Предприятия частного предпринимательства и малого бизнеса организовывались повсеместно. Остаться в живых, однако, удавалось далеко не каждому предпринимателю. Рэкет, угрозы, убийства в сфере частного предпринимательства от Москвы до Владивостока множились особенно активно с 1991 по 1996 г.

«То ли это евразийство в нашей булькает крови» (И. Иртеньев). – Евроремонт, евроокна, евростиль, еврозал, евромода, евробутик – понятия 90-х гг. XX в., прочно закрепившиеся в сознании россиян вплоть до наших дней. Пусть не все западные ценности нашли отклик у российского населения, но их достаточно для того, чтобы утратить часть национальной самоидентичности и позаимствовать чужие культурные традиции, чужие взгляды на жизнь, чуждое миропонимание.

«А дальше баррикады, танки, героев жуткое число... три дня трясло нас в лихоманке» (И. Иртеньев). – После перестройки под руководством Горбачева и распада СССР Россия пыталась жить по-новому, но эти попытки в октябре 1993 г. привели страну к гражданской войне. Три страшных дня: сторонники РСФСР против проельцинских демократов, бои в центре Москвы. 4 октября 1993 г. танк прямой наводкой бьет по Белому дому. Трое суток короткой, но настоящей гражданской войны. Среди участников были погибшие.

«И вот, подвергнута приводу, культура на полу лежит» (И. Иртеньев). – Событие первого десятилетия XXI в.: министр культуры М.Е. Швыдкой собрался вернуть в Бремен коллекцию живописи, вывезенную оттуда в 1945-м и с тех пор хранящуюся у нас нелегально. Министра вызвали в прокуратуру и официально предупредили, чтобы «не смел отдавать коллекцию».

Как мы видим, в семантическом поле «Социум» много пессимистических настроений. Большинство метафор имеют негативные интерпретации. Оптимизм проявляется в небольшом количестве юмористических текстов. Причём юмор как способ преодолеть трудности окружающей действительности активно процветал как в 90-е гг. XX в., так и в начале XXI в. В этом проявляется основное отличие значений метафорических образований поэтических текстов конца XX в. от поэтических текстов начала XXI в. Умение посмеяться над собой в тот момент, когда нет никаких сил и надежд, – большое достижение русского народа. В остальном основные значения перечисленных метафорических конструкций совпадают – страна и социум в упадке – экономическом, духовном, нравственном, культурном. Переходный период охарактеризован поэтами потерей ценностей и нравственных ориентиров. Следует отметить, что любой период перехода в российском государстве является сложным, сопряженным с социокультурными и экономическими катаклизмами.

Метафоры семантического поля «Религия и духовность»

«Умрём поскорей, чтоб родиться опять и с первой зарёй ухватиться за руки» (Б. Чичибабин). – В свое лирическое стихотворение, посвященное близкому человеку, автор не просто так включил эти строки: перерождение души или реинкарнация – принцип восточной философии, реализующийся в таких религиях, как буддизм и индуизм. В эпоху перестройки и далее в последующий период 90-х гг. XX в. в российской культуре и литературе появилось множество учений восточных философов, где говорилось о перерождении души. Новые идеи стали интересны российскому читателю, что нашло отражение в поэзии 90-х гг. XX в. С развалом Советского Союза в страну вернулась не только исконная православная религия, Россия стала мультирелигиозной страной, возможно, по причине того, что для русской культуры базовыми ценностями всегда являлись духовность, нравственность, развитие души.

«В одеждах диких кришнаиты конец предсказывали света» (И. Иртеньев). – Метафорическая конструкция обращает внимание на интерес со стороны россиян к другим религиям, казавшимся с первого взгляда странными и непонятными. Что касается предсказаний, то в СССР не было разговоров о конце света. Однако с наступлением 90-х ситуация в стране так ухудшилась, что о конце света к концу XX в. стало слышаться повсюду.

«Кружатся бабочки, кружатся бабочки снега – нежные вестницы русского Рождества...» (И. Лиснянская). – К концу 90-х гг. XX в. в обществе прочно закрепилось празднование Рождества, которое в советской России отмечать было не принято. Кроме Рождества, поэтесса поднимает тему социально-бытовой напряженности, задавая риторический вопрос – неужели Всевышний забыл о существовании России?.. Сложности 90-х стали тому первопричиной.

«Мир крещёный удивился, как со всею простотой в нашем доме поселился католический святой» (И. Иртеньев). – Как уже писалось ранее, свобода выбора духовной традиции, религии появилась у россиян с 1991 г. Российские девушки и женщины стали выходить замуж за представителей других стран и религий. Данная тенденция впоследствии стала носить название «смешанные браки». Кроме того, автору кажется неверным, что в нашем государстве появилось столько религиозных конфессий; он считает, что Россия столько веков обходилась Православием и нет весомых причин что-то менять.

Вместе с тем 90-е гг. XX столетия можно охарактеризовать не только как период деградации, но и как время развития в сфере экономики, сервиса, индустрии красоты, спорта и туризма и пр. Это не касается культуры

как таковой в классическом её понимании, но затрагивает иные направления человеческой деятельности. В частности, все то, что было под запретом в период Советского Союза, весьма интенсивно распространялось в 1990-е гг. посредством СМИ, телевидения, радио, книжной продукции, позднее – Интернета. Так, в этот период активизировался интерес к отсутствующим ранее знаниям о здоровом образе жизни, различных видах фитнеса и оздоровительных практиках, литотерапии, йоги, астрологии, эзотерики и пр. Определённое место в этом процессе заняли различные молодёжные субкультурные организации и объединения: готы, толкиенисты, эмо, металлисты и т. д. В 90-е гг. XX в. различного рода секты «взбудоражили» умы многих, особенно доверчивых российских граждан, однако к концу 90-х гг. XX в. и в начале 2000-х гг. XXI в. отношение к ним стало меняться на определённо отрицательное. Начали появляться списки таких группировок в административных организациях городов, где четко обозначались особо опасные сектантские организации (например, так называемые «свидетели Иеговы»), которые впоследствии были ликвидированы, а организаторы призваны к ответственности перед законом.

Метафоры семантического поля «Финансы»

«Гусь, начинённый яблоками, лоснится лишь на имеющем твёрдый достаток столе» (И. Лиснянская). – Конец XX в. в России – время дефолтов и кризисов. Экономические сложности преследовали россиян с 1991 по 2000 г. включительно. Не каждый россиянин, живший в 90-е гг. XX в., мог позволить себе деликатесы и разнообразные яства на праздничном столе. На Рождество было принято подавать гуся, начиненного яблоками, но такие возможности были не у многих россиян в тот период.

«Еще одну весну, да и удачу – как из снегов, мне вылезть из долгов... я задолжала всем, кого жалею, ...и плачущему светом Водолею, и стрелы потерявшему Стрельцу» (И. Лиснянская). – 90-е гг. XX в. славятся обилием сленговых выражений, появлением новых слов, заимствований, употреблением просторечий, ненормативной лексики. Кроме того, в данный период в российской культуре распространилось увлечение гороскопами – характеристика своего знака зодиака стало новым видом «развлечения» у россиян.

«Далекий друг, пойми, мой робкий дух смущает инфляция!» (Т. Кибилов). – Инфляция как явление российской действительности 90-х гг. XX в. не оставила равнодушными ни одного жителя Российской Федерации. За один день тысячная купюра могла превратиться в 100 рублей, потеряв свою номинальную стоимость, а стоимость обычных бытовых товаров могла вырасти в 3 раза. И все это – в течение всего лишь одних суток. Жизнь в 90-е гг. XX в. можно сравнить с американскими горками: никогда

не знаешь, в какую сторону ситуация повернётся завтра. Кроме того, в поэтическом тексте автор рассуждает о других сложностях данного периода.

«А наш как был всю жизнь берёзовый, так деревянный и останется» (И. Иртеньев). – Рубль называют «в народе» деревянным, поскольку ценности в мире за пределами России он в настоящее время не имеет. Кроме того, автор поднимает тему сместившихся ценностей – с 90-х гг. XX в. деньги и материальные ценности вышли на первый план у российского народа.

Метафоры семантического поля «Политика» (государственный строй, деятели, международные отношения)

Семантическое поле «Политика» открывается группой текстов на тему кавказского вопроса и чеченской войны 90-х гг. XX в.: *«Военным железом звеня, не в Абхазии, так в Карабахе каждый день убивают меня»* (Б. Чичибабин).

«Злой Кавказ кусает удила, имамов грозных дух в нем снова закипает и терпкой коноплей джигитов окрыляет» (Т. Кибиров).

«Сидят они, ребята, холёные тела» (И. Иртеньев). – Представители правительственных структур в любой период времени отличались от обычных людей среднего класса. Существовало определенное противостояние между ними, которое особенно ощущалось в сложные периоды жизни страны. 90-е гг. XX в. являются таким периодом. Поэтому правительство и элита критиковались активнее прежнего: в стране разгром, разлад, при этом «верхушка» поживает на лаврах, спокойно и не стесняясь спит на заседаниях в Думе.

«Мы им патриотизм крепили, и впредь намерены крепить» (И. Иртеньев). – В Москве под руководством Росвоенцентра в середине 2000-х гг. XXI в. проходил семинар-совещание организаторов патриотического воспитания, на котором выяснилось, что чеченцы просят поддержки в работе по воспитанию российского патриотизма в регионе. Помощь была оказана незамедлительно: Росвоенцентр направил в Республику десятки экземпляров государственной программы по патриотическому воспитанию, несмотря на то, что еще и десятилетия не прошло с тех пор, как проливалась кровь русских солдат в чеченских кампаниях 90-х гг.

«Среди политических глыбин, суровый и грозный на вид, Василий Иваныч Шандыбин» (И. Иртеньев). – В. И. Шандыбин – депутат Госдумы от КПРФ второго и третьего созывов, представитель коммунистической партии России, которая на рубеже веков оказалась предметом иронии и сатиры. Он запомнился яркими и эмоциональными выступлениями. Возродить в современной России коммунистическую систему невозможно. Вместо того, чтобы воспитать уважение и интерес к истории своей

Родины, современную молодёжь зачастую призывают относиться к ней критически и предвзято.

«На брюхе ползёт прямиком патриот к злодею Берёзе, к злодею Берёзе» (И. Иртеньев). – Известный российский олигарх Борис Березовский долгое время являлся активно обсуждаемой персоной в российском обществе. Нужно сказать, что олигархия как слой общества в РФ зародилась в начале 2000-х гг. XXI в., т. е. на рубеже столетий. Любой олигарх, с точки зрения народа, вор, поэтому и отношение к нему было и есть сугубо отрицательное. Именно олигархи разделили и разворовали природные и материальные ресурсы страны, оставив, таким образом, народ с нищенскими пенсиями, зарплатами и низким уровнем жизни.

Метафоры семантического поля «Человек» (настроение и чувства человека)

«Рвется жизнь по всем возможным швам» (И. Лиснянская). – 90-е гг. XX в. – упадок культуры и нравственности. Советские ценности утратились, новые – не сформировались. Российское общество переживало десятилетие разрухи, упадка и позора.

«В России всегда можно было легко и свободно, пред тем как свихнуться, пойти и стрельнуть сигарету» (Н. Искренко). – Вера в светлое и доброе у российского народа постепенно угасала. Люди стали более практичными, но в то же время еще более хмурыми и озлобленными. Духовность и религия почти полностью потеряли свое влияние. Русский человек до перестроечных лет отличался общительностью, склонностью к сотрудничеству, сопереживанием, хлебосольством. Автор поднимает социально-бытовую проблематику в стихотворении, перечисляя основные пороки современного общества.

«Мы существуем в посткультуре. Наши прадеды и деды существовали в культуре. Эпоха культуры ушла в прошлое, повсюду разврат, который сегодня стараются «упаковать в красивую обертку» и дорого продать. Не началась ли эпоха, которую столетие назад называли эпохой упадка, эпохой декаданса? То, что Л. Гумилев называет фазой надлома, является уже реальностью. Действительно, фаза надлома навсегда изменила личность и образ российского человека. Человек постсоветской России – малоулыбчивый, уставший от нестабильности, потерянный человек» [235, с. 237]. Ещё одним неприятным обстоятельством конца 90-х гг. XX в. была «потеря» российского спорта. С уверенностью можно заключить: спорт был потерян для страны почти на два десятилетия. Небольшим возрождением явилась все-таки Олимпиада 2014 г. в Сочи. Но, как и до нее, так и впоследствии, подобного спортивного духа и спортивных побед, какие были в СССР, не случилось и по сей день.

Метафоры семантического поля «Наука и техника» (транспорт)

«Вот мчится по дорожке нашей узкой жигуль-девятка. Эх, девятка-птица!» (Т. Кибиров). – Популярный в России автомобиль «Жигули» под номером 9 также символичен в конце XX в., как и тройка лошадей в конце XIX в.

«Не лучше ль вспомнить о прогрессе, что всем нам обновляет путь на шестисотом «мерседесе», который плоть его и суть» (И. Иртеньев). – Мерилом успеха в 90-е гг. XX в. являлись малиновый пиджак и 600-й «Мерседес». У каждого успешного предпринимателя, сумевшего договориться с рэкетирами и выжить, имелись данные атрибуты процветания.

К злободневным можно отнести и телекоммуникационную тему. В 90-е гг. XX в. телевидение изменило сознание россиян. Телевидение – мощный рычаг культуры. Телесериалы, реклама и ТВ-шоу стали неотъемлемой частью жизни россиян. «Моральные ценности» теперь доносили до масс герои сериалов, рекламы и шоу-программ. А мнение «независимых экспертов» различных ток-шоу постепенно заменило нравственные основы человеческих взаимоотношений, пересилив влияние произведений русской классической литературы. В дальнейшем появление доступного Интернета и отсутствие цензуры разрушительно сказались на развитии личности подрастающего поколения. Таким образом, научно-технический прогресс и культурные трансформации привнесли в жизнь людей как достоинства, так и недостатки. Научно-технический прогресс позволил сократить физические и социальные дистанции. Возросли межкультурные контакты и международные взаимодействия. Культурные обмены стали происходить в глобальных масштабах благодаря массовой информации, современным средствам связи и дистанционному образованию.

Метафоры семантического поля «Телевидение, кино, Интернет»

«Мы росли, в голубом и улыбчивом свете «Огоньков», «Кабачков», КВН. ...дети страшеньких лет забуревшей России, Фантомасом взращенный помет» (Т. Кибиров). – Телепередачи «Огонек» и КВН в 90-е гг. XX в. все еще можно было увидеть в ротации российских телеканалов, а вот «Кабачки» остались в 80-х гг. XX в. Кроме того, нельзя не отметить, что любовь российского зрителя к французскому кино осталась неизменной.

«Как-то так уживалась Прекрасная Дама с той, из порнографических карт дамой пик с несуразно большой грудью» (Т. Кибиров). – Упадок нравственных ценностей и мнимая свобода в 90-е гг. XX в. повлекли за собой появление видеокассет порнографического содержания на рынках и в магазинах российских городов, что негативно повлияло на развитие личности и психику подрастающего поколения.

«Твоих волос густой и тонкий шелк рекламе уподоблю я кичливой «Проктер энд Гэмбл» продукции» (Т. Кибиров). – Реклама на российском телевидении – феномен 90-х гг. XX в. В эти годы на ТВ появилось новшество – короткие рекламно-информационные сюжеты, вызывающие, скорее, критику и раздражение зрителей. Рекламу на первых порах смотрели вынужденно, затем появился интерес – зрители намеренно ждали новые рекламные ролики. Уже в 2000-е гг. XXI в. реклама стала искусством – присуждались награды за лучшие ролики. Рекламу смотрели в кинотеатрах по несколько часов подряд. Были и негативные отклики на рекламную деятельность; позднее в России была запрещена реклама алкогольной и табачной продукции. Эффект 25-го кадра – невидимое воздействие на зрителей – широко обсуждался и порицался.

«Атлас нежнейшей кожи подойдет как раз рекламе «Лореаль» и мыла «Фриско»... прыжки через канаву – «Адидас» использовать бы мог почти без риска. А ласковость и резвость – только «Вискас» (Т. Кибиров). – Телевидение 90-х гг. XX в. невозможно представить без этих близких каждому россиянину слов – Вискас, Лореаль, Фриско, Адидас, Проктер энд Гэмбл. В каждом доме и каждой семье реклама данной продукции сопровождала семейные ужины, просмотры кинофильмов, празднование Нового года и другие события.

«И вот уже благодаря у-шу китаец совладал с нечистой силой по НТВ... Помнишь?», «Утренней почты» воскресные звуки, ждешь, что будет в конце» (Т. Кибиров). – Любимыми героями боевиков 90-х гг. XX в. являлись Джеки Чан и Брюс Ли. Фильмы с их участием были в ротации многих каналов, поскольку россияне уважали и восхищались боевыми возможностями известных китайских актеров. Умение бегать по стенам или левитировать в воздухе казалось зрителям невероятно захватывающим, поэтому фильмы с их участием нравились и детям, и взрослым. Так как в первой половине 90-х гг. XX в. на территории РФ не вещалось MTV, все новые и современные видеоклипы зрители ждали и с удовольствием просматривали в рамках телепередачи выходного дня «Утренняя почта». «Смотреть» музыку – еще одно телевизионное новшество 90-х гг. XX в.

«А Говорухин бедный Россию потерял на склоне лет» (Т. Кибиров). – Станислав Сергеевич Говорухин – советский и российский киноактер, режиссер театра и кино, сценарист, продюсер, политический и общественный деятель. На его счету талантливые и широко известные киноработы – «Ворошиловский стрелок», «Благословите женщину», «Место встречи изменить нельзя» и др. В них автор поднимает серьезные социальные темы и проблемы. Кроме кинематографа в 90-е гг. XX в. он являлся автором и ведущим телевизионных передач, где не раз заявлял, что прежняя страна потеряна навечно – её не вернуть. Размышляя о том, как

выбраться из кризиса 90-х гг. XX в., он поднимал острые социальные вопросы, открыто критиковал действия правительства и государства. Впоследствии им был снят ещё один художественный фильм, закрепивший его мнение по поводу развала СССР и кризиса России, – «Конец прекрасной эпохи».

«Ведущий программы «Смак» даёт мне правильный совет не прогибаться впредь пред миром этим злющим» (Т. Кибиров). – Любимую российским зрителем в 90-е гг. XX в. телепередачу «Смак», посвященную кулинару, на протяжении многих лет вел всеми известный солист популярной рок-группы «Машина времени» Андрей Макаревич. В одной из его песен есть слова о том, что было бы удобнее, если мир прогнется под нас, а не мы под него. Автор стихотворения поддерживает А. Макаревича.

«Кто рейтинг не суёт под нос нам, гляди, здоровый, мол, какой» (И. Иртеньев). – Я пью за тех, кого не купишь, поскольку куплены давно. В 2000-е гг. XXI в. все продается и покупается, в том числе рейтинги на ТВ. Поэтому любая информация из телевизионных программ не воспринимается буквально, подвергается сомнению; у россиян возникает скептическое отношение к телевидению.

Конечно, говоря о современных технологиях, в частности об интерактивном телевидении и интернет-ресурсах в позитивном аспекте, нельзя не обратить внимание на возможные отрицательные последствия данных технологий. Хотя они и являются частью культуры с первого взгляда, но, всмотревшись в глубину, можно обнаружить, что зачастую они перемещают нас за ее пределы. СМИ утратили свои нравственные культурно-обогащающие функции – вместо культурно-исторических, интеллектуальных телевизионных программ телевидение транслирует сомнительные телешоу, однодневные сериалы, рекламу и различного рода иной контент, направленный не на развитие личности и её кругозора, а на упадок нравственности и потерю всяческих благочестивых ориентиров.

Метафоры семантического поля «Экология»

«И на закате дым химкомбината подскажет нам, что значит Красота» (Т. Кибиров). – Загрязнение окружающей среды привело к многочисленным экологическим катастрофам, особенно в период заключительного десятилетия XX в. Сюда можно включить загрязнение почв, рек, озер, морей и океанов, пагубное воздействие на животный и растительный мир планеты в целом. Уровень технологий повышается – экологические проблемы расширяются.

«АЭС взрывались... Бездны на краю» (Т. Кибиров). – Самыми крупными взрывами на рубеже веков являются взрывы на Чернобыльской АЭС в 1986 г. и Фукусиме-1 (Япония) в 2011 г.

Таким образом, культура конца XX – начала XXI в. неоднозначна, хотя ярка и многообразна. 90-е гг. XX в. навсегда останутся сложным переходным этапом, периодом духовно-нравственного упадка, заката советской культуры. «Нулевые» – следующая ступень в развитии личности и страны в целом. В общем хаосе намечается некая системность, структурность, надежда на стабильность и новую жизнь. Если вспомнить знаменитое высказывание Б. Ельцина «Я подниму Россию с колен», то можно сказать, что в 2000-е гг. XXI в. страна стала подниматься из того «болота», в котором оказалась в 90-е гг. XX в. Новая Россия отчасти впитала в себя как базовые традиции русской культуры, так и основные особенности советской культуры, постаралась учесть все не пройденные уроки прошлого и двинуться дальше. Все это станет основой нового российского государства XXI в. Интерпретация метафор поэтических текстов в полной мере репрезентировала основные черты культуры России конца XX – начала XXI в. Таким образом, продемонстрирована динамика ценностных установок россиян, смещение их в сторону материальных и телесно-ориентированных, что подтверждено формированием и анализом метафорических семантических полей, демонстрирующих культурные особенности России конца XX – начала XXI в. Сущность метафорического образования в полной мере способна передать авторский замысел. Необходимо раскрывать сущность метафор, иначе понимание поэтических текстов будет неполным, подтексты не будут учтены. Декодирование метафорических конструкций передаёт социокультурные особенности, события, обстановку, проблематику отдельно взятой эпохи.

Выводы по главе 2

Переходные периоды на стыке столетий являются особенно напряженными на всех уровнях развития государства. Культура, политика, общество, наука, экономика – все сферы жизни общества претерпевают изменения. Начало XX в. отмечено особо бурным развитием по всем направлениям жизнедеятельности. Если говорить о культуре, то необходимо отметить разнообразие социокультурных процессов в обществе и одновременно упадок традиционных культурных ценностей. Поэтическая культура на этом фоне особенно ярко выделялась благодаря Серебряному веку в литературе и искусстве. Серебряный век обогатил отечественный литературный процесс такими направлениями, как символизм, акмеизм, футуризм, авангардизм и пр. Нельзя не отметить появление плеяды выдающихся поэтов и писателей, чьи имена навсегда останутся в списках классической русской литературы, обогативших не только российскую, но и мировую культуру.

В целом рубеж и начало XX столетия – период поисков и становления советской культуры и искусства, организации объединений со своими особенностями и видением мира. Это период перехода и небывалых трансформаций в жизни общества, разрушения старой жизни и становления новой системы, принятия новых правил и законов, где с одинаковым размахом сочетались радость и печаль, уныние и возрождение, разочарование и новые надежды, гибель и возрождение жизни, чего не скажешь об окончании XX в. Безусловно, период конца XX – начала XXI в. также является периодом перехода и трансформации, однако он омрачен регрессом, упадком и потерей многих ценностей советского периода, что ярко отразилось в метафорических конструкциях поэтических текстов. Рассмотрена теория переходности в целях определения переходных этапов в России, а также особенности их репрезентации в авторских поэтических текстах для дальнейшего выявления восприятия этих кризисных этапов современной студенческой молодёжью.

Метафорическая конструкция – уникальный элемент поэзии, дающий дополнительную культурологическую информацию, раскрывающий авторское мировосприятие, мироощущение и мировоззрение. Содержательная сторона метафоры раскрывается с помощью семантической классификации групп метафорических полей. Картина мира автора, как уже говорилось, выражает его взаимоотношение с миром, особенности его личности, его проявлений, что позволяет исследовать человеческий фактор в языке. Язык – зеркало культуры, отражение авторской картины мира. Языковые единицы как система значений представляют языковую картину мира, сформировавшуюся из картины мира, которая сложилась путём взаимодействия всех представлений человека о мире. Картина мира отражается в индивидуально-авторской метафоре. Метафора – источник для исследования особенностей социокультурной реальности начала XX в., что немаловажно для построения общей языковой картины мира определенного периода и культуры. Поэтические образы и индивидуально-авторские метафоры репрезентируют окружающую обстановку авторского бытия, сущность поэтической метафоры в авторском понимании мира в контексте стихотворного текста. Каждому временному периоду соответствует определенное метафорическое своеобразие и индивидуальная смысловая наполненность. Метафора – стержень образной системы поэта, в котором отражено метафорическое видение мира. Метафоры не только раскрывают авторскую идею, выявляют сущность событий и понятий, несут эстетическую функцию, но и транслируют имплицитные оттенки смыслов, в некоторых случаях передают подтексты. Путём интерпретации образов метафорических образований нами были выделены семантические метафорические поля, репрезентирующие социокультурное про-

странство России конца XIX – начала XX в. и конца XX – начала XXI в. Формирование семантических полей метафорики поэтических текстов позволило выявить основные культурные доминанты, передаваемые через метафорические образы, что открыло возможность определить специфику социокультурных реалий России исследуемых временных периодов. С помощью интерпретации метафорических образований были репрезентированы социокультурные события российской истории и культуры рубежей XIX–XX и XX–XXI вв., переданы особенности культуры и основные ценности общества. Метафорические конструкции транслируют культуру разных народов и государств. В частности, нами было проанализировано несколько китайских поэтических текстов на предмет выявления и интерпретации метафорических конструкций. Таким образом, деконструкция метафорических образований поэтических текстов определенного периода позволяет выявить скрытый смысл, ключевые идеи, идеалы и ценности культуры, осуществить их интерпретацию в социокультурном контексте. Проанализированные метафоры и их интерпретации позволили продемонстрировать культурно-исторические события российского государства на этапах смены столетий. Культурные трансформации и становление рыночного типа человека в конце XX в. выявили интерес поэтов к двум дополнительным семантическим полям – «Спорт» и «Финансы», продемонстрировав смену ценностных ориентиров современного человека – нацеленность не на духовные ценности, а телесную красоту и материальный достаток. Продемонстрирована динамика ценностных установок россиян, смещение их в сторону материальных и телесно-ориентированных, что подтверждено формированием и анализом метафорических семантических полей, демонстрирующих культурные особенности России переходных периодов. Декодирование метафорических конструкций передает социокультурные особенности, события, обстановку, проблематику отдельно взятой эпохи, помогает осмыслить основной событийный ряд и всю социальную напряженность переходных периодов из века в век.

Глава 3. АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

3.1. Ассоциативный эксперимент как способ отражения социокультурной реальности

На втором этапе эмпирического исследования мы попытались с помощью использования лингвистического ассоциативного эксперимента выявить взаимосвязи между понятиями, используемыми в проанализированных нами метафорических авторских конструкциях, и реакциями на их восприятие (как слова-стимулы у современной молодёжи г. Владивостока). Данный вид эмпирического исследования позволяет определить отношение носителей соответствующей культуры к различным социальным явлениям, выраженное в родном языке. Таким образом, можно проанализировать представления современной молодёжи о российской культуре в сложные для страны периоды трансформаций. Причём установить специфику отношения молодёжи не только ко времени, в котором живет молодёжь, но и к этапу революционных событий конца XIX – начала XX в.

Данный эксперимент обоснован тем, что разнообразные ассоциации устанавливаются у индивидуумов в процессе приобретения ими субъективного опыта жизнедеятельности как индивидуального, так и коллективного, обусловленного социокультурным контекстом. Метод проективных исследований получил своё развитие благодаря психоанализу, в частности практической деятельности З. Фрейда, отмечавшего, что ассоциации являются проекцией неосознаваемого содержания сознания. Дальнейший вклад в развитие метода свободных ассоциаций внес К. Г. Юнг. Причём в классическом варианте данного метода исследования от участников требуется свободный быстрый ответ – реакция на услышанное слово-стимул.

Если этим методом пользуются психологи, то для них важны не только слова-стимулы, но и поведение человека, его необычные реакции –

смех, паузы в речи, демонстрация беспокойства, различных аффективных реакций. Опыт проведения ассоциативных экспериментов в психолингвистике показывает, что лишь немногие ассоциации бывают уникальными, большинство ответов типичны. Подсчёт результатов позволяет установить частоту употребления каждого слова-реакции, при этом самые частотные реакции считаются культурно обусловленными.

Метод проективных исследований был разработан в научной школе В. Вундта [35, с. 78]. Его суть заключается в том, чтобы участники эксперимента дали спонтанные слова-реакции на предлагаемое слово-стимул. Последователи В. Вундта развивали этот метод психолингвистики, признанный в дальнейшем междисциплинарным. Он широко использовался не только в психолингвистике, но и социологии, культурологии. Актуальность метода можно объяснить относительной простотой проведения, не требующей специальных условий и оборудования; возможностью внедрения его результатов в различные гуманитарные исследования. В настоящее время метод получил широкое применение в исследованиях российских и западных учёных не только в психологии, психолингвистике, социологии, но и в культурологии.

Так, Т. В. Попова обосновывает характеристики ассоциаций, которые позволяют применять их в процессе культурологических исследований: «...ассоциация – это не изначальный и не единственный механизм формирования и функционирования психических явлений, а одна из конечных или промежуточных форм их протекания, сложившаяся в составе целостной предметной деятельности индивида, <...> ассоциация – следствие, а не причина образованности ...» [107, с. 70].

В результате ассоциативной организации вербальных связей происходит репрезентация модели хранения информации в памяти. В силу этой причины ассоциативные исследования являются источниками уникальной культурологической информации, в которой представлены специфические особенности культуры, обладающие высокой степенью актуальности [238, с. 340].

Вслед за культурологом Л. А. Городецкой, утверждающей о необходимости применения ассоциативного эксперимента как одного из методов культурологического исследования, мы полагаем, что этот проективный метод позволяет через неконтролируемые ассоциации выявить символическую или прямую проекцию внутреннего содержимого сознания респондентов [212, с. 23]. Это свойство даёт возможность использовать ассоциативный эксперимент для обнаружения и описания аффект-комплексов. В силу вышесказанного применение ассоциативного эксперимента в культурологических исследованиях является эффективным и перспективным методом исследования. В рамках настоящего исследова-

ния для выявления представлений о культуре переходных этапов был применен свободный ассоциативный эксперимент. Результаты анализа проведенного нами эмпирического исследования представлены в данной главе монографии.

Далее обратимся к интерпретации результатов ассоциативного эксперимента, проведенного по методике свободных ассоциаций, возникших в ответ на слова-стимулы, выявленные нами в текстах поэтов переходных для России культурных периодов. Ассоциативный эксперимент в совокупности с другими методами исследования позволяет полнее раскрыть особенности культуры России в указанные временные периоды. Теоретические предпосылки целесообразности его применения в культурологическом исследовании рассмотрены выше. Наше исследование не только предполагает рассмотрение того, как культура России отразилась в поэтических текстах, а значит, и в авторских картинах мира, но и нацелено на выяснение того, совпадают ли эти образы, выявленные при осуществлённой нами интерпретации, с образами-представлениями о культуре переходных для России периодов в сознании современной российской молодёжи.

Н. В. Уфимцева говорит о важности проведения такого рода эксперимента в рамках культурологического исследования: «...получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент образа мира того или иного этноса, отражённого в сознании носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов...» [238, с. 344]. Ассоциативный эксперимент дает возможность выявить ассоциативные поля, демонстрирующие национальную культуру соответствующих трансформационных периодов. Вслед за Л. А. Городецкой и Н. В. Уфимцевой мы полагаем, что ассоциативный эксперимент особенно актуален в исследовании какого-либо феномена культуры. Таким образом, мы придерживаемся предложенной Л. А. Городецкой методики реализации ассоциативного эксперимента в культурологическом исследовании.

Теоретические основы моделей ассоциирования носителей определенной культуры обосновала также А. А. Залевская [61, с. 67]. По ее данным, ассоциации носят либо парадигматический, либо синтагматический характер. Парадигматические ассоциации могут образовать отношения синонимии, антонимии, гиперонимии, гипонимии. Кроме того, ассоциации во многом национально детерминированы и маркированы, и в силу этого они будут различаться у представителей разных культур. Так, реакция на хлеб у русских – соль, у французов – вино, у немцев и американцев – масло, у узбеков – чай.

Различают свободный, направленный и цепной ассоциативные эксперименты. Каждый из них имеет свои достоинства и недостатки, а также

решает свою определенную задачу. Например, направленный ассоциативный эксперимент ограничивает свободу процесса ассоциирования и как бы «направляет» ассоциации в нужное русло. В цепном ассоциативном эксперименте испытуемому предлагается ответить за ограниченный временной промежуток любым возможным количеством слов. В свободном ассоциативном эксперименте требуется как можно быстро ответить первым пришедшим в голову словом-реакцией на предъявленное слово-стимул.

Важным является выявление общих моделей ассоциирования, представленных и, в частности, доминирующих в тех или иных культурах. Можно выделить наиболее общие для носителей данной культуры стратегии ассоциирования, проведя масштабный ассоциативный эксперимент с отвечающим цели исследования списком стимулов и репрезентативной выборкой респондентов. Требованиям эксперимента будет соответствовать человек, языковое сознание которого имеет культурную специфику, человек, с рождения включенный в данную культуру, а значит, человек, для которого его язык является родным, так называемый «native speaker».

Что касается ассоциативного исследования образа России, необходимо отметить, что в русской лексикографии не существует ассоциативных словарей, в которых реализована поставленная нами задача, а также практически нет лингвокультурологических исследований образа России в разные периоды времени и его отражения в сознании современных россиян. В силу вышеизложенной причины проводимый нами ассоциативный эксперимент является актуальным для теории и истории культуры и значимым как метод подхода к исследованию образа России в культурном пространстве переходных эпох и заявленной проблематики в культурологии.

Одной из дальнейших задач, которую мы осмысливали, – было стремление полученный нами материал использовать в дальнейшем в воспитательной работе с молодёжью в процессе образовательной деятельности. В связи с этим респондентами в нашем исследовании стали студенты. Причём учитывались реакции на слова-стимулы тех представителей студенческой молодёжи, для которых русский язык является родным. Этническую принадлежность мы не брали во внимание.

Для соблюдения репрезентативности выборки мы привлекали к участию в эксперименте молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет (студенты ВГУЭС разных направлений подготовки). Но, прежде чем проводить эмпирическое исследование, мы обратились к теории поколений, позволяющей глубже понять особенности студенческой молодёжи, которая будет участвовать в ассоциативном лингвокультурологическом эксперименте.

Теория поколений – это концепция, обосновывающая историко-культурную динамику людей, систематизирующая и описывающая их уникальные характеристики, ценностные и смысложизненные установки,

убеждения и поведенческие особенности, определяющиеся социальной и исторической средой их проживания. Изучение теории поколений помогает лучше понять, как формируются и эволюционируют общественные представления и сменяются ценности из поколения в поколение.

А. Н. Афанасьева определяет понятие «поколение» как «...объективно складывающуюся конкретно-историческую совокупность близких по возрасту и сформировавшихся в один и тот же исторический период людей, характеризующуюся специфическими демографическими чертами» [11, с. 20]. Поколенческая группа – это возрастная группа, объединенная схожим процессом социализации в определённых социально-исторических условиях, но характеризующаяся разной степенью включённости в эти условия.

Важными показателями принадлежности к соответствующей поколенческой группе являются как внутренняя субъективная идентификация индивидов, так и внешняя, объективно выявляемая с определённым поколением. Признаками принадлежности к поколениям являются: соответствующие возрастные границы (старшее, среднее, младшее); принадлежность к определённым историко-культурным событиям (кризис и смена власти, религии, потеря человеком веры в будущее, трансформация нравственных ценностей, войны, революции); определённая степень включённости в эти события, а также особенности трудовой деятельности в конкретных социальных и исторических условиях.

Теорию поколений разработали американские ученые Н. Хоув и В. Штраус [215, с. 290]. Она была опубликована в 1991 г. Исследователи проанализировали историю с XVI в. до наших дней и пришли к выводу о том, что общество развивается циклично, а люди, появившиеся на свет в определённый период, имеют подобный тип мышления и схожие ценности. По мнению учёных, поколения сменяют друг друга каждые 20 лет. На людей в соответствующих поколениях влияют одни и те же историко-культурные события, тенденции в обществе. У них схожие модели поведения и общие убеждения. Благодаря жизненному опыту у людей появляется чувство принадлежности к своему поколению. Хронологические рамки поколения этими учеными были определены с учётом значимых для США как родины теории поколений общественно-политических событий, формирующих их, а именно: «великая депрессия», университетские протесты 1960-х, так называемая «революция сознания», экономический подъем в США (1980-е – 2000-е). Эти и другие события формируют, по мнению Н. Хоува и В. Штрауса, следующие поколения: «Молчаливое поколение» (1923–1943), «Бэби-бумеры» (1944–1960), поколение «X» (1961–1981), поколение «Y» или миллениалы (1982–2004), поколение «Z» (2012 г. – н. в.) [215].

Кроме того, существует ещё позитивистский взгляд на теорию поколений. Для всякого позитивиста либерального толка проблема поколений служит прежде всего свидетельством в пользу концепции линейного прогресса. Корни этого типа мысли, который обязан своим существованием импульсам, исходившим от либерализма, находятся в механистически усвоенном, облечённом в конкретную форму представлении о времени, в попытках использовать данное представление в качестве объективного мерилы линейного прогресса, опираясь на возможность выразить его в количественных терминах. Чередование поколений рассматривалось как нечто способствующее упорядочению, а не нарушению линейного течения времени. С этой точки зрения самое важное в чередовании поколений – то, что оно составляет одну из основных движущих сил прогресса. Проблема поколений рассматривается в плоскости существовавшего внутреннего времени, т.е. такого, что нельзя измерить, а можно лишь испытывать в чисто качественном отношении. Сравнительная новизна работ В. Дильтея состоит в том различии, которое он провёл между количественной и качественной концепциями времени [54, с.102]. Поколение как показатель даёт возможность оценивать интеллектуальные подвижки интуитивно, играя роль в соответственном процессе. В детском, юношеском и пожилом возрасте люди испытывают одни и те же господствующие влияния, вызванные преобладающими условиями интеллектуальной, социальной и политической жизни. Они современники, составляют одно поколение и именно поэтому подвержены общим влияниям. Эта мысль, согласно которой, с точки зрения истории идей, быть современниками – значит подвергаться одинаковым влияниям, а не просто проживать в том же хронологическом периоде, переводит дискуссию из плоскости, в которой существует угроза её вырождения в своего рода арифметический мистицизм, в плоскость представления о внутреннем времени, доступном для интуитивного понимания. Таким образом, проблема, прежде доступная лишь для математического, количественного подхода, была переориентирована на нечто неисчисляемое, то, что испытывают исключительно посредством переживания. Промежуток времени, который разделяет поколения, становится субъективно переживаемым временем, а современность превращается в субъективное условие для одних и тех же определяющих влияний.

Согласно позиции М.Р. Мирошкиной, определяются следующие границы российских поколений: «Поколение революции» (1903–1923), в США им соответствует поколение «Победители» (1903–1923); «Поколение победителей, поколение оттепели» (1923–1940), в США это «Молчаливое» (1923–1943); «Первое послевоенное поколение, поколение холодной войны» (1941–1964), в США это «Беби-бумеры» (1944–1963);

«Последнее советское поколение, поколение перестройки» (1965–1973), в США это «X» (1964–1984); «Первое несоветское поколение» (1974–1985), в США это «Y» (1985–2003); «Цифровое поколение, поколение “Путина”» (1986–2014), в США это «Z» (2004–2024) [92, с. 67].

В нашем исследовании принимали участие представители студенческой молодёжи г. Владивостока, относящиеся к поколению «Z», которых отличают следующие характеристики: адаптивность, активное применение Интернета, склонность к ранним заработкам, частым депрессиям, мультизадачность, при этом плохая концентрация, дистанцирование от предыдущих поколений [Там же]. Это творческие, креативные, люди, готовые разрушать устоявшиеся социокультурные стереотипы, открывать новое и неизведанное, не задумываясь о комфорте. Представители поколения «Z» делают то, что им нравится, невзирая на последствия. Отсюда и такие черты «зумеров», как нарциссизм и эгоизм [Там же].

Известно, что во многих культурологических исследованиях результаты, полученные в определённой группе испытуемых, могут быть перенесены на национальную культуру в целом. Необходимо отметить, что в ходе проведения эксперимента мы просили участников написать основные ассоциации к приведенным понятиям-стимулам. Полученные результаты были разделены на две группы. Всего в эксперименте приняли участие 400 человек; количество проанализированных слов-реакций – 5200. Мы полагаем, что данные, полученные в результате опроса молодёжи, являются особо ценными, так как эта возрастная категория, как правило, не имеет большого опыта личного общения с бюрократическими структурами и достаточно свободна от «навязанных» в обществе стереотипов.

Привлечение студентов вуза в качестве респондентов соответствует принципу проведения ассоциативного эксперимента составителями «Русского ассоциативного словаря», которые использовали ответы студентов для создания своего четырёхтомника. Данные исследователи отмечают, что «студенты – это творцы будущей культуры, поэтому понимание их представлений о культуре даёт возможность прогнозирования развития культуры в ближайшем будущем...» [251, с. 235].

Испытуемым давалась следующая инструкция, предложенная В.П. Серкиным: «после того как Вам будет предъявлено ключевое слово (стимул), напишите как можно быстрее пришедшие Вам в голову слова, связанные с ключевым. Говорите все, что приходит Вам на ум, не относясь к этому критически, даже если Вам кажется, что это бессмысленно, не имеет отношения к теме, неудобно или неприятно. Внимание, ключевое слово» [124, с. 214]. Перед произнесением ключевого слова испытуемым зачитывались соответствующие авторские поэтические тексты.

Обосновывая репрезентативность ассоциативного эксперимента, В.П. Серкин приводит следующий пример: при подкидывании обычной монеты вероятность выпадения «орла» или «решки» равна примерно 0,5, т. е. я не могу достоверно утверждать, что сейчас выпадет «орёл», так как вероятность ошибки равна 50 %. Но если я утверждаю, что при 100 опытах «орёл» выпадет не менее 30 раз, то моё утверждение становится более достоверным. Если же я утверждаю, что при 100 опытах «орёл» выпадет не менее 1 раза, то вероятность ошибочности моего утверждения – всего 1 % [Там же]. Такие утверждения в современной психологии на уровне статистических требований считаются достоверными (при $p = 0,01$). Словарный запас современного человека составляет десятки тысяч слов. Но, повышая вероятность случайной ассоциации, предположим, что ассоциации актуализируются только из активного словарного запаса – это несколько тысяч слов, т. е. вероятность случайной ассоциации – менее одной тысячной. Интуитивно понимая это, З. Фрейд считал, что случайных ассоциаций не существует вообще [231, с. 315].

В.П. Серкиным даётся формула, позволяющая обосновать значимость полученного количества ассоциаций в зависимости от количества участвующих в эксперименте респондентов:

$$-v \geq 2 + \ln(n) / 2, 3,$$

где v – частота встречаемости ассоциации в группе;

n – количество испытуемых в группе) [Там же].

Таким образом, подставляя в данную формулу экспериментальные данные, мы можем утверждать, что при выполнении соотношения данная ассоциация заведомо неслучайна в групповом ассоциативном поле при $p = 0,01$. При реальных исследованиях мы видим, что количество ассоциаций увеличивается почти по линейному закону. Это происходит потому, что вообще языковое семантическое поле человека ограничено несколькими тысячами слов. При увеличении количества испытуемых общее количество возможных ассоциаций не увеличивается, поэтому увеличивается частота их встречаемости (неслучайности) в группе. Для многих тысяч испытуемых почти все ассоциации будут неслучайными (табл. 3.1). В реальных исследованиях нас интересует специфика не всего человечества, а специфика оценки выбранной группы испытуемых. Поэтому для межгруппового сравнения ассоциативных оценок или описания специфичности ассоциативной оценки группы практически имеет смысл обсуждать не все из значимых, а несколько наиболее частотных (высоковероятных) ассоциаций. Для формальных процедур их значимость доказывается по вышеуказанной формуле [Там же].

**Значимое количество ассоциаций в группе в зависимости
от количества испытуемых**

Количество испытуемых –n	Уровень значимости	Значимая (неслучайная) частота ассоциаций, обозначаемая –v
От 5 до 99 человек	$\rho = 0,01$	$v = 4$
От 100 до 992 человек	$\rho = 0,01$	$v = 5$
От 993 до 9897 человек	$\rho = 0,01$	$v = 6$

Таким образом, можно сказать, что результаты проведенного нами эксперимента являются репрезентативными, так как минимальный уровень статистической значимости соответствует коэффициенту $\rho = 0,05$.

**3.2. Репрезентация российских социокультурных
реалий начала и конца XX – начала XXI века
посредством ассоциативного эксперимента**

Известно, что в репрезентативных исследованиях результаты, полученные в определенной группе испытуемых, могут быть перенесены на национальную культуру в целом. Необходимо отметить, что в ходе проведения эксперимента мы просили участников написать основные ассоциации к приведенным понятиям-стимулам. Полученные результаты были разделены на две группы.

В первую группу (Россия конца XIX – начала XX в.) вошли словареакции на понятия-стимулы, взятые из поэтических текстов о российской культуре конца XIX – начала XX в. Вторая группа (Россия конца XX – начала XXI в.) включает реакции на слова-стимулы из метафорических конструкций поэтических текстов, характеризующих социокультурное пространство России конца XX – начала XXI в.

В ходе проведения ассоциативного эксперимента респонденты записывали реакции на слово-стимул, при этом 50% респондентов участвовали в очном эксперименте, записывая реакции в присутствии исследователя, 50% участников эксперимента работали дистанционно, отправив зафиксированные реакции по электронной почте. Каждый респондент мог дать не более одной реакции на одно слово-стимул, поскольку большее количество ответов требует определенной степени обдумывания и в силу этого теряется элемент спонтанности, который «является одним из обязательных условий ассоциативного эксперимента».

Обратимся к рассмотрению первой группы результатов, где представлены реакции на понятия (слова-стимулы), связанные с историей и культурой России конца XIX – начала XX в. В эту группу вошли 400 респондентов (из числа студенческой среды ВГУЭС), которые предоставили по одному слову-реакции к каждому из предложенных понятий: общество (процессы в обществе), Россия (образ, общее состояние), научно-технический прогресс, политика, религия. Кроме того, после проведения эксперимента среди современной молодёжи Владивостока был проведён устный опрос с целью разъяснения и уточнения некоторых их письменных ассоциаций.

Общество (преобладающие процессы в российском обществе) в конце XIX – начале XX в. В данной группе было выявлено 20 слов-реакций, среди которых наибольшее количество набрало слово-реакция «экономическое и промышленное развитие» – 73 (18,25%), а наименьшее – «крестьянское сословие» – 5 (1,25%). Одна часть слов-реакций – с положительным значением, другая часть – с отрицательным. Слова-реакции с положительным значением: «экономическое и промышленное развитие» – 18,25%, «новое государство» – 4,25%, «просвещение» – 3,5%, «урбанизация» – 3,75%, «развитие культуры» – 3%, «рост населения» – 1,25%, «крестьянское сословие» – 1,25%. Слова-реакции с отрицательным значением: «гражданская война» – 13%, «классовость общества» – 10%, «бунт» – 8,75%, «воровство» – 1,75% (приложение 1, табл. П.1.1). Таким образом, позитивное отношение к происходящим изменениям мы видим у 35,25% молодёжи. 33,5% респондентов воспринимают этот период как негативный для страны, вызвавший такие процессы, как воровство, гражданская война, классовость общества. Слова-реакции: «перепись» – 2,5%, «народные движения» – 2,5%, «изменения» – 6,5%, «аграрность» – 2,5% и другие мы не можем отнести к определенной категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в них опрошенные.

Общество начала XX столетия ассоциируется у молодёжи преимущественно с индустриализацией и гражданской войной, а также с классовостью, что в полной мере отражает ту социокультурную реальность, с которой столкнулся советский народ в исследуемый временной период. Остальные ассоциации также соответствуют общественным процессам в России начала XX в.

По результатам эксперимента можно сказать, что небольшой процент молодёжи обратил внимание на разделение общества на интеллигенцию и рабочий класс, появление нового государства, развитие экономики и просвещения, изменения в стране в целом. Особое внимание вызвали слова-стимулы «индустриализация», «гражданская война» и «классовость общества».

Россия (ассоциации относительно ее образа в вышеуказанный период). В данной группе было выявлено 25 слов-реакций, среди которых наибольшее количество имеет «монархия» – 45 реакций (11,25 %), а наименьшее – «крах империи», «монополия» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «экономическое и промышленное развитие» – 8,5 %, «могущество» – 5,75 %, «крестьянское сословие» – 4 %, «урбанизация» – 3,25 %, «выход из стагнации» – 3 %, «французский язык» – 0,75 %, «развитие культуры» – 0,5 %, «простор» – 0,25 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «расслоение общества» – 8 %, «революция» – 7,5 %, «кризис» – 7,25 %, «гражданская война» – 5 %, «неустойчивость» – 4,5 %, «бедность» – 0,75 %, «монополия» – 0,25 %, «крах империи» – 0,25 %. Кроме того, были выявлены и другие слова-реакции, не демонстрирующие явного отношения к данному периоду: «монархия» – 11,25 %, «буржуазия» – 3,75 %, «аграрное государство» – 2,5 % (приложение 1, табл. П.1.2).

Россия начала XX столетия ассоциируется у современной молодёжи с монархией, переходящей в советскую систему. По их мнению, нельзя говорить о России начала XX в. только в рамках советской системы; в этот период важнейший империалистический этап жизни страны пришёл к своему завершению, но окончание правления семьи Романовых повлекло за собой глобальные изменения в судьбе России и её народа. Преодолевая кризис и гражданскую войну, страна уверенно шла к новому этапу своей жизни, к построению сильного, успешного советского государства и общества. Перед страной как никогда стояли серьёзные задачи, облик России заметно менялся в глазах всего мирового сообщества. Подобное позитивное отношение к происходящим изменениям мы видим у 26 % молодёжи. 33,5 % респондентов воспринимают этот период как негативный для страны, вызвавший такие процессы, как гражданская война, революция, кризис, бедность, неустойчивость.

Настроение (российского человека в данный период). В этой группе было выявлено 15 слов-реакций, среди которых наибольшее количество ассоциаций имеет «недовольство» – 86 (21,5 %), а наименьшее – «тревога» 3 (0,75 %). Слова-реакции с положительным значением: «эмоциональный подъем» – 8,75 %, «вера в будущее» – 3 %, «терпение» – 3 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «недовольство» – 21,5 %, «подавленное состояние» – 11,25 %, «страх» – 9,75 %, «чувство неопределённости» – 7,25 %, «бунтарское настроение» – 6 %, «отчаяние» – 5,25 %, «смуты» – 4,25 %, «заговорческое настроение» – 2,5 %, «тревожное настроение» – 0,75 %. Можно отметить, что позитивное восприятие наблюдается у 14,75 % опрошенных, представивших слова-реакции «эмоциональный подъём» и «вера в будущее». У 68,5 % респондентов наблюдается негативное восприятие. Слово-реакцию «революционное», полученное

в 14 % случаев, мы не можем отнести к определённой категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в него опрошенные (приложение 1, табл. П.1.3).

Респонденты разъяснили свои ассоциации следующим образом: во время кризисов и сложных преобразований настроение у людей в большинстве случаев подавленное. Человек испытывает недовольство происходящим особенно тогда, когда результаты ещё не видны и в них с трудом верится. Конечно, вера в светлое будущее воодушевляет, и кто-то вместо того, чтобы впасть в уныние, чувствовал эмоциональный подъём, кем-то двигали патриотические чувства – настроение было революционным, приподнятым. Других не отпускало чувство страха перед неизвестным, непонятным будущим. Кого-то терзали сомнения – сложно было определиться с дальнейшим выбором. В целом ассоциации современной молодёжи, связанные с этим временем, свидетельствуют о недовольстве масс, смятении их чувств.

Научно-технический прогресс (новшества, возникшие в данный период). В представленной группе было выявлено 18 слов-реакций. Из них наибольшее количество реакций имеет «автоматизация» – 51 (12,75 %), а наименьшее «отставание» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «автоматизация» – 12,75 %, «индустриализация» – 11 %, «электрификация» – 10 %, «радио и телефон» – 9,75 %, «железная дорога» – 8,25 %, «развитие» – 7,5 %, «кинематограф» – 6,25 %, «освоение космоса» – 5,25 %, «расцвет химической промышленности» – 5 %, «самолет» – 4,25 %, «развитие производства» – 3,75 %, «открытия» – 3,25 %, «медицина» – 2,5 %, «развитие флота» – 1,75 %, «генная инженерия» – 1,25 %, «градостроительство» – 0,25 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «отставание» – 7 % (приложение 1, табл. П.1.4). Таким образом, позитивное восприятие наблюдается у 92,75 % опрошенных, представивших слова-реакции: «автоматизация», «медицина», «открытия» и пр. Всего 7 % респондентов воспринимают негативно состояние научно-технического прогресса данного временного этапа.

Развитие науки и техники в начале XX в., по мнению молодёжи Владивостока, отличается особенно активными процессами в разных сферах жизни: химии, медицине, промышленности, технических средствах. Особенно это касается автоматизации на предприятиях: появление телефонов, разнообразной техники облегчило работу человека во много раз и позволило развить различные отрасли хозяйства и человеческой деятельности – сельское хозяйство, лесопромышленность, производство, медицину и науку. В целом начало XX в. характеризуется огромным подъёмом промышленного хозяйства и производства. Появлялись первые автобусы, радио, начались авиаперевозки, активно шло изучение космического про-

странства, велась разработка вакцин, появлялись новые эффективные лекарственные препараты. Индустриализация с автоматизацией активно внедрялись в процесс человеческого бытия. Строились новые города, люди переселялись из деревень, чтобы чувствовать комфорт и получать удовольствие от обычной будничной жизни. Активно развивалась городская архитектура – возводились многоэтажные здания, в городах развивалась реклама, расширялась сфера услуг и развлечений. Зарожден один из значимых элементов культуры XX столетия – кинематограф.

Политика (особенности в данный период). Группа имеет 18 слов-реакций, среди которых наибольшее количество было дано слову-реакции «реформы» 75 (18,75 %), наименьшее «ведущая держава» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «реформы» – 18,75 %, «переход к новому режиму» – 3 %, «экономическое и промышленное развитие» – 2,5 %, «крестьянское сословие» – 2,5 %, «образование» – 1,75 %, «Дальний Восток» – 0,25 %, «ведущая держава» – 0,25 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «напряжение» – 9,25 %, «революция» – 7,75 %, «Русско-японская война» – 7,25 %, «неоднородность» (разделение) – 3,75 %, «террор» – 0,75 % (приложение 1, табл. П.1.5). Так, позитивно воспринимают это время 29 % опрошенных. 28,75 % респондентов воспринимают этот период как негативный для страны.

Политика данного периода, с точки зрения опрошенных, как было отмечено выше, отличалась реформами и культурной напряжённостью, что отражено в словах-реакциях. Внешняя политика характеризовалась участием в Первой мировой и Русско-японской войнах. Внутренняя политика сопровождалась не менее драматическими событиями: государственный переворот, свержение монархии, революция, гражданская война, приход к власти большевиков. События этого времени были восприняты современной молодёжью как реформаторские – реформы и изменения сопровождали государство на всем этапе временного периода.

Религия (особенности в данный период). В представленной группе выявлено 7 слов-реакций, среди которых 103 (25,75 %) ассоциации имеет «православная церковь», 23 (5,75 %) – «богоискательство». Слова-реакции с положительным значением: «православная церковь» – 25,75 %, «веротерпимость» – 16,5 %, «богоискательство» – 5,75 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «кризис» – 18,5 %, «атеизм» – 15 %, «ограничения» – 11 %, «неважно» – 7,5 % (приложение 1, табл. П. 1.6). Таким образом, 48 % опрошенных позитивно воспринимают состояние религии данного периода, а 52 % респондентов негативно.

Несмотря на новую идеологию, в которой «прописной истиной» являлось утверждение о том, что религия – это опиум для народа, русские люди продолжали верить в Бога – так рассуждает современная молодёжь

на тему религии. Православие пережило трудные времена атеизма, разрушение храмов, гонение священнослужителей, частичное отречение народа от веры. Безусловно, советское время можно назвать духовным кризисом, но это не говорит о том, что в целом нация утратила веру в высшую справедливость. На окраинах страны функционировали церкви, прихожане не переставали обращаться к священникам, хоть и не так открыто, как раньше. Можно с уверенностью утверждать, что веру и религию в России искоренить не удалось, в отличие от веры в царя и его монархию. Православное христианство остаётся главной религией российского государства, несмотря на многоконфессиональность современности. Учитывая сложный исторический период, ассоциативный эксперимент на восприятие понятия «религия» демонстрирует больше молодёжных ассоциаций с положительным значением, чем с отрицательным, а также связанных с ними метафорических конструкций.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ассоциативный эксперимент полностью отразил основную смысловую наполненность метафорических образований, демонстрирующих социокультурные процессы начала XX в. Среди ассоциаций были обнаружены реакции, указывающие на процессы, которые происходили в обществе и культуре России начала XX в., и их восприятие современной молодёжью. Особенности восприятия этих процессов и отношения к ним были переданы с помощью метафорических образований поэтами-авторами и подтверждены в восприятии данных конструкций (слов-стимулов) у современной молодёжи.

Далее приведем результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление и анализ реакций современной молодёжи на социокультурные события России конца XX – начала XXI в. В эту группу также вошли 400 респондентов, которым было предложено указать слова-реакции на ряд стимульных терминов: общество (процессы в обществе), Россия (образ, общее состояние), религия, человек (настроение), политика, телекоммуникации (телевидение, Интернет), спорт.

Первая тематическая группа с анализом восприятия слова **«общество»** (реакции на слова-стимулы из метафор, демонстрирующих преобладающие в российском обществе процессы). Выявлено 28 слов-реакций, среди которых наибольшее количество ассоциаций имеет слово-реакция «кризис» – 43 (10,75%), а наименьшее – «СНГ» – 1 (0,25%). Слова-реакции с положительным значением: «глобализация» – 3,5%, «рост качества жизни» – 2,75%, «гласность» – 2,25%, «конституция» – 1,5%, «свобода» – 0,75%. Слова-реакции с отрицательным значением: «кризис» – 10,75%, «криминал» – 7,5%, «бедность» – 7,5%, «социальное неравенство» – 6%, «демографический кризис» – 5,75%, «недоверие» – 5,75%, «разочарование» – 3,25%, «распад СССР» – 3%, «растерян-

ность» – 2,5 %, «ОПГ у власти» – 1,75 %, «дефицит» – 0,5 %, «СНГ» – 0,25 % (приложение 1, табл. П.1.7). Можно отметить, что позитивное восприятие наблюдается у 10,75 % опрошенных. У 54,5 % респондентов восприятие негативное. Слова-реакции «изменения» – 8,75 %, «ЕГЭ» – 0,25 %, «постиндустриальное» – 0,75 %, «развитие рыночной экономики» – 5,25 %, «демократизация» – 3,75 % мы не можем отнести к определённой категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в них опрошенные.

Социокультурная реальность конца XX столетия ассоциируется у современной молодёжи с кризисом. И в первую очередь это кризис общественных и культурных ценностей. В связи со сменой идеологии и распадом СССР в 1991 г. произошла деформация человеческих ценностей – прежние были обесценены, а новые еще не успели сформироваться. Период 90-х гг. XX в. наглядно демонстрирует эту ситуацию в обществе, в котором царили хаос, криминал, разврат, снижение уровня жизни, что впоследствии привело к демографическому кризису и полной замене идейных, просветительских, духовных ценностей на рыночные, капиталистические. В общественном сознании деньги и материальные блага переместились на первое место. После советских просветительских идей, всеобщей образованности, любви к чтению, науке и спорту общество частично деградировало и переключилось на низкокультурные телевизионные шоу и музыкальные телеканалы, которые формировали на их основе современные принципы морали и нравственности у подрастающего поколения. Патриотизма в 90-е гг. XX столетия в иерархии ценностей у молодёжи практически не существовало, как, впрочем, и многих других ранее сложившихся ценностных ориентаций советского общества и его культуры.

Вторая тематическая группа с анализом восприятия слова **«Россия»** (ассоциации о ее образе в вышеуказанный период). Выявлено 31 слова-реакция, среди которых наибольшее количество ассоциаций имеет слова-реакция «кризис» – 45 (11,25 %), а наименьшее – «демографический кризис» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «сила» – 5,25 %, «просвещение» – 2 %, «гласность» – 2 %, «простор» – 0,75 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «кризис» – 11,25 %, «разруха» – 7,5 %, «отставание» – 6,5 %, «распад СССР» – 4,75 %, «коррупция» – 4 %, «смута» – 3,75 %, «митинг» – 3,5 %, «конфликт в Чечне» – 3,5 %, «криминал» – 3 %, «ослабление» – 2,75 %, «путч» – 2,5 %, «терроризм» – 2,25 %, «эмиграция» – 2,25 %, «нестабильность» – 1,5 %, «олигархическое государство» – 1 %, «инфляция» – 0,75 %, «упадок ценностей» – 0,75 %, «потеря статуса» – 0,25 %, «дефицит» – 0,25 %, «демографический кризис» – 0,25 % (приложение 1, табл. П.1.8). Так, позитивно воспринимают это время 10 % опрошенных, 62 % респондентов воспринимают этот период

как негативный для страны. Слова-реакции «перестройка» – 6,25 % и «Путин» – 3,75 % мы не можем отнести к определённой категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в них опрошенные.

Если в целом проанализировать полученные у молодёжи ассоциации, а также высказанные ими мнения, то Россия конца XX в. представляется в удручающем положении. В первую очередь наблюдается кризисное восприятие данного времени современной молодёжью. В 2000-е гг. XXI в. ситуация несколько улучшилась, удалось стабилизировать некоторые аспекты жизни общества и государства, в том числе частично ликвидировать криминал, свойственный 90-м гг. XX в., но в целом кардинально изменить жизнь россиян не удалось. Возникшая в 90-е гг. XX в. гласность была нейтрализована в 2000-е гг. XXI в. Усугубилась инфляция, экономика была не стабильна, коррупция развилась во всех сферах, особенно активно в органах власти. О стабильности оставалось только мечтать. Наблюдался серьёзный демографический кризис, что привело к попытке правительства преодолевать эту проблему предоставлением материнского капитала (если в КНР родителям требовалось заплатить государству за появление второго ребенка, то в России правительству приходилось платить семьям за рождение детей). В начале XXI столетия Россия стала олигархическим государством, управляемым несколькими олигархическими кланами. XXI в. начался и продолжался под лозунгом «Единая Россия» – российское государство на мировой арене ассоциировалось, прежде всего, с Президентом В.В. Путиным. Со временем его роль в истории России сформируется более определённо, однако во втором десятилетии XXI в. россияне разделились на два основных лагеря: за него и против, причём «против» с каждым годом существенно возрастает, по мнению современной молодёжи. В первые десятилетия XXI в. формировалась новая идеология, появлялись новые ценности и идеи, что можно охарактеризовать как новое социокультурное пространство, где подрастало новое поколение уже кардинально других (уже не постсоветских) новых русских людей.

Третья тематическая группа с анализом восприятия слова **«настроение»** (российского человека в данный период). Выявлено 20 слов-реакций, среди которых самым многочисленным является прилагательное «подавленное» – 61 (15,25 %), а малочисленным – существительное «чувство безысходности» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «надежда», «вера в будущее» – 8,75 %, «позитивное» – 4,5 %, «спокойное» – 2,5 %, «желание перемен» – 1 %, «улучшения» в XXI в. – 0,75 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «подавленное» – 15,25 %, «непостоянство» – 13,25 %, «недовольство» – 12,75 %, «страх» – 10 %, «негативное» – 7,75 %, «кризисное» – 7 %, «бунтарское» – 6,25 %,

«скептическое отношение к власти» – 3,75 %, «настроение бедности и разрухи» – 2 %, «смута» – 1,5 %, «зависит от социальной принадлежности» – 1,25 %, «страх криминала» – 0,5 %, «деградация» – 0,5 %, «пассивность» – 0,25 %, «заимствование западных умонастроений» – 0,25 %, «чувство безысходности» – 0,25 % (приложение 1, табл. П.1.9). Можно отметить, что позитивно воспринимают настроение (человека) этого времени 17,5 % опрошенных. 82,5 % респондентов воспринимают его как негативное.

Согласно убежденности современной молодёжи Владивостока, настроение россиян по-прежнему нельзя считать однородным. Среди ассоциаций имеется большинство отрицательных, что вызвано нестабильностью и подчас низким уровнем жизни людей. Безусловно, появилось большое количество частных школ, детских садов и больниц для материально обеспеченных граждан, но основное количество россиян продолжает пользоваться бесплатными муниципальными образовательными учреждениями, уровень деятельности и внешний вид которых не особо улучшился с тех пор, как распался СССР. Поскольку социальный уровень жизни не повышался повсеместно, в некоторых населённых пунктах до сих пор полностью отсутствуют инфраструктура и другие социальные удобства, поэтому настроение людей можно охарактеризовать как подавленное. По мнению молодёжи, россияне полностью утратили веру в органы государственной власти, а чиновник стал врагом народа, поскольку зарплата чиновника и обычного менеджера или рабочего отличалась не десятками, а сотнями тысяч рублей, что привело к образованию социальной классовой «пропасти».

Четвертая тематическая группа с анализом восприятия слова **«научно-технический прогресс»** (телекоммуникации, телевидение и Интернет). Выявлено 24 слова-реакции, среди которых наибольшее количество ассоциаций имеет слово-реакция «стремительное развитие» – 40 (10 %), а наименьшее – «поле чудес» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «стремительное развитие» – 10 %, «рунет» – 8,25 %, «интегральные цифровые сети» – 8 %, «свобода слова» – 8 %, «кабельное и спутниковое ТВ» – 6,75 %, «мобильная связь» – 6,25 %, «разнообразие домашней техники» – 3 %, «дешёвые услуги» – 2,75 %, «цветной телевизор» – 2,5 %, «телеканал “Культура”» – 2,5 %, «новые возможности» – 1,25 %, «скорость Интернета» – 0,5 %, «новые профессии» – 0,25 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «пропаганда» – 7 %, «много “мусора”» – 5 %, «застой в кинематографе» – 1,25 % (приложение 1, табл. П.1.10). Можно отметить, что позитивное восприятие наблюдается у 60 % опрошенных. У 13,25 % респондентов восприятие негативное. Слова-реакции «информационная революция» – 5,25 %, «компьютеризация школ» – 0,25 %, «цензура» – 7,75 %, «первый и второй каналы» – 0,5 % мы

не можем отнести к определённой категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в них опрошенные.

По мнению современной молодёжи, в этот период одними из ярких новшеств жизни россиян кроме появившейся возможности путешествовать стали Интернет, мобильный телефон и ТВ-шоу. Эмоции от появления этих новшеств позитивные. Переживать стрессы и кризисы эпохи россиянам помогало кабельное, позже спутниковое телевидение со всевозможными сериалами, музыкальными и юмористическими передачами, танцевальными и другими шоу. Демонстрировались такие фантастические кинофильмы, как «Аватар» или киноэпопея «Властелин колец». Привлекали внимание россиян мировые трагедии «Титаник» или «Перл Харбор», украшенные драматическими историями любви. Благодаря смелым попыткам освоения космического пространства и развитию науки развлечения на стыке столетий стали немислимыми по сравнению с серединой XX в. С одной стороны, рассуждает молодёжь, компьютерные игры, новые кибервозможности, появление Skyp и айфонов со всеми своими функциями и возможностями гораздо упростили различные виды человеческой деятельности (продажи, рекламу, трансляцию информации, связь и общение – молодёжь стала заводить новые знакомства не в парке на дискотеке, а в Интернете в чате по интересам). С другой стороны, IT-новшества привели к сложностям в развитии личности и деформации психики человека. Нельзя не отметить минусы сложившейся интерактивной жизни людей. Так, например, слишком большое информативное пространство Интернета способствовало тому, что неокрепшая детская психика стала уязвима из-за недетского контента, что приводило к психическим расстройствам и другим серьёзным последствиям (например, к невозможности жить нормальной человеческой жизнью – эффективно и благожелательно взаимодействовать с противоположным полом в рамках семьи и отношений). Полученные в детстве травмы не позволяли целостно функционировать во взрослой жизни вследствие искажения восприятия действительности. Пропаганда и обилие негатива, распространенные в интерактивном пространстве, деструктивно повлияли на сознание того, кто не научился «не включаться» и «фильтровать» информацию – эти навыки стали обязательными для человека XXI столетия. Таким образом, среди всех слов-реакций преобладают слова с отрицательными значениями, что свидетельствует о неблагоприятном восприятии социокультурной атмосферы страны этого временного периода современной молодёжью. Среди всех тематических групп больше всего положительных ассоциаций получила группа о телекоммуникациях. Остальные группы имеют в большинстве своём отрицательно окрашенные ассоциации.

Пятая тематическая группа с анализом восприятия слова **«политика»** (особенности в данный период). Выявлено 22 слова-реакции, среди которых наибольшее количество ассоциаций имеет слово-реакция «распад СССР» – 30 (7,5 %), а наименьшее – «рост доллара» – 1 (0,25 %). Слова-реакции с положительным значением: «политические реформы» – 5,75 %, «улучшение экономической политики» – 5 %, «дружба с КНР» – 0,5 %. Слова-реакции с отрицательным значением: «распад СССР» – 7,5 %, «кризис» – 7 %, «коррупция» – 5,5 %, «национализм» – 4 %, «ухудшение экономической политики» – 3,5 %, «дефолт» – 2,75 %, «конфликт на Кавказе» – 2,5 %, «антинародная политика» – 1,25 %, «отделение Прибалтики и Грузии» – 1,25 %, «кумовство» – 1 %, «СНГ» – 0,5 %, «произвол» – 0,25 %, «инфляция» – 0,25 %, «рост доллара» – 0,25 % (приложение 1, табл. П.1.11). Таким образом, позитивно воспринимают состояние политики этого времени 11,25 % опрошенных. 37,5 % респондентов воспринимают его негативно для страны. Слова-реакции «новая конституция» – 4,75 %, «новое государство» – 1,5 %, «смена власти» – 0,75 %, «демократия» – 0,5 %, «либерализация» – 0,75 % мы не можем отнести к определённой категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в них опрошенные.

Как внешняя, так и внутренняя политика данного периода отличается разнообразием и интенсивностью различных процессов. В первую очередь, молодёжь отмечает такие эпохальные события, как развал СССР, появление первого президента и новой конституции. Предпринята попытка развить демократию в России. Нельзя не упомянуть о формировании СНГ. Кроме того, 90-е гг. XX в. омрачились конфликтами на Кавказе, так называемой чеченской кампанией, унесшей сотни жизней молодых россиян. Можно отметить отделение Грузии и Прибалтики, масштабную борьбу с терроризмом на стыке столетий. Бесконечные реформы и экономические кризисы (дефолты) 90-х гг. XX в. продолжились и в 2000-е гг. XXI в., когда были сформированы новое правительство во главе с В.В. Путиным и партия «Единая Россия». Российский рубль полностью подчинился доллару и позднее – евро. Российская экономика не смогла победить распространяющуюся инфляцию. Нельзя не сказать о присоединении Крыма к России, что подняло патриотический дух россиян, но окончательно разорвало все отношения с Украиной. Данные обстоятельства повлекли за собой наложение санкций и ухудшение взаимоотношений со всем мировым сообществом, в первую очередь с США, – констатирует факты современная молодёжь. Политическим партнером России начиная с 2000-х гг. XXI в. стала Китайская Народная Республика.

Шестая тематическая группа с анализом восприятия слова **«религия»** (особенности в данный период). Выявлено 11 слов-реакций, среди

которых наибольшее количество ассоциаций получило словосочетание-стимул «свобода вероисповедания» – 80 (20%), а наименьшее – «религиозное образование» – 1 (0,25%). Слова-реакции с положительным значением: «свобода вероисповедания» – 20%, «возрождение религии» – 18,5%, «православие» – 17%, «строительство храмов» – 11,5%, «снятие ограничений» – 2,5%, «рост числа верующих» – 1,75%, «религиозное образование» – 0,25%. Слова-реакции с отрицательным значением: «упадок» – 14,25%, «атеизм» – 5,25% (приложение 1, табл. П.1.12). Позитивно воспринимают состояние религии данного периода 71,5% опрошенных, тогда как 19,5% респондентов воспринимают его негативно.

Таким образом, по мнению молодёжи, в первую очередь религиозная жизнь конца XX столетия характеризуется возрождением религии и свободой вероисповедания. Безусловно, основной российской религией по-прежнему является православное христианство. Но кроме него россиянин имеет право выбрать любую другую веру – от мусульманства до буддизма, включая разнообразные христианские ответвления. Желание выбрать отличную от христианства веру не осуждается; россиянин полностью свободен в своем выборе религиозной традиции. Кроме того, данный период характеризуется активным строительством храмов и масштабным обращением человека к вере и религии, что не было свойственно советской России.

Седьмая тематическая группа с анализом восприятия слова «спорт» (особенности в данный период). Выявлено 21 слово-реакция, среди которых наибольшее количество ассоциаций имеет «развитие» – 51 (12,75%), а наименьшее – «кризис 1990-х» – 1 (0,25%). Слова-реакции с положительным значением: «развитие спорта» – 12,75%, «Сочи» (олимпиада) – 11,5%, «рост интереса россиян» – 8,25%, «спортивные организации» – 8%, «ЗОЖ среди населения» – 7,75%, «новые виды спорта» – 7,5%, «множество секций для детей» – 3,75%, «студенческие лиги» – 2,5%, «международные соревнования» – 1,25%, «известные спортсмены» – 0,5%, «уличный спорт» – 0,25%. Слова-реакции с отрицательным значением: «допинг» – 6,75%, «результаты спортсменов ухудшились» – 6,5%, «обценная лексика» – 1,75%, «сокращение финансирования» – 1,25%, «коррупция» – 0,5%, «кризис 1990-х» – 0,25% (приложение 1, табл. П.1.13). Таким образом, позитивное восприятие наблюдается у 64% опрошенных. У 17% респондентов восприятие негативное. Реакцию «сотрудничество спорта и бизнеса» – 7,5% мы не можем отнести к определенной категории, так как не ясно, положительный или отрицательный смысл вкладывали в него опрошенные.

Современная молодёжь убеждена, что спорт на стыке столетий плавно перетекал в сферу моды и бизнеса. В XXI столетии заниматься спор-

том стало не похвально и патриотично, как в советское время, а модно и современно. После упадка российского спорта в 90-х гг. XX в., в начале XXI столетия интерес к спорту всё-таки стал возрождаться. Государство поставило задачу перед чиновниками возродить утраченный интерес к спортивной жизни, после чего по всей стране были построены спортивные комплексы и открыты всевозможные спортивные секции для детей. Это привело к повсеместному увлечению молодого поколения различными видами спорта и, как следствие, к победам на мировых соревнованиях. Мы уже говорили о значении Олимпиады в Сочи 2014 г. Основным значением этого события стало поднятие российского патриотического духа, полностью утраченного в 90-е гг. XX в. Стоит отметить увлечение народных масс здоровым образом жизни, включающим пробежки трусцой, модный фитнес, йогу, здоровое питание, отказ от курения, алкоголя и других пагубных привычек. Но, говоря о спорте, нельзя не упомянуть о допинговых скандалах и дискриминации российских спортсменов на мировой арене, что, вероятно, связано с санкциями и общей не весьма благоприятной политической обстановкой и антирусскими настроениями в мире.

3.3. Сопоставление социокультурных реалий начала и конца XX – начала XXI века по результатам эксперимента

В ходе анализа ассоциаций было выявлено, что российское социокультурное пространство как начала, так и конца XX столетия отличается нестабильностью, а также схожестью проблематики. На рубеже XIX–XX и XX–XXI вв. решались жизненно-важные вопросы, затрагивающие экономику, политику, науку и культурную жизнь российского народа. Как в начале, так и в конце XX столетия наблюдалась смена идеологических воззрений, человеческих ориентиров и ценностей. Чуть меньше века просуществовало государство СССР. За этот период Россия достигла небывалого прогресса во многих важнейших сферах жизни, завоевала уважение в мировом сообществе: СССР боялись, уважали, с ним считались. Но в 90-е гг. XX в. это, к сожалению, утратилось. Таким образом, в начале XX в. произошёл определённый подъём путём переворота и революции, а в конце его – угасание также путём осуществления государственного переворота, но уже, к счастью, менее кровавого. Однако впоследствии российское государство «заплатило» за переворот 1991 г. кровью, пролитой в ходе кавказской кампании (чеченская война 1990-х гг. XX в.), что подтверждает тезис: глобальные изменения сопряжены с гибелью людей, катастрофами и трагедиями человеческих судеб.

Среди ассоциаций о российском обществе начала XX в. нами выявлены такие слова-реакции, как «индустриализация», «гражданская война»,

«классовость общества», получившие наибольшее количество процентов. Наибольшее количество ассоциаций о российском обществе XX в. имеют слова-реакции «кризис», «изменения», «криминал», что свидетельствует об ухудшении социокультурной обстановки к концу века. Среди положительных аспектов в начале века можно выделить индустриализацию; в конце века вместо неё возникает ассоциация «разруха». В целом же можно охарактеризовать начало и окончание XX в. как период особой напряжённости. В проведенном эксперименте было предложено высказать ассоциации о России начала и конца XX столетия. Начало века характеризуется словами-реакциями «монархия», «индустриализация», «расслоение общества»; конец века – «кризис», «разруха», «развитие», что в целом свидетельствует о сложной, но прогрессивной социокультурной направленности на рубежах веков (приложение 2, рис. П.2.1).

Следующая часть ассоциативного эксперимента – группа слов-реакций, описывающих настроение россиян в начале и конце XX в. Настроение начала века характеризуется словами-реакциями «недовольство», «революционное», «подавленное»; конец века – «подавленное», «непостоянство», «недовольство», что свидетельствует о сходных ассоциациях как в начале, так и в конце века (приложение 2, рис. П.2.2).

В отношении политики этого же периода были выявлены следующие слова-реакции: начало века – «реформы», «монархия», «свержение монархии»; конец века – «распад СССР», «внешняя политика», «кризис», «Путин». Интересно, что оба периода отмечены свержением прежнего государственного строя, тотальным изменением системы власти и её направления. В начале века была свергнута российская монархия в лице семьи Романовых; в конце века произошел развал СССР. Российскую политику обоих периодов можно охарактеризовать как кризисную, переходную, нестабильную (приложение 2, рис. П.2.3).

Религия в начале века имеет следующие слова-реакции: «православие», «кризис», «веротерпимость»; в конце века – «свобода вероисповедания», «возрождение религии», «православие», что в целом указывает на кризисный этап в начале века и свободу вероисповедания, возрождение религии в его конце. Безусловно, нельзя не отметить религиозный кризис в начале века, связанный с изменением государственной идеологии, – одним из тезисов социалистической системы был тезис о том, что религия – это опиум для народа. При этом в конце века вектор развития религии оставался привычным: православное христианство в России – основная и уважаемая религия на протяжении многих веков и по сегодняшний день (приложение 2, рис. П.2.4).

Кроме того, есть еще несколько тематических групп, значимых для исследования: «научно-технический прогресс» и «телекоммуникации»

(телевидение и Интернет). Хотя формулировки разные, но смысл одинаковый: это те новшества, которые удивили, вдохновили и принесли ощутимую пользу россиянам и всему миру. В начале века к ним можно отнести, в первую очередь, электричество, радио и телефон; в конце века – Интернет и спутниковое телевидение. Среди ассоциаций, отнесённых как к началу, так и концу века, мы обнаруживаем кинематограф. Если начало века отмечается его возникновением, то в конце века кинематограф превратился в мегаразвлечение, где технологии позволили проникнуть в совершенно удивительные миры, создать и воспроизвести любые человеческие фантазии о будущем или прошлом. Теперь весь окружающий мир можно постигать с помощью кинематографии и современных кибертехнологий, не выходя из дома. Безусловно, использование самолетов, поездов и автомобилей, развитие медицины, исследование космоса стали беспрецедентным новшеством начала XX столетия. Но в завершении века объективная реальность познания мира начала XX в., ввиду использования вышеперечисленных объектов, поменялась на виртуальную. Яркий пример тому – вышедший на рубеже XX–XXI вв. эпохальный кинофильм «Матрица». Человеческая жизнь с этого момента начала переход в виртуальное пространство: во втором десятилетии XXI в. внедрено дистанционное обучение, реальное общение уступило место виртуальному – основные виды человеческой деятельности были компьютеризированы. Человек живет одновременно несколько жизней: свою материальную, повседневную и виртуальную – во всевозможных блогах, соцсетях, различных киберпространствах, одним словом, в матрице (приложение 2, рис. П.2.5).

В заключение нужно сказать еще об одной тематической группе – «спорт». В поэтических текстах начала XX столетия мы не встретили метафорических конструкций, затрагивающих спортивную жизнь людей. Но в поэтических текстах конца XX в. метафоры о спорте были выявлены, что можно объяснить рядом объективных причин. Советский спорт характеризуется серьезными масштабами, победами, выдающимися спортсменами: СССР ярко, ответственно, презентабельно представил летнюю Олимпиаду, проведённую в Москве в 1980 г. Спорт в СССР был в почете. После развала СССР ситуация заметно поменялась: в конце XX в. российский спорт оказался в упадке, как, впрочем, и многие другие сферы жизни. Однако спустя какое-то время в начале XXI столетия можно наблюдать определенный подъем спортивной сферы и положительные эмоции в связи с этим у россиян, что отразилось как в поэтических текстах, так и в ассоциативном эксперименте.

Для оценки наличия/отсутствия различий в восприятии молодёжью исследуемых нами временных периодов (конец XIX – начало XX и конец XX –

начало XXI вв.) мы использовали расчёт статистического критерия U Манна – Уитни, являющегося более мощным, чем критерий Розенбаума.

Формула для расчёта критерия:

$$U = (n_1 \cdot n_2) + n_1/2 (n_1/2 + 1) - (\text{минус}) T_2,$$

где n_1 – количество испытуемых в первой выборке;

n_2 – количество испытуемых во второй выборке;

T – большая из двух ранговых сумм.

При сравнении двух временных периодов мы рассчитывали статистический коэффициент U эмпирический (далее – $U_{\text{эмп}}$) для каждого периода по конкретным сходным ассоциациям, а затем сравнивали U эмпирический с U критическим (табличным, далее – $U_{\text{кр}}$).

1. Анализ ассоциации «изменение». При проведении ассоциативного эксперимента в контексте семиотического поля «Общество – государство» нами выявлена ассоциация «изменение» в обоих временных периодах, причём в конце XIX – начале XX в. такая ассоциация определена в высказываниях 26 респондентов, а в конце XX – начале XXI в. – в ответах 35 человек:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 35 \cdot 26 + 26 (26 + 1)/2 - 35; U_{\text{эмп}} 2 = 35 \cdot 26 + 35 (35 + 1)/2 - 26;$$

$$U_{\text{эмп}} 1 = 910 + 351 - 35 = 1226; U_{\text{эмп}} 2 = 910 + 630 - 26 = 1514;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 341 \text{ при } p = 0,05 \text{ (коэффициент статистической значимости);}$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 294 \text{ при } p = 0,01.$$

В обоих случаях (при минимальном коэффициенте статистической значимости 0,05 и среднем его значении = 0,01) $U_{\text{эмп}} > U_{\text{кр}}$, что свидетельствует об отсутствии различий в восприятии молодёжью этих двух временных периодов в контексте происходящих в стране изменений. Хотя статистически значимы оба результата, но по значению критерия значимости 0,01 можно говорить о большей значимости в оценке изменений в стране относительно периода конца XX в.

2. Анализ ассоциации «распад государства». В обеих группах в контексте семиотического поля «Общество – государство» выявлена сходная ассоциация «распад государства». Количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 17; конца XX – начала XXI в. – 12:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 17 \cdot 12 + 12 (12 + 1)/2 - 17 = 265;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 17 \cdot 12 + 17 (17 + 1)/2 - 12 = 345;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 64 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 49 \text{ при } p = 0,05.$$

$U_{\text{эмп}} > U_{\text{кр}}$ в обоих случаях, что доказывает значимость для молодёжи отсутствия различий в восприятии происходящего в обоих культурных периодах в аспекте распада государства.

3. Анализ ассоциации «кризис». Перейдём к сравнению результатов по критерию «Россия». Количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 29; конца XX – начала XXI в. – 45:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 45 \cdot 29 + 29 (29 + 1)/2 - 45 = 1305 + 435 - 45 = 1695;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 45 \cdot 29 + 45 (45 + 1)/2 - 29 = 1305 + 1035 - 29 = 2311;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 503 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 441 \text{ при } p = 0,01.$$

Таким образом, установлено, $U_{\text{эмп}}$ критерий Уитни – Манна в обоих случаях значительно больше $U_{\text{кр}}$. (Оба значения находятся в зоне статистической значимости.) Это свидетельствует об отсутствии различий в восприятии данных переходных периодов молодёжью как кризисных, так как констатировать наличие различий мы могли бы только в том случае, если бы $U_{\text{эмп}}$ критерий Уитни – Манна был меньше или равен $U_{\text{кр}}$.

4. Анализ ассоциации «развитие». Следующая сходная ассоциация к слову-стимулу «Россия» – «развитие». Количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 34; конца XX – начала XXI в. – 29:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 34 \cdot 29 + 29 (29 + 1)/2 - 34 = 1387;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 34 \cdot 29 + 34 (34 + 1)/2 - 29 = 1552;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 373 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 323 \text{ при } p = 0,01.$$

Из полученных расчетов мы видим, что в $U_{\text{эмп}}$ критерий Уитни – Манна в обоих случаях значительно больше $U_{\text{кр}}$. (Оба значения находятся в зоне статистической значимости.) Это свидетельствует об отсутствии различий в восприятии концепта «Россия» в контексте развития страны, т. е. оба переходных периода воспринимаются молодёжью как способствующие развитию. Но, учитывая, что больший коэффициент статистической значимости выявлен нами во втором временном периоде, можно предположить, что он воспринимается молодёжью как более способствующий развитию страны.

Количество ответов по семиотическому полю «Общество» – «Развитие экономики – развитие рыночной экономики» при оценке конца XIX – начала XX в. – 12; конца XX – начала XXI в. – 21:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 21 \cdot 12 + 12 (12 + 1)/2 - 21 = 309;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 21 \cdot 12 + 21 (21 + 1)/2 - 12 = 471;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 81 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 63 \text{ при } p = 0,01.$$

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии различий в восприятии данного стимула-реакции, так как в обоих случаях $U_{\text{эмп}} > U_{\text{кр}}$, т. е. современная молодёжь практически одинаково воспринимает ситуа-

цию экономического развития в стране в обоих временных периодах. И только по значению коэффициента статистической значимости можно сказать, что второй период воспринимается как более способствующий развитию в стране экономики.

5. Анализ ассоциации «настроение». Количество ответов в контексте выявленной сходной ассоциации на слово-стимул «подавленное» при оценке конца XIX – начала XX в. – 45; конца XX – начала XXI в. – 60:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 60 \cdot 45 + 45 (45 + 1)/2 - 60 = 3675;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 60 \cdot 45 + 60 (60 + 1)/2 - 45 = 4485;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 1095 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 990 \text{ при } p = 0,01.$$

$$U_{\text{эмп}} 1 > U_{\text{кр}} 1; U_{\text{эмп}} 2 > U_{\text{кр}} 2.$$

Таким образом, нами установлено, что различия в восприятии слова-стимула «подавленное» в контексте подавленности настроения человека не значимы, т. е., по мнению молодёжи, происходящие в эти периоды изменения в стране вызывали у человека подавленность настроения.

6. Анализ ассоциации «страх». Количество ответов в контексте данной ассоциации на слово-стимул «настроение» при оценке конца XIX – начала XX в. – 39; конца XX – начала XXI в. – 40:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 40 \cdot 39 + 39 (39 + 1)/2 - 40 = 2300;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 40 \cdot 39 + 40 (40 + 1)/2 - 39 = 2341;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 611 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 542 \text{ при } p = 0,01.$$

$$U_{\text{эмп}} 1 > U_{\text{кр}} 1; U_{\text{эмп}} 2 > U_{\text{кр}} 2.$$

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в обоих временных периодах трансформационные процессы в культуре вызывали у человека не только подавленность, но и страх.

7. Наличие бунтарского настроения. Количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 24; конца XX – начала XXI в. – 25, т. е. респонденты считают, что в этот период у людей присутствовало бунтарское настроение:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 25 \cdot 24 + 24 (24 + 1)/2 - 25 = 875;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 25 \cdot 24 + 25 (25 + 1)/2 - 24 = 901;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 217 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 183 \text{ при } p = 0,01.$$

$$U_{\text{эмп}} 1 > U_{\text{кр}} 1; U_{\text{эмп}} 2 > U_{\text{кр}} 2.$$

Полученные результаты доказывают, что, по мнению данного количества респондентов, в обоих временных периодах люди демонстрировали

попытки борьбы с культурными изменениями и проявляли бунтарское поведение.

8. Наличие веры в будущее, надежды на улучшения. Количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 12; конца XX – начала XXI в. – 35. Респонденты, оценивая первый и второй переходные периоды, высказали наличие веры в будущее, надежды на улучшения:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 35 \cdot 12 + 12 (12 + 1)/2 - 35 = 463;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 35 \cdot 12 + 35 (35 + 1)/2 - 12 = 1038;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 142 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 114 \text{ при } p = 0,01.$$

$$U_{\text{эмп}} 1 > U_{\text{кр}} 1; U_{\text{эмп}} 2 > U_{\text{кр}} 2.$$

Полученные результаты демонстрируют, что, по мнению современной молодёжи, определенная часть населения испытывала, несмотря на кризис в обществе и культуре, веру в будущее и надежду на улучшение. Причём обращает на себя внимание то, что первый кризисный период еще у 35 респондентов (8,7 %) воспринимается как характеризующийся эмоциональным подъёмом. В оценке конца XX – начала XXI в. такие ассоциации у молодёжи отсутствуют (хотя нам известно, что значительная часть населения испытывала на начальном этапе этого временного периода выраженный эмоциональный подъем, но молодёжь высказывает только ассоциацию «позитивное настроение» – 18 случаев (4,5 %).

9. Анализ ассоциации «политика». В оценке этого семантического поля сходные ассоциации были две – «реформы» и «внешняя политика». Третья сходная ассоциация выражалась в оценке деятельности лидеров – Сталина и Путина.

Так, по ассоциации «внешняя политика» количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 22; конца XX – начала XXI в. – 29:

$$U_{\text{эмп}} 1 = 29 \cdot 22 + 22 (22 + 1)/2 - 29 = 862;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 29 \cdot 22 + 29 (29 + 1)/2 - 22 = 1051;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 232 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 196 \text{ при } p = 0,01.$$

$$U_{\text{эмп}} 1 > U_{\text{кр}} 1; U_{\text{эмп}} 2 > U_{\text{кр}} 2.$$

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии различий в восприятии этой частью молодёжи значения внешней политики в эти переходные периоды, естественно активизируют критическое осмысление ее, так как, нам известно, что в политике Сталина преобладала тенденция к изоляции, закрытости страны от внешнего мира, а в политике Путина присутствует стремление к контактам с другими странами.

10. Анализ ассоциации «научно-техническая революция». Оценка этого семантического поля в обоих временных периодах выявила ассо-

циацию «развитие», причём второй период оценен молодёжью как стремительное развитие. Количество ответов при оценке конца XIX – начала XX в. – 30 (7 %); конца XX – начала XXI в. – 40 (10 %):

$$U_{\text{эмп}} 1 = 40 \cdot 30 + 30 (30 + 1)/2 - 40 = 1625;$$

$$U_{\text{эмп}} 2 = 40 \cdot 30 + 40 (40 + 1)/2 - 30 = 1990;$$

$$U_{\text{кр}} 1 = 460 \text{ при } p = 0,05;$$

$$U_{\text{кр}} 2 = 403 \text{ при } p = 0,01.$$

$$U_{\text{эмп}} 1 > U_{\text{кр}} 1; U_{\text{эмп}} 2 > U_{\text{кр}} 2.$$

Полученные результаты свидетельствует практически о сходности в восприятии молодёжью исследуемых нами переходных периодов для российской культуры в контексте развития страны, хотя содержательная характеристика этих периодов в ассоциациях демонстрирует различия. Так, в первом временном периоде это: автоматизация, электрификация, телефонизация, развитие железных дорог, авиации, радио, кинематограф, расцвет химической промышленности, медицины, флота, совершенствование оружия. Что касается второго периода, то здесь указаны: интегральные цифровые сети, рунет, кабельное и спутниковое телевидение, мобильная связь, информационная революция, компьютеризация школ, появление разнообразной домашней техники, новых профессий. Но при этом молодёжь отмечает застой в кинематографе.

Выводы по главе 3

Россия начала XXI в. значительно отличается от России конца XX в., поскольку в 90-е гг. XX в. страна в прямом смысле «стояла на коленях». В 2000-е гг. XXI в. ситуация начала улучшаться и стабилизироваться, хотя это и происходило медленно и неуверенно. Таким образом, характеризуется социокультурная обстановка рубежа XX и XXI столетий. Анализом ассоциаций мы подтверждаем тот факт, что значения основных интерпретаций метафорических образований поэтических текстов совпадают со значением ассоциаций эксперимента, включающего понятия метафорических групп предыдущих глав. Проведён ассоциативный эксперимент и выявлены ассоциации к основным понятиям путём тематического объединения метафорических конструкций в семантические поля. Данные понятия, а также метафорические семантические поля отразили основные особенности культуры определенных временных исторических периодов российского государства. Результаты ассоциативного эксперимента демонстрируют представления современной молодёжи Владивостока о культуре данных временных периодов. Таким образом, было установлено, что представления молодёжи соответствуют сущностным характеристикам авторских представлений, а также продемонстрировано,

что ассоциативный лингвистический эксперимент можно использовать для выявления образов-представлений молодёжи о культуре России.

Как было отмечено ранее, поэтические тексты вобрали в себя культурологическую информацию, содержащуюся в метафорических образованиях, нуждающуюся в интерпретации. Данная информация (смысловая наполненность метафор) полностью совпадает с результатами ассоциативного эксперимента, что свидетельствует об истинности восприятия молодёжью той действительности и реальности происходивших событий в России в начале и конце XX в. Можно говорить, что восприятие современной студенческой молодёжью культурных событий начала и конца XX в. не вполне однородно. Начало XX в. воспринято современной молодёжью как реформаторское, революционное – не только как упадок, но и как прогресс и развитие социокультурных процессов и явлений. Конец XX в. осмысливается молодёжью преимущественно в негативном ключе, что подтверждается большим количеством слов-реакций с отрицательным значением и объясняется социальной нестабильностью, утратой традиционных ценностей, низким уровнем жизни. К позитивным новшествам этого периода молодёжь относит появление Интернета, мобильного телефона и цифрового телевидения. Проведённый сравнительный анализ показал, что ассоциативный эксперимент полностью отражает сущность метафорических конструкций российских поэтических текстов начала и конца XX столетия, транслирующих социокультурные особенности жизни россиян и культуру Российского государства на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв., что, кроме того, подтверждается проведенным нами расчётом статистического критерия U Манна – Уитни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя наше исследование, необходимо отметить ключевую особенность, выявленную в процессе исследования метафорических конструкций поэтических текстов, – необходимость учитывать импликацию и наличие подтекстов, скрытых смыслов; смотреть «сквозь» текст, поскольку основная смысловая наполненность содержится именно в глубине, а не на поверхности многих текстов. Очень важно тонко чувствовать намеки и авторский символизм, что зачастую является сутью поэтического произведения. Другими словами, скрытый смысл, подтекст, глубина, намек, авторский символизм чаще всего воплощаются в форме (в облике) метафорического образования. Метафора помогает передать основной авторский замысел, главную идею произведения. Метафора – уникальное явление, изучаемое на стыке различных научных направлений. Её понимание опирается на такие науки, как лингвистика, культурология, литературоведение, философия, психология. С помощью анализа метафор в нашем исследовании мы воссоздали российскую социокультурную реальность двух временных периодов.

Благодаря интерпретации метафорических образований нами было выявлено восприятие социокультурных особенностей России рубежа столетий поэтами и современной молодёжью, тем самым подтвердился факт, что метафора представляет собой не только лингвистический объект исследования, но и мощный инструмент культуры и искусства, который целесообразно рассматривать, используя интегративный культурологический подход.

Впервые в данном исследовании метафора рассматривается не как лингвистическая единица (в привычном аспекте), а как социокультурная форма, транслирующая окружающую человека реальность и культуру. Метафоры были подвергнуты дешифровке с целью выявления аспектов социокультурной жизнедеятельности человека заявленных в исследовании временных периодов. Проведен анализ метафорических конструкций, в результате которого поэтическая метафора была определена единицей культуры. Расшифрованы метафорические образы и соотнесены с основными социокультурными российскими реалиями начала и конца XX в. Определена сущность поэтической метафоры,

которая может являться носителем культурной информации, нуждающейся в интерпретации. Обосновано, что культура познается путём дешифровки метафорических образов. Сущность интерпретации метафорических образов была подтверждена результатами ассоциативного эксперимента. Осуществлён анализ метафорических конструкций на предмет выявления подтекстов, глубины смыслов, интерпретации метафорических образов. С помощью декодирования метафор выделен ряд тематических семантических полей метафорических конструкций, репрезентирующих российскую культуру переходных эпох; подтверждены и продемонстрированы основные социокультурные события исследованных эпох, сопоставлены между собой, что позволило выявить изменения, произошедшие в российском социокультурном пространстве в течение XX в., показать общие и специфические тенденции.

В поэтических текстах рубежа XIX–XX вв. было определено 6 групп семантических полей метафорических образований: «Россия», «Социум», «Человек», «Религия», «Политика», «Наука и техника». В период конца XX – начала XXI в. было выделено 10 групп семантических полей метафорических образований, шесть из которых соответствуют тем, что были определены нами в начале XX в.: «Социум» (процессы в обществе), «Религия», «Человек» (настроение и чувства), «Россия» (образ, состояние), «Наука и техника» (телекоммуникации – телевидение и Интернет), «Политика». Кроме того, в поэзии появляются еще два семантических поля: «Финансы» и «Спорт». Определены теоретико-методологические основы исследования культуры России XX в. и обоснованы особенности российской поэтической культуры переходных эпох.

Начало XX в. отмечено особо бурным развитием по всем направлениям человеческой жизнедеятельности. Поэтическая культура на этом фоне особенно ярко выделялась благодаря Серебряному веку в литературном творчестве и в целом в искусстве. Серебряный век обогатил отечественный литературный процесс такими направлениями, как символизм, акмеизм, футуризм, авангардизм и проч. Кроме того, в поэтической культуре начали формироваться новейшие советские идеологические ценности, что впоследствии привело к масштабному обновлению тематики поэтических текстов российских авторов. Период конца XX – начала XXI в. также является периодом перехода и трансформации, однако омрачен регрессом, упадком и потерей многих ценностей советского периода, возникновением новых постсоветских ценностей (либерально-капиталистических), что ярко отразилось в метафорических конструкциях поэтических текстов данного периода, выраженных в разнообразных пессимистических авторских размышлениях. Выявлена

специфика поэтических метафор, эксплицировано их значение как формы репрезентации автором картины мира и социокультурных событий определенного исторического периода. Картина мира автора выражает его взаимоотношение с миром, особенности его личностного восприятия своеобразия культуры переходных этапов эпохи, её проявлений, что позволяет исследовать её специфику, используя такую поэтическую художественную форму как метафора.

Язык – зеркало культуры, культурный код, демонстрирующий авторскую картину мира. Любое искусство можно рассматривать как информационный культурный код, как язык культуры. Наше исследование посвящено одному из видов искусства – поэзии.

Поэтические образы, демонстрируемые с помощью индивидуально-авторских метафор, репрезентируют восприятие авторами тех аспектов культуры переходных эпох, которые вызывают отклик в их душе. На основе проведенного нами лингвокультурологического анализа поэтических текстов российских поэтов рубежа XIX–XX и XX–XXI вв. была продемонстрирована специфика культуры этих периодов и восприятие её авторами стихов. В дальнейшем была осуществлена попытка с помощью ассоциативного эксперимента установить представления современной российской молодёжи о культуре переходных эпох и её отношении к трансформационным процессам в ней. Ассоциативный эксперимент полностью отразил восприятие молодёжью основной смысловой наполненности метафорических образований, демонстрирующих социокультурные процессы рубежей XIX–XX и XX–XXI вв. Среди ассоциаций молодёжи чаще всего были обнаружены реакции, указывающие на их соответствие отношению к трансформационным процессам в культуре исследуемых периодов поэтов – авторов соответствующих стихов. Особенности восприятия этих процессов и отношения к ним были переданы авторами с помощью метафорических образований и, в свою очередь, подтверждены в восприятии данных конструкций (слов-стимулов) у современной молодёжи.

Таким образом, понимание смысла культуры соответствующих временных периодов возможно на основе осмысления всех аспектов художественной коммуникации: объектов художественной культуры этого времени, созданных авторами художественных произведений (в нашей работе поэтических); авторской картины мира; восприятия продуктов искусства их потребителями. Проанализированные и декодированные содержащиеся в поэтических текстах метафоры являются не только важным элементом поэтической выразительности, но и значимым для познания культуры кодом, демонстрирующим её содержательные смыслы.

Проведенное исследование позволило установить, что метафора – это не только структурный компонент художественного, поэтического текста, но и культурная форма, демонстрирующая восприятие, представление и отношение авторов и потребителей продуктов их творчества к культуре своей страны, их мировосприятие и ценностные установки. Каждое метафорическое образование – языковая (этнокультурная) или поэтическая (индивидуально-авторская) метафора – нуждается в интерпретации. Метафорический образ необходимо интерпретировать, поскольку он имеет информативную составляющую. Считывание информации, раскрытие образа необходимы для понимания сущности авторского высказывания. Установлено, что поэтическая метафора наряду с языковой выполняет трансляционную функцию, демонстрирующую социокультурные события той или иной временной эпохи.

Данные, полученные в ходе эксперимента, полностью подтвердили смысловую наполненность интерпретаций метафорических конструкций российских поэтических текстов начала и конца XX столетия, транслирующих социокультурные особенности жизни россиян и Российского государства на рубеже XIX–XX и XX–XXI вв.

Несомненно, что поэтическое искусство не может быть понято вне культурных предпосылок, рассмотренных в исторической ретроспективе. В рамках данного исследования определено, что метафорические поэтические образования являются полисемантическим, многозначным смыслопорождающим культурным феноменом, содержащим закодированную авторами символическую информацию, репрезентирующую восприятие ими и массовым сознанием перекодированных временем базовых ценностей бытия и отношение к ним (зачастую негативное), и нуждающимися в историко-культурной интерпретации.

Следует отметить, что все авторы, поэзия которых была проанализирована в подразд. 2.2 (С. Есенин, М. Волошин, В. Маяковский, А. Ахматова, В. Брюсов, Д. Бедный), несмотря на глубину переживаний за свою Родину, сохранили любовь к ней. Так, А. Ахматова выражала свой патриотизм следующим поэтическим текстом: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был». Отношение к Родине выражено и в этих строках: «Не с теми я, кто бросил землю на растерзание врагам» – так пишет поэтесса в период 1917–1920 гг. М. Цветаева пронесла любовь к России, русской истории и русскому слову через все свои скитания, несчастья и беды. И хотя и она, и В. Маяковский, и С. Есенин не справились со своими жизненными трудностями, однако, эту любовь они сохранили до своего ухода. Данные строки тому подтверждение: «Но люблю тебя, родина кроткая!

А за что – разгадать не могу» (С. Есенин); «Я достаю из широких штанин дубликатом бесценного груза. Читайте, завидуйте, я – гражданин Советского Союза» (В. Маяковский). В. Брюсов революцию в стране считал неминуемой и верил, что она сможет изменить угнетающий буржуазный строй, верил в силу большевистской партии. М. Волошин, хотя и утверждал, что путь России – это повторение одного и того же, кружение на одном месте («нам нет дорог, нас водит по болоту», «очей бесовская игра»), верил в свою Родину, в её особую миссию: «Из преступлений, иступлений...возникает правдивая Русь», «я за нее за всю молюсь, и верю замыслам предвечным». А. Блок считал, что всё его творчество посвящено России. В его поэзии образ страны многогранен. Поэт отмечал, что именно Родине он бесповоротно посвящал свое творчество.

Мы считаем, что результаты нашего исследования следует использовать в рамках дисциплин, способствующих формированию у современной российской молодёжи патриотизма, традиционных ценностей, развитию у подростков и юношей критического мышления, созидательного мировоззрения, любви к Родине, нацеленности на повышение её благосостояния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Книги

1. Агеносов, В.В. История русской литературы Серебряного века: учебник для вузов / В.В. Аганесов. – Москва: Юрайт, 2024. – 294 с.
2. Адорно, Теодор В. Эстетическая теория / Теодор В. Адорно; пер. А.В. Дранова. – Москва: Республика, 2001. – С. 30–43.
3. Алефиренко, Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры / Н.Ф. Алефиренко // Мир русского слова. – 2002. – № 2. – С. 60–74.
4. Амелькина, А. Серебряный век: сб. стихотворений / А. Амелькина. – Москва: АСТ, 2017. – 352 с.
5. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Кашаев. – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.
6. Анненский, И.Ф. Публицистика / И.Ф. Анненский. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 265 с.
7. Апресян, Ю.Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Ю.Д. Апресян. – Москва: Языки славянских культур, 2010. – 408 с.
8. Аристотель. Поэтика / Аристотель; пер., введение и примеч. Н.И. Новосадского. – Ленинград: Academia, 1927. – 120 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: сборник / под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 5–32.
10. Арутюнова, Н.Д. Языковая метафора: синтаксис и лексика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика: сб. науч. ст. / отв. ред. В.П. Григорьев; Ин-т русского языка АН СССР. – Москва: Наука, 1979. – С. 147–173.
11. Афанасьева, А.Н. Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема / А.Н. Афанасьева. – Москва: Мысль, 2003. – С. 20–24.
12. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России): в 2 т. Т. 1. От прошлого к будущему / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. – 600 с.

13. Баевский, В. С. История русской поэзии 1730–1980. Компендиум / В. С. Баевский. – 2-е изд., испр. и доп. – Смоленск: Русич, 1994. – 301 с.
14. Бакина, М. А. Эволюция поэтической речи XIX–XX вв.: Перифраза. Сравнение / М. А. Бакина, Е. А. Некрасова; отв. ред. А. Д. Григорьева; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва: Наука, 1986. – 191 с.
15. Баран, Х. К. Поэтика русской литературы начала XX в. / Х. К. Баран. – Москва, 1993. – 384 с.
16. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – Москва, 2003. – С. 20–22.
17. Белый, А. Собрание сочинений. Арабески: книга статей. Луг зеленый: книга статей / А. Белый; общ. ред., послесл. и коммент. Л. А. Сугай. – Москва: Республика, 2012. – 589 с.
18. Белый, А. Воспоминания о Блоке: собрание сочинений / А. Белый; под ред. С. Пискуновой. – Москва, 1995. – 510 с.
19. Бердяев, Н. А. Новое Средневековье: размышления о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. – Москва: Феникс: ХДС-пресс, 1991. – 81 с.
20. Библер, В. С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – Москва: Политиздат, 1991. – 412 с.
21. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение / М. Бирдсли; пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 201–218.
22. Блэк, М. Метафора / М. Блэк; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 153–172.
23. Богомоллов, Н. А. Краткое введение в стиховедение: учеб. пособие для студентов I курса по дисциплине «Основы теории литературы» / Н. А. Богомоллов. – Москва: Фак. журн. МГУ, 2017. – 82 с.
24. Брадис, В. М. Четырехзначные математические таблицы / В. М. Брадис. – Москва: Дрофа, 2008. – 96 с.
25. Брюсов, В. Огненный ангел: романы / В. Брюсов. – Москва: Эксмо, 2007. – 557 с. – (Русская классика XX).
26. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2006. – С. 36, 37.
27. Будаев, Э. В. Введение в политическую лингвистику: учеб. пособие / Э. В. Будаев. Санкт-Петербург: Наукоемкие технологии, 2020. – 168 с.
28. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 707–735.

29. Вейдле, В.В. Умирание искусства / В.В. Вейдле; сост. М.В. Толмачева. – Москва: Республика, 2001. – 447 с. – (Прошлое и настоящее).
30. Верли, М. Общее литературоведение / М. Верли; пер. с нем. В.Н. Иевлевой; ред., предисл. и примеч. А.С. Дмитриева. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 243 с.
31. Вежбицкая, А. Сравнение-градация-метафора / А. Вежбицкая; пер. с польск. Г.Е. Крейдлина // Теория метафоры / пер. под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 133–152.
32. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Дж. Вико; пер. с итал. А.А. Губера. – Москва; Киев: REFL-book, 1994. – 628 с.
33. Виноградов, В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Стилистика / В.В. Виноградов; Отд-е литературы и языка АН СССР. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 255 с.
34. Вольф, Е. М. Прилагательное в тексте / Е. М. Вольф // Лингвистика и поэтика: сб. науч. ст. / отв. ред. В. П. Григорьев; Ин-т русского языка АН СССР. – Москва: Наука, 1979. – С. 118–135.
35. Вундт, В. Проблемы психологии народов / В. Вундт. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 159 с.
36. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры / Г.П. Выжлецов. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 148 с.
37. Гадамер, Х.-Г. Текст и интерпретация / Х.-Г. Гадамер // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 202–242.
38. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте: сборник / В.Г. Гак, В.Н. Телия, Е.М. Вольф [и др.]; отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. – С. 11–26.
39. Гаспаров, М.Л. Избранные труды: в 4 т. Т. 1. О поэтах / М.Л. Гаспаров. – Москва: Языки русской культуры, 1997. – 660 с.
40. Гачев, Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос / Г. Гачев. – Москва: Прогресс-Культура, 1995. – 480 с.
41. Гинзбург, Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Ленинград: Сов. писатель, 1974. – 408 с.
42. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 190 с.
43. Глезер, В.Д. Механизмы опознания зрительных образов / В.Д. Глезер; АН СССР; Ин-т физиологии им. И.П. Павлова. – Москва; Ленинград: Наука, 1966. – 204 с.
44. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: Мысль, 2001. – 478 с.

45. Гордон, Д. Терапевтические паттерны Милтона Эриксона / Д. Гордон, М. Майерс-Андерсон. – Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2004. – 192 с.
46. Голенищев-Кутузов, И. Н. От Рильке до Волошина: журналистика и литературная критика эмигрантских лет / И. Н. Голенищев-Кутузов. – Москва: Русский путь, 2005. – 327 с.
47. Горшков, А. И. Лекции по русской стилистике / А. И. Горшков. – Москва: Изд-во литературного ин-та им. А. М. Горького, 2000. – 272 с.
48. Гращенков, В. Н. Портрет в итальянской живописи Раннего Возрождения / В. Н. Гращенков. – Москва: Искусство, 1996. – 421 с.
49. Григорьев, В. П. Введение / В. П. Григорьев // Поэт и слово. Опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. – Москва: Наука, 1973. – С. 5–18.
50. Гудков, Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2007. – 285 с.
51. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830–1835) / В. фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – Москва: Прогресс, 1984. – 297 с.
52. Гун, Г. Е. Художественная культура как система / Г. Е. Гун // Преподаватель XXI век. – 2011. – № 3. – С. 351–358.
53. Гусев, С. С. Наука и метафора / С. С. Гусев. – Ленинград: ЛГУ, 1984. – С. 34, 35.
54. Дильтей, В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / В. Дильтей. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 762 с.
55. Долгополов, Л. К. На рубеже веков: О русской литературе конца XIX – начала XX веков / Л. К. Долгополов. – Ленинград: Советский писатель, 1977. – 366 с.
56. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Д. Дэвидсон; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 33–43.
57. Ермичев, А. А. Суждения Н. А. Бердяева / А. А. Ермичев // *Studiaculturae*. – 2009. – № 2. – С. 9–24.
58. Жинкин, Н. И. Грамматика и смысл: Разбор случая семантической афазии / Н. И. Жинкин // Язык и человек: сб. ст. памяти профессора П. С. Кузнецова (1899–1968). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1970. – С. 63–68.
59. Жирмунский, В. М. Метафора в поэзии русского символизма // Поэтика русской поэзии: сборник / В. М. Жирмунский. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2001. – С. 162–198.
60. Жирмунский, В. М. Фольклор Запада и Востока: сравнительно-исторические очерки / В. М. Жирмунский. – Москва: ОГИ, 2004. – 462 с.

61. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – Москва: РГГУ, 2000. – С. 67.
62. Зедльмайр, Х. Утрата середины / Х. Зедльмайр; пер. с нем. С. С. Ванеяна. – Москва: Территория будущего: Прогресс-Традиция, 2008. – 638 с. – (Университетская библиотека Александра Погорельского).
63. Иванов, В. И. По звездам. Борозды и межи / В. И. Иванов. – Москва: Юрайт, 2020. – 531 с. – (Антология мысли).
64. История России: учеб. пособие / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Исторический факультет. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2016. – 527 с.
65. Каган, М. С. Философия культуры: учеб. пособие для академического бакалавриата / М. С. Каган. – Москва: Юрайт, 2018. – 353 с. – (Авторский учебник).
66. Камедина, Л. В. Русская художественная литература и культура: структурный закон: монография / Л. В. Камедина, Е. В. Дробная. – Чита: ЗабГУ, 2020. – 258 с.
67. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 33–43.
68. Кассирер, Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер; пер. с англ. А. Н. Муравьева // Проблема человека в западной философии: переводы / общ. ред. Ю. Н. Попова. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 3–30.
69. Кедров, К. А. Метакод и метаметафора / К. А. Кедров. – Москва: Доос: Издание Елены Пахомовой, 1999. – 239 с.
70. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: лекционный курс / В. В. Красных. – Москва: Гнозис: Кучково поле, 2001. – 270 с.
71. Крейд, В. П. Воспоминания о серебряном веке / В. П. Крейд. – Москва: Республика, 1993. – 558 с.
72. Кожевникова, Н. А. Метафора в поэтическом тексте / Н. А. Кожевникова // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. – С. 106–134.
73. Кондаков, И. В. Культурология: история культуры России / И. В. Кондаков. – Москва: ИКФ ОМЕГА-Л, 2003. – 616 с.
74. Конт, О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении / О. Конт; пер. с фр. И. А. Шапиро. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с.
75. Костяев, А. И. Алфавиты и коды культуры. Palestina. Roma: монография / А. И. Костяев. – Москва: Спутник+, 2004. – 102 с.

76. Кузьмин, Д. В. Русская поэзия в начале 21 века / Д. В. Кузьмин // РЕЦ. – 2008. – № 48. – С. 12.
77. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 33–43.
78. Ларин, Б. А. Эстетика слова и язык писателя: избранные статьи / Б. А. Ларин; вступ. ст. А. Федорова. – Ленинград: Худож. лит., 1974. – 285 с.
79. Леденева, А. В. Русская символистская проза начала XX века / А. В. Леденева. – Москва: Дрофа, 2010. – С. 63–65.
80. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы / Д. С. Лихачев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 511 с.
81. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев. – Москва: Искусство, 1995. – 320 с.
82. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство, 2000. – 704 с.
83. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю. М. Лотман; вступ. ст. М. Л. Гаспарова. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 1996. – 846 с.
84. Лотман, Ю. М. Смерть как проблема сюжета / Ю. М. Лотман // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сб. произведений / сост. А. Д. Кошелев. – Москва: Гнозис, 1994. – С. 417–430.
85. Лук, А. Н. Мышление и творчество / А. Н. Лук. – Москва: Политиздат, 1976. – С. 34–36.
86. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак; пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 132–141.
87. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Стихи и проза / О. Э. Мандельштам; сост. П. Нерлер, А. Некитаев. – Москва: Арт-Бизнес-Центр, 1994. – 535 с.
88. Марков, Д. Ф. Сравнительно-исторические и комплексные исследования в общественных науках / Д. Ф. Марков // Из опыта изучения истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. – Москва: Наука, 1983. – 237 с.
89. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Наука, 1961. – Т. 25, Ч. 1. – С. 116.
90. Мережковский, Д. С. Автобиографическая заметка / Д. С. Мережковский // Русская литература XX века (1890–1910). – Москва, 2000. – С. 277.
91. Минералов, Ю. И. История русской литературы: 90-е годы XX века / Ю. И. Минералов. – Москва: Владос, 2004. – 224 с.

92. Мирошкина, М.Р. Комплексное междисциплинарное исследование, проводившееся в рамках реализации проекта «Цифровое поколение / под ред. М.Р. Мирошкиной, Е.Б. Евладовой, С.В. Лобынцевой. – Москва: ФГБНУ «Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО», 2017. – 273 с.
93. Москвин, В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: URSS: Изд-во ЛКИ, 2012. – 194 с.
94. Мочульский, К.В. Александр Блок. Андрей Белый. Валерий Брюсов / К.В. Мочульский; сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – Москва: Республика, 1997. – 479 с. – (Прошлое и настоящее).
95. Некрасова, Е.А. Метафора и ее окружение в контексте художественной речи / Е.А. Некрасова // Слово в русской советской поэзии: сборник / Институт рус. яз. АН СССР; отв. ред. В.П. Григорьев. – Москва: Наука, 1975. – С. 111–131.
96. Язык. Культура. Этнос / С.А. Арутюнов, А.Р. Багдасаров, В.Н. Белоусов [и др.]; редкол.: Г.П. Нецименко (отв. ред.) и др.; Рос. АН; Науч. совет по истории мировой культуры. – Москва: Наука, 1994. – 234 с.
97. Никитин, М.Б. Метафорический потенциал слова и его реализация / М.Б. Никитин // Проблема теории европейских языков: сборник / отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева, Л.Б. Копчук. – Санкт-Петербург: Тригон, 2001. – С. 32–45.
98. Ницше, Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Ф. Ницше // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 1/2. Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг. / Ин-т философии; пер. с нем. В. Бакусева, В. Небезиной, И. Эбаноидзе [и др.]; общ. ред. И.А. Эбаноидзе. – Москва: Культурная революция, 2013. – С. 433–444.
99. Новалис, Ф.Г. Гейнрих фон Офтердинген: роман. Фрагменты. Ученики в Саисе: сб. произведений: пер. с нем. / Ф.Г. Новалис. – Москва: Евразия, 1995. – 240 с.
100. Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры / пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 68–81.
101. Ортега-и-Гассет, Х. Избранные труды: пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет; предисл. А.М. Рудкевича. – Москва: Весь мир 1997. – 704 с.
102. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони; пер. с англ. В.В. Туровского // Теория метафоры / пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 219–235.
103. Панченко А.М. и русская культура: Исследования и материалы / отв. ред. С.А. Кибальник и А.А. Панченко. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 26, 27.

104. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва: Аспект-Пресс, 1998. – С. 16.
105. Петров, М. К. История европейской культурной традиции и её проблемы / М. К. Петров. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 30–32.
106. Плотников, С. Н. Проблемы социологии художественной культуры / С. Н. Плотников. – Москва: Знание, 1980. – 64 с.
107. Попова, Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учеб. пособие / Т. В. Попова; Московский психолого-социальный ин-т. – Москва: Флинта: МПСИ, 2006. – 70 с.
108. Потебня, А. А. Теоретическая поэтика / А. А. Потебня; вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова. – 2-е изд., испр. – Санкт-Петербург: Филол. факультет СПбГУ, 2003. – 384 с. – (Классическая учебная книга).
109. Потебня, А. А. Психология поэтического и прозаического мышления / А. А. Потебня // Слово и миф: сб. произведений; подгот. текста и примеч. А. Л. Топоркова; предисл. А. К. Байбурина. – Москва: Правда, 1989. – С. 201–235.
110. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика: сборник / А. А. Потебня; вступ. ст., примеч. И. В. Иванько, А. И. Колодной. – Москва: Искусство, 1976. – 614 с.
111. Поэтические течения в русской литературе конца XIX – начала XX века: литературные манифесты и художественная практика: хрестоматия / сост. А. Г. Соколов. – Москва: Высшая школа, 1988. – 368 с.
112. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации: монография / И. В. Привалова. – Москва: Гнозис, 2005. – 469 с.
113. Пропп, В. Я. Поэтика фольклора / В. Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1998. – С. 62–65.
114. Рапацкая, Л. А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XX века) / Л. А. Рапацкая. – Москва, 2008. – С. 105, 106.
115. Ричардс, А. А. Философия риторики / А. А. Ричардс; пер. с англ. Р. И. Розиной // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 44–67.
116. Рикер, П. Живая метафора / П. Рикер; пер. с англ. М. М. Бурас, М. А. Кронгауза // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 416–434.
117. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем. Г. Риккерт. – Москва: Республика, 1998. – 410 с.
118. Розман, Н. Поэзия Серебряного века / Н. Розман // Эксмо, 2018. – 384 с.

119. Русские: монография / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – Москва: Наука, 2005. – 828 с. – (Народы и культуры).
120. Сафронова, Е. «Звезда с звездой говорит» / Е. Сафронова // Знамя. – 2012. – № 12. – С. 202–205.
121. Серль, Дж. Р. Метафора / Дж. Р. Серль; пер. с англ. В. В. Туровского // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 307–341.
122. Серебренников, Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1983. – 318 с.
123. Серебряный век русской поэзии / вступ. ст., примеч. Н. В. Банникова. – Москва: Просвещение, 1993. – 431 с.
124. Серкин, В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики / В. П. Серкин. – Москва: Пчела, 2008. – 378 с.
125. Сеченов, И. М. Избранные философские и психологические произведения / И. М. Сеченов. – Москва: Госполитиздат, 1947. – 647 с.
126. Симашко, Т. В. Как образуется метафора (деривационный аспект) / Т. В. Симашко, М. Н. Литвинова. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1993. – 218 с.
127. Скидан, А. Сильнее урана. Современная женская поэзия / А. Скидан // Воздух. – 2006. – № 3. – С. 162–178.
128. Склярская, Г. Н. Языковая метафора в толковом словаре. Проблемы семантики. Раздел 2. Языковая метафора как категория лексикологии / Г. Н. Склярская; Институт рус. яз. АН СССР. – Москва, 1988. – 54 с.
129. Склярская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская; отв. ред. Д. Н. Шмелев; Институт лингвистических исследований РАН. – Санкт-Петербург: Наука, 1993. – 150 с.
130. Современная русская литература конца XX – начала XXI века: учеб. пособие / С. И. Тимина, Т. Н. Маркова, Н. Н. Кякшто [и др.]; под ред. С. И. Тиминой. – Москва: Академия, 2011. – 384 с.
131. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. / В. С. Соловьев. – Москва: Мысль, 1988. – Т. 1. – 892 с.
132. Сорокин, П. А. Социокультурная динамика. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва, 1992. – С. 429.
133. Сохор, А. Н. Социология и музыкальная культура / А. Н. Сохор. – Москва: Советский композитор, 1975. – 202 с.
134. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. – 407 с.
135. Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира: монография / И. А. Стернин, З. Д. Попова. – 3-е изд., доп. и испр. – Воронеж: Истоки, 2003. – 59 с.

136. Стоянова, Е. В. Соматический код культуры в языковой картине мира (фразеологический аспект) / Е. В. Стоянова // Балканская русистика. Исследования. – София, 2002. – С. 179–195.
137. Телия, В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: сборник / ред. Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова [и др.]. – Москва: Наука, 1988. – С. 173–204.
138. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация: в 2 кн. Кн. 2. Языковая номинация: виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1977. – С. 129–222.
139. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты: монография / В. Н. Телия. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
140. Теория метафоры: сборник / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; авт. примеч. М. А. Кронгауз. – Москва: Прогресс, 1990. – 511 с.
141. Туралина, Н. А. Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре / Н. А. Туралина. – Белгород: Изд-во Белгородского гос. ун-та, 2001. – 75 с.
142. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт; пер. с англ. А. Д. Шмелева // Теория метафоры / пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 82–109.
143. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой. – Санкт-Петербург: А-сэд, 1994. – 407 с.
144. Флиер, А. Я. Культурогенез: монография / А. Я. Флиер. – Москва: Изд-во Рос. ин-та культурологии, 1995. – 128 с.
145. Флоренский, П. А. Сочинения в 4 т. / П. А. Флоренский; общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. – Москва: Мысль, 1994. – Т. 1. – 797 с.
146. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 608 с.
147. Франк, С. Л. Реальность и человек: метафизика человеческого бытия / С. Л. Франк. – Москва: АСТ, Хранитель, 2007. – 383 с.
148. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. – Москва: Лабиринт, 1997. – 448 с.
149. Фрэнклер, Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэнклер; пер. с англ. М. К. Рыклина. – Москва: Политиздат, 1980. – 831 с.

150. Хамитова, Э.Р. Лингвокультурологический аспект словаря метафор / Э.Р. Хамитова // Русский язык: Исторические судьбы и современность. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 355, 356.
151. Харченко, В.К. Функции метафоры: учеб. пособие / В.К. Харченко. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. – 88 с.
152. Хахалова, С.А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры: монография / С.А. Хахалова. – 2-е изд., испр. и доп. – Иркутск: Иркутский гос. лингвист. ун-т, 2011. – 292 с.
153. Хренов, Н.А. Культура в эпоху социального хаоса / Н.А. Хренов. – Москва: Едиториал УРСС, 2002. – С. 17.
154. Хренов, Н.А. Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / отв. ред. Н.А. Хренов. – Москва: Наука, 2002. – С. 14.
155. Хованская, З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения / З.И. Хованская. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. – 428 с.
156. Цукерман, В.С. Музыка и слушатель. Опыт социологического исследования / В.С. Цукерман. – Москва: Музыка, 1972. – 204 с.
157. Чавчавадзе, Н.З. Культура и ценности / Н.З. Чавчавадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1984. – 171 с.
158. Черданцева, Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах / Т.З. Черданцева // Метафора в языке и тексте. – Москва: Наука, 1988. – С. 78–92.
159. Широкогоров, С.М. Этнос: исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / С.М. Широкогоров. – Москва: Академия фундаментальных исследований: Либроком, 2012. – 138 с.
160. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем., вступ. ст. и прим. К.А. Свасьяна. – Москва: Наука, 1993. – 592 с.
161. Шубарт, В. Европа и душа Востока / В. Шубарт; пер. с нем З.Г. Антипенко, М.В. Назарова. – Москва: Эксмо, 2003. – 480 с.
162. Эванс-Причард, Э. История антропологической мысли / Э. Эванс-Причард; пер. с англ. А.Л. Елфимова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – Москва: Вост. лит., 2003. – 358 с.
163. Эко, У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. В. Резник, А. Погоняйло. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 416.
164. Эпштейн, М.Н. Постмодернизм в России / М.Н. Эпштейн. – Москва: Изд-во Р. Элинина, 2000. – 368 с.

165. Эткинд, Е.Г. Психопоэтика / Е.Г. Эткинд. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2005. – 704 с.
166. Якобсон, Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / Р.О. Якобсон; пер. с англ. Н.В. Перцова // Теория метафоры / пер. под ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. – Москва: Прогресс, 1990. – С. 110–132.
167. Яновский, Р.Г. Наука, мировоззрение, перестройка: пять проблем / Р.Г. Яновский. – Москва: Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, 1990. – 187 с.
168. Aarts. Metaphor and Non-Metaphor: the Semantics of Adjective-Noun Combinations / Aarts, M. G. Jan, J. P. Calbert // Max Niemeyer Verlag. – Tübingen, 1979. – 240 p.
169. Aitchison, J. Words in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon / J. Aitchison. – Blackwell Publishers Ltd., Oxford UK, 1994. – 290 p.
170. Anderson, J.R. Cognitive psychology and its implications / J.R. Anderson. – USA, W.N. Freeman and Company, 1995. – 519 p.
171. Beard, R. Lexeme-morpheme base morphology: a general theory of inflection and word formation / R. Beard. – New York: State University of New York Press, 1995. – 433 p.
172. Brederode, T. van. Collocation Restrictions Frames and Metaphor / T. van Brederode. – Amsterdam, 1995. – 155 p.
173. Cruse, A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics / A. Cruse. – New York: Oxford University Press, 2000. – 424 p.
174. Mamedaliyev, Z. Philosophy of Cognitive Science // XXI st World congress of philosophy / Z. Mamedaliyev. – Istanbul: Istanbul Convention and Exhibition Center, 2003. – 245 p.

Диссертации

175. Акишина, Е.О. Метафора как форма выражения философских идей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Акишина Елена Олеговна. – Омск, 2009. – 172 с.
176. Демченко, В.И. Метафора и симулякр как средства конструирования культурной реальности современного общества: дис. ... канд. филос. наук: 23.00.01 / Демченко Владимир Иванович. – Ставрополь, 2009. – 160 с.
177. Ермоленко, Г.А. Язык культуры как знаковая система: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Ермоленко Галина Алексеевна. – Краснодар, 2007. – 349 с.
178. Колючкин, Д.В. Ценностные аспекты поэтической метафоры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Колючкин Денис Валерьевич. – Челябинск, 2005. – 149 с.

179. Маркова, Т.Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века: В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин: дис. ... д-ра филол. наук / Маркова Татьяна Николаевна. – Екатеринбург, 2003. – 379 с.

180. Сайко, Е. А. Культур-диалог в переходные эпохи: от Серебряного века к современности: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Сайко Елена Анатольевна. – Москва, 2006. – 336 с.

181. Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Юрков Евгений Ефимович. – Санкт-Петербург, 2012. – 348 с.

182. Яковлева, Т. А. Культура и культурология в хронотопе переходности: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Яковлева Татьяна Анатольевна. – Челябинск, 2004. – 192 с.

Авторефераты диссертаций

183. Букирева, Т. А. Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Букирева Татьяна Анатольевна. – Краснодар, 2000. – 145 с.

184. Дзуцева, Н. В. Русская поэзия 1910–1920-х годов в аспекте пост-символизма: Проблемы эстетики и поэтики: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Дзуцева Наталья Васильевна. – Иваново, 1999. – 43 с.

185. Коноплева, Н. А. Гендерные основания творческой деятельности и человека творческого в культуре: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 / Коноплева Нина Алексеевна. – Владивосток, 2012. – 40 с.

186. Новикова, М. Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Новикова Марина Львовна. – Москва, 1983. – 32 с.

187. Свирепо, О. А. Метафора как код культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 23.00.01 / Свирепо Оксана Анатольевна. – Ростов-на-Дону, 2002. – 28 с.

Электронные ресурсы

188. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийар // Lib.ru: [сайт]. – URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BODRIJAR/silent.txt> (дата обращения: 9.10.2020).

189. Современная российская поэзия: [сайт]. – URL: <http://modernpoetry.ru/> (дата обращения: 17.11.2019).

190. Буйда, Ю. Опыт рецензии: оценка современной русской литературы / Ю. Буйда // Все для школы: [сайт]. – URL: <http://www.rlspace.com/opyt-recenzii-ocenka-sovremennoj-russkoj-literatury/> (дата обращения: 14.12.2020).

191. Культурный код // Энциклопедия культурологии: [сайт]. – URL: dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1797/%D0%9A%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9#sel=3:1,3:1 (дата обращения: 19.11.2020).
192. Маслова, В. А. Лингвокультурология / Н. К. Маслова // Лингвистика: [сайт]. – URL: <http://www.helpforlinguist.narod.ru/200110N0057/MaslovaVA.html> (дата обращения: 09.09.2020).
193. Межуев, В. М. Идея культуры: очерки по философии культуры / В. М. Межуев // Культурология: [сайт]. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=444326> (дата обращения: 13.09.2020).
194. Оцуп, Н. А. Николай Гумилев: жизнь и творчество / Н. А. Оцуп // cyberleninka: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/96-04-005-otsup-n-a-nikolay-gumilev-zhizn-i-tvorchestvo-per-s-frants-l-allena-pri-uchastii-s-nosova-spb-logos-199> (дата обращения: 30.09.2020).
195. Перевезенцев, С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа / С. В. Перевезенцев // Слово: образовательный портал: [сайт]. – URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/48222.php> (дата обращения: 18.09.2020).
196. Потапчук, Е. Ю. Роль метафоры в формировании политического имиджа / Е. Ю. Потапчук // Политика: [сайт]. – URL: <https://image-of-russia.livejournal.com/18108.html> (дата обращения: 17.12.2020).
197. Тайлор, Э. Б. Первобытная культура / Э. Б. Тайлор // Культурология: [сайт]. – URL: http://az.lib.ru/t/tajlor_e_b/text_1871_primitive_culture.shtml (дата обращения: 14.12.2020).
198. Творческий путь А. Блока. «Трилогия вочеловечения» // Studfiles: [сайт]. – URL: <https://studfiles.net/preview/5132933/page:8/> (дата обращения: 14.12.2020).
199. Теоретическая поэтика А. А. Потебни. Понятие внутренней формы слова // Studopedia: [сайт]. – URL: https://studopedia.ru/7_178014_teoreticheskaya-poetika-aa-potebni-ponyatie-vnutrenney-formi-slova.html (дата обращения: 14.12.2020).
200. Уайт, Л. Понятие культуры / Л. Уайт // Культурология: [сайт]. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2009/white.pdf> (дата обращения: 15.12.2020).
201. Уфимцев, Р. Хвост ящерики. Метафизика метафоры / Р. Уфимцев // Когнитивист: [сайт]. – URL: <http://xn--h1aaggskd7g.xn--p1ai/storage/15598c4c82cd56024b714f75883acfc2.pdf> (дата обращения: 19.11.2020).
202. Фрейд, З. Психоаналитический подход к культуре. Основные положения психоанализа З. Фрейда. / З. Фрейд // Культурология: [сайт]. –

URL: https://itiatu.ru/ond/kulturologiya/podhod_k_kulture_osnovnye_polozheniya_psihoanaliza_z_freyda (дата обращения: 20.11.2020).

203. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко // docs.google: [сайт]. – URL: <https://docs.google.com/viewer?a=v&pid=sites&srcid=ZGVmYXVsdGRvbWFpbmhzYWp0ZGxqYWZpbG9zb2ZpaXhpZDoxMmNINjJINjIzMjNkNWFl> (дата обращения: 20.10.2020).

204. Федеральная программа «Сохранение и развитие культуры и искусства» / Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://viewer.rusneb.ru/ru/rsl01007836945?page=5&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 27.10.2020).

205. Ходасевич, В. О Символизме / В. Ходасевич // Lib.ru: [сайт]. – URL: http://az.lib.ru/h/hodasewich_w_f/text_0038.shtml (дата обращения: 19.11.2020).

Статьи

206. Авеличев, А.К. Заметки о метафоре / А.К. Авеличев // Вестник МГУ. Серия: Филология. – 1973. – № 1. – С. 18–29.

207. Арутюнова, Н.Д. Синтаксические функции метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 3. – С. 251–262.

208. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1978. – Т. 37, № 3. – С. 333–343.

209. Батурина, Г.И. Русский этнос: сохранение и развитие его языка и духовности / Г.И. Батурина, Т.Ф. Кузина // Этническое и языковое самосознание: матер. конф. – Москва: Ин-т народов России, 1995. – С. 11–12.

210. Вардзелашвили, Ж.А. О двойкой сущности метафоры / Ж.А. Вардзелашвили // Научные труды Тбилисского государственного университета. Серия: Филология. – 2002. – Вып. IV. – С. 66–77.

211. Вольф, Е.М. Прилагательное в тексте / Е.М. Вольф // Лингвистика и поэтика: сб. науч. ст. / отв. ред. В.П. Григорьев; Ин-т русского языка АН СССР. – Москва: Наука, 1979. – С. 118–135.

212. Городецкая, Л.А. Использование ассоциативного эксперимента в культурологии: результаты сопоставительного исследования / Л.А. Городецкая // Вопросы культурологии. – 2009. – № 6. – С. 22–25.

213. Иванова, Н.Б. Гибель Богов: статьи / Н.Б. Иванова // Огонек. – 1991. – Вып. 48. – 48 с.

214. Игнатъев, А.В. Своеобразие российской внешней политики на рубеже XIX–XX веков / А.В. Игнатъев // Вопросы истории. – 1998. – № 8. – С. 32–43.

215. Исаева, М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува / М. Исаева // Знание. Понимание. Умение. – 2011. – № 3. – С. 290–295.
216. Кармин, А.С. Основы культурологии: морфология культуры / А.С. Кармин // Культурология: [сайт]. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/698597/> (дата обращения: 17.12.2020).
217. Касьянова, Е.А. Толерантность в современной социокультурной ситуации в России / Е.А. Касьянова // Вестник Тамбовского университета. – 2008. – № 4. – С. 81–87.
218. Кафели, И.Ф. Судьбы культуры 20 века / И.Ф. Кафели // Социально-политический журнал. – 1996. – № 6. – С. 138.
219. Коротков, Н.З. Переходные периоды в смене культурных эпох: сб. науч. ст. / Н.З. Коротков. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2001. – С. 39.
220. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 50–57.
221. Ларин, Б.А. О филологии близкого будущего / Б.А. Ларин // Филологические науки: Научные доклады высшей школы. – 1963. – № 1. – С. 186–196.
222. Лен, С. Древо русского стиха (концепция бронзового века) / С. Лен // Часы. – 1987. – № 66. – С. 104–140.
223. Липовецкий, М.Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса / М.Н. Липовецкий // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: ежегодник, 2006. – С. 52–85.
224. Ляпкина, Т.Ф. Духовное отчуждение современного общества: к вопросу о генезисе // Культура и цивилизация. – 2014. – № 4. – С. 19–25.
225. Ляпкина, Т.Ф. Культурное пространство как исследовательская метафора региональной культурологии / Т.Ф. Ляпкина // Региональные исследования – 2016: матер. науч.-практ. конф. (г. Москва, 25–26 мая 2016 г.). – Москва: Московский гуманитар. ун-т, 2016. – С. 32–41.
226. Мальцева, М.С. К определению термина «Лингвистический корпус» и его вариантов / М.С. Мальцева // КиберЛенинка: научная электронная библиотека: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-termina-lingvisticheskiy-korpus-i-ego-variantov> (дата обращения: 9.10.2020).
227. Маркарян, Э.С. Очерки теории культуры / Э.С. Маркарян // Научные статьи: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/e-s-markaryan-ocherki-teorii-kultury> (дата обращения: 10.11.2020).
228. Мескин, В.А. Реализм-постмодернизм в российской литературе вчера и сегодня / В.А. Мескин // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. – 2014. – № 4. – С. 123–131.

229. Рамишвили, Г. В. Языкознание в кругу наук о человеке / Г. В. Рамишвили // Вопросы философии. – 1981. – № 6. – С. 104–110.
230. Серебрякова, Ю. А. Взаимодействие национального самосознания и национальной культуры / Ю. А. Серебрякова // КиберЛенинка: научная электронная библиотека: [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-natsionalnogo-samosoznaniya-i-natsionalnoy-kultury> (дата обращения: 17.12.2020).
231. Серкин, В. П. Решение задачи о случайности/неслучайности количества групповых ассоциаций // Психодиагностика. – 2009. – № 4. – С. 315.
232. Сохраняева, Т. В. Проблема будущности культуры в теоретическом наследии П. А. Сорокина / Т. В. Сохраняева // Вестник МГТУ. – 1999. – Т. 2, № 1. – С. 3–10.
233. Степанов, Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка: сборник / Ю. С. Степанов. – Москва: Языки рус. культуры: Кошелев, 1998. – 779 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
234. Струве, Н. А. Слово о Мандельштаме / пер. Н. Ликвинцевой // Вестник РХД. – 2018. – № 1 (205). – С. 118–123.
235. Теория художественной культуры: ежегодник / отв. ред. М. Хренов. – Москва: ГИИ, 2012. – Вып. 14. – 560 с.
236. Ульман, С. С. Семантические универсалии / С. С. Ульман // Новое в лингвистике. – 1970. – Вып. 5. – С. 250–299.
237. Успенский, В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных / В. А. Успенский // Семиотика и информатика. – 1979. – Вып. 11. – С. 142–148.
238. Уфимцева, Н. В. Ассоциативный словарь как модель языковой картины мира / Н. В. Уфимцева // Вестник Иркутского гос. техн. ун-та. – 2014. – № 9 (92). – С. 340–347.
239. Флоренский, П. А. Христианство и культура / П. А. Флоренский // Журнал Московской Патриархии. – 1983. – № 4. – С. 53–57.
240. Христианство и религия // Богословский вестник. – 1907. – Т. 3, № 12. – С. 627–665.
241. Шаклеин, В. М. Этническое мышление как средство восприятия лингвокультурной картины мира / В. М. Шаклеин // Виноградовские чтения: Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: тезисы докладов науч. конф. (г. Москва, 5 февраля 1999 г.). – Москва, 1999. – С. 64, 65.
242. Шувалов, В. И. Метафора в поэтическом дискурсе / В. И. Шувалов // Филологические науки. – 2006. – № 1. – С. 56–63.

Энциклопедии и словари

243. Авилова, И. К. Словарь основных этнографических (этнологических) понятий и терминов / И. К. Авилова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2005. – 158 с.
244. Кондрашов, В. А. Новейший философский словарь / В. А. Кондрашов, Д. А. Чекалов, В. Н. Копорулина; под ред. А. П. Ярещенко. – 3-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 668 с.
245. Кононенко, Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко. – Москва: Вече, 2003. – 512 с.
246. Копорулина, В. Н. Психологический словарь / авт.-сост. В. Н. Копорулина [и др.]; под общ. ред. Ю. Л. Неймера. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 640 с.
247. Культурология. XX век: энциклопедия: в 2 т. / под ред. С. Я. Левит. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. – Т. 1. – 447 с.
248. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва: Большая рос. энциклопедия, 2002. – 709 с.
249. Муравьев, Д. П. Метафора, метафоричность / Д. П. Муравьев // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Коженикова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – 216 с.
250. Новая российская энциклопедия: в 12 т. / редкол.: А. Д. Некипелов, В. И. Данилов-Данильян, В. М. Карев [и др.]. – Москва: Энциклопедия: ИНФРА-М, 2003. – Т. 1. – 960 с.
251. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. Т. I. От стимула к реакции: ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]. – Москва: АСТ-Астрель, 2002. – 784 с.
252. Хоруженко, К. М. Культурология: энциклопедический словарь / К. М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
253. Человек // Большая Советская Энциклопедия: в 50 т. – 2-е изд. – Москва: Советская энциклопедия, 1957. – Т. 29. – С. 51.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Ассоциации

Ассоциативный эксперимент:
опрос молодёжи о восприятии культуры конца XIX – начала XX в.

Таблица П.1.1

Ассоциации к понятию «общество»

Слова-реакции к понятию «общество»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Экономическое и промышленное развитие	73	18,25
Гражданская война	52	13
Классовость общества	40	10
Бунт	35	8,75
Изменения	26	6,5
Сословия	23	5,75
Рабочий класс	19	4,75
Строительство нового государства	17	4,25
Урбанизация	15	3,75
Просвещение	14	3,5
Развитие культуры	12	3
Эмансипация	12	3
Аграрное	10	2,5
Перепись	10	2,5
Интеллигенция	10	2,5

Окончание табл. П.1.1

Слова-реакции к понятию «общество»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Народные движения	10	2,5
Воровство	7	1,75
Безграмотность	5	1,25
Рост населения	5	1,25
Крестьянское сословие	5	1,25

Таблица П.1.2

Ассоциации к понятию «Россия»

Слова-реакции к понятию «Россия»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Монархия	45	11,25
Экономическое и промышленное развитие	34	8,5
Расслоение общества	32	8
Революция	30	7,5
Кризис	29	7,25
Советский Союз	28	7
Коммунизм	25	6,25
Могущество	23	5,75
Гражданская война	20	5
Неустойчивость	18	4,5
Крестьянское сословие	16	4
Изменения	15	3,75
Буржуазия	15	3,75
Николай II	14	3,5
Урбанизация	13	3,25
Выход из стагнации	12	3

Окончание табл. П.1.2

Слова-реакции к понятию «Россия»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Аграрное государство	10	2,5
Романовы	5	1,25
Пролетариат	5	1,25
Бедность	3	0,75
Французский язык	3	0,75
Культурное развитие	2	0,5
Простор	1	0,25
Монополия	1	0,25
Крах империи	1	0,25

Таблица П.1.3

Ассоциации к понятию «настроение»

Слова-реакции к понятию «настроение»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Недовольство	86	21,5
Революционное	56	14
Подавленное	45	11,25
Страх	39	9,75
Эмоциональный подъём	35	8,75
Чувство неопределенности	29	7,25
Бунтарское настроение	24	6
Отчаяние	21	5,25
Смуты	17	4,25
Вера в будущее	12	3
Терпение	12	3
Заговорческое настроение	10	2,5
Оппозиционное настроение	6	1,5
Противоречивое	5	1,25
Тревожное настроение	3	0,75

Таблица П.1.4

Ассоциации к понятию «научно-технический прогресс»

Слова-реакции к понятию «научно-технический прогресс»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Автоматизация	51	12,75
Экономическое и промышленное развитие	44	11
Электрификация	40	10
Радио и телефон	39	9,75
Железная дорога	33	8,25
Культурное развитие	30	7,5
Отставание	28	7
Кинематограф	25	6,25
Освоение космоса	21	5,25
Расцвет химической промышленности	20	5
Самолет	17	4,25
Развитие производства	15	3,75
Открытия	13	3,25
Медицина	10	2,5
Развитие флота	7	1,75
Генная инженерия	5	1,25
Градостроительство	1	0,25
Оружие	1	0,25

Таблица П.1.5

Ассоциации к понятию «политика»

Слова-реакции к понятию «политика»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Реформы	75	18,75
Самодержавная монархия	56	14
Свержение монархии	42	10,5

Окончание табл. П.1.5

Слова-реакции к понятию «политика»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Напряжение	37	9,25
Революция	31	7,75
Русско-японская война	29	7,25
Империализм	24	6
Внешняя политика	22	5,5
Николай II	20	5
Неоднородность (разделение)	15	3,75
Переход к новому режиму	12	3
Экономическое и промышленное развитие	10	2,5
Крестьянское сословие	10	2,5
Образование	7	1,75
Сталин	5	1,25
Террор	3	0,75
Дальний Восток	1	0,25
Ведущая держава	1	0,25

Таблица П.1.6

Ассоциации к понятию «религия»

Слова-реакции к понятию «религия»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Православная церковь	103	25,75
Кризис	74	18,5
Веротерпимость	66	16,5
Атеизм	60	15
Ограничения	44	11
Неважно	30	7,5
Богоискательство	23	5,75

**Ассоциативный эксперимент:
опрос молодёжи о восприятии культуры конца XX – начала XXI в.**

Таблица П.1.7

Ассоциации к понятию «общество»

Слова-реакции к понятию «общество»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Кризис	43	10,75
Общественные изменения	35	8,75
Криминал	30	7,5
Бедность	30	7,5
Переход от общего к частному	28	7
Социальное неравенство	24	6
Демографический кризис	23	5,75
Недоверие	23	5,75
Развитие рыночной экономики	21	5,25
Постсоветское	20	5
Демократизация	15	3,75
Глобализация	14	3,5
Разочарование	13	3,25
Распад Советского Союза	12	3
Рост качества жизни	11	2,75
Растерянность	10	2,5
Гласность	9	2,25
ОПГ у власти	7	1,75
Конституция	6	1,5
Капитализм	6	1,5
Перестройка	5	1,25
Многонациональное	4	1
Свобода	3	0,75
Постиндустриальное	3	0,75
Дефицит	2	0,5
Смена ценностей	1	0,25
ЕГЭ	1	0,25
СНГ	1	0,25

Ассоциации к понятию «Россия»

Слова-реакции к понятию «Россия»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Кризис	45	11,25
Разруха	30	7,5
Развитие	29	7,25
Отставание	26	6,5
Перестройка	25	6,25
Сила	21	5,25
Распад СССР	19	4,75
Приватизация	17	4,25
Коррупция	16	4
Смута	15	3,75
Путин	15	3,75
Митинг	14	3,5
Конфликт в Чечне	14	3,5
Постсоветское пространство	13	3,25
Криминал	12	3
Ослабление	11	2,75
Путч	10	2,5
Терроризм	9	2,25
Эмиграция	9	2,25
Просвещение	8	2
Гласность	8	2
Лихие 90-е	7	1,75
Нестабильность	6	1,5
Новая идеология	5	1,25
Олигархическое государство	4	1
Инфляция	3	0,75
Простор	3	0,75
Упадок ценностей	3	0,75
Потеря статуса	1	0,25
Дефицит	1	0,25
Демографический кризис	1	0,25

Таблица П.1.9

Ассоциации к понятию «настроение»

Слова-реакции к понятию «настроение»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Подавленное	61	15,25
Ощущение непостоянства	53	13,25
Недовольство	51	12,75
Страх	40	10
Надежда, вера в будущее	35	8,75
Негативное	31	7,75
Кризисное настроение	28	7
Бунтарское	25	6,25
Позитивное	18	4,5
Скептическое отношение к власти	15	3,75
Спокойное	10	2,5
Настроение бедности и разрухи	8	2
Смута	6	1,5
Зависит от соц. принадлежности	5	1,25
Желание перемен	4	1
В XIX в. улучшение	3	0,75
Страх криминала	2	0,5
Деградация	2	0,5
Пассивное	1	0,25
Заимствование западных умонастроений	1	0,25
Чувство безысходности	1	0,25

Таблица П.1.10

**Ассоциации к понятию «научно-технический прогресс»
(телекоммуникации)**

Слова-реакции к понятию «телекоммуникации»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Стремительное развитие	40	10
Рунет	33	8,25

Окончание табл. П.1.10

Слова-реакции к понятию «телекоммуникации»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Интегральные цифровые сети	32	8
Свобода слова	32	8
Цензура	31	7,75
Популярность	30	7,5
Пропаганда	28	7
Кабельное и спутниковое ТВ	27	6,75
Мобильная связь	25	6,25
Информационная революция	21	5,25
Много мусора	20	5
Телешоу	15	3,75
Разнообразие домашней техники	12	3
Дешевые услуги	11	2,75
Цветной телевизор	10	2,5
Телеканал «Культура»	10	2,5
Разнообразие телеканалов	6	1,5
Новые возможности	5	1,25
Застой в кинематографе	5	1,25
Скорость Интернета	2	0,5
1-й и 2-й каналы	2	0,5
Компьютеризация школ	1	0,25
Новые профессии	1	0,25
«Поле чудес»	1	0,25

Таблица П.1.11

Ассоциации к понятию «политика»

Слова-реакции к понятию «политика»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Распад СССР	30	7,5
Внешняя	29	7,25
Кризис	28	7

Окончание табл. П.1.11

Слова-реакции к понятию «политика»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Путин	23	5,75
Политические реформы	23	5,75
Коррупция	22	5,5
Борьба с терроризмом	21	5,25
Улучшение экономической политики	20	5
Новая Конституция	19	4,75
Новые партии	18	4,5
Зарубежные инвестиции	18	4,5
Федеральные округа	17	4,25
Национализм	16	4
Единая Россия	15	3,75
Ухудшение экономической политики	14	3,5
Первый Президент	13	3,25
Приватизация	11	2,75
Дефолт	11	2,75
Конфликты на Кавказе	10	2,5
Потеря уважения во внешней политике	7	1,75
Новое государство	6	1,5
Антинародная политика	5	1,25
Отделение Прибалтики и Грузии	5	1,25
Кумовство	4	1
Либерализация	3	0,75
Смена власти	3	0,75
СНГ	2	0,5
Демократия	2	0,5
Дружба с КНР	2	0,5
Произвол	1	0,25
Инфляция	1	0,25
Рост доллара	1	0,25

Таблица П.1.12

Ассоциации к понятию «религия»

Слова-реакции к понятию «религия»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Свобода вероисповедания	80	20
Возрождение религии	74	18,5
Православие	68	17
Упадок	57	14,25
Строительство храмов	46	11,5
Сотрудничество церкви и государства	33	8,25
Атеизм	21	5,25
Снятие ограничений	10	2,5
Рост числа верующих	7	1,75
Далека от народа	3	0,75
Религиозное образование	1	0,25

Таблица П.1.13

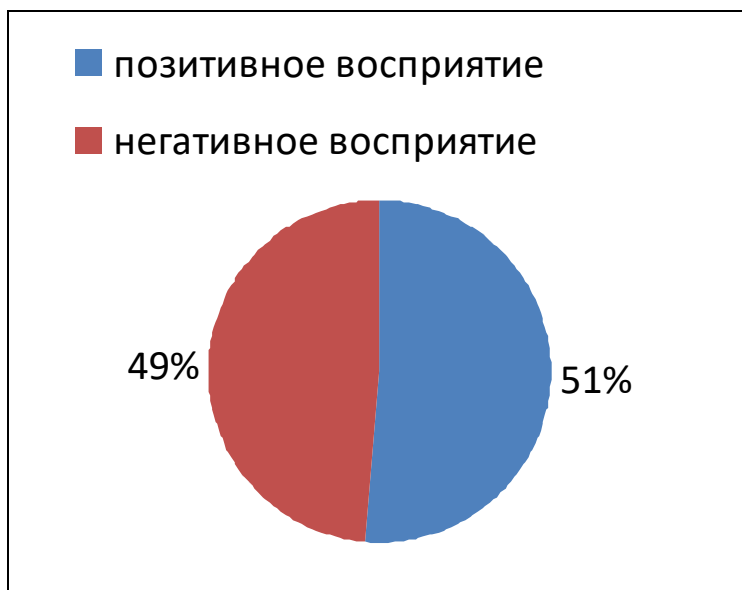
Ассоциации к понятию «спорт»

Слова-реакции к понятию «спорт»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Развитие спорта	51	12,75
Сочи (Олимпиада)	46	11,5
Рост интереса россиян	33	8,25
Спортивные организации	32	8
ЗОЖ среди населения	31	7,75
Новые виды спорта	30	7,5
Сотрудничество спорта и бизнеса	30	7,5
Допинг	27	6,75
Результаты спортсменов ухудшились	26	6,5
Неважно	23	5,75

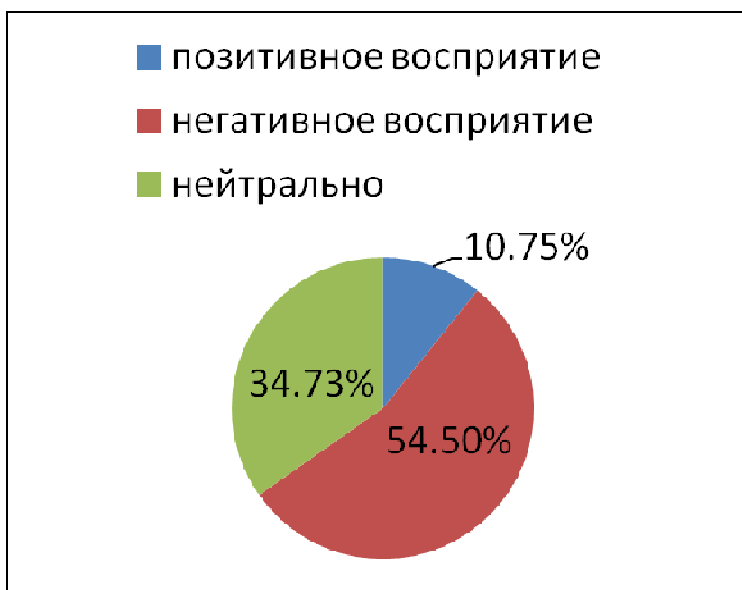
Окончание табл. П.1.13

Слова-реакции к понятию «спорт»	Количество ассоциаций в абсолютных величинах	Количество ассоциаций, %
Модно	20	5
Множество секций для детей	15	3,75
Студенческие лиги	10	2,5
Обценная лексика	7	1,75
Международные соревнования	5	1,25
Сокращение финансирования	5	1,25
Дискриминация российских спортсмен	3	0,75
Известные спортсмены	2	0,5
Коррупция	2	0,5
Уличный спорт	1	0,25
Кризис 90-х XX в.	1	0,25

Диаграммы

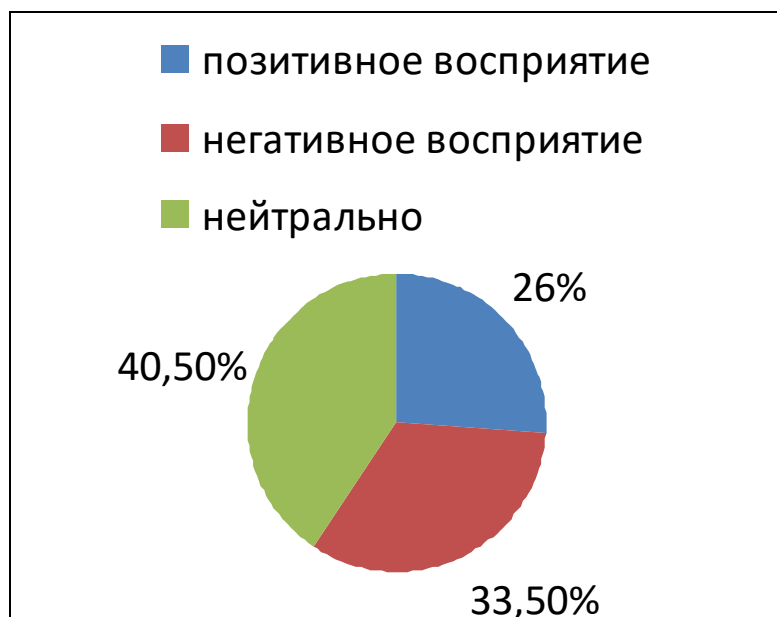

а

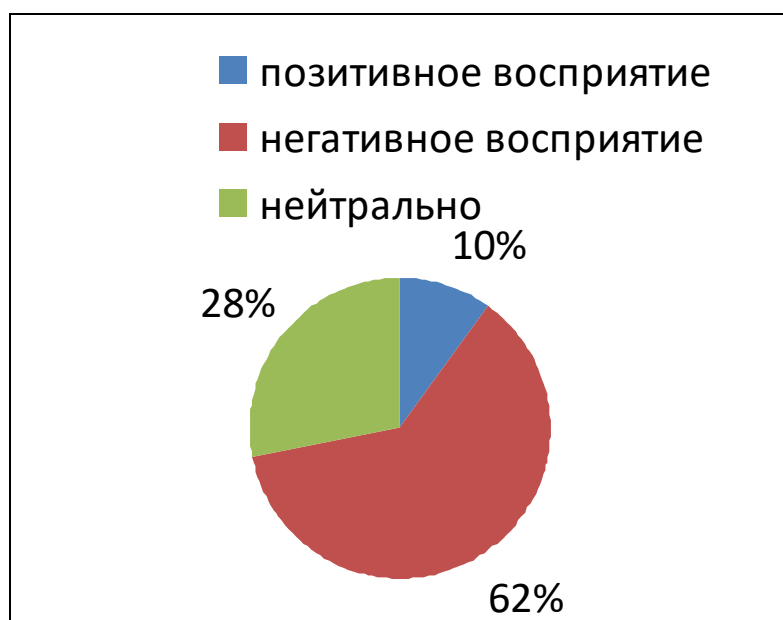

б

Рис. П.2.1. Слово-стимул «Россия»: а – начало XX в.; б – конец XX в.

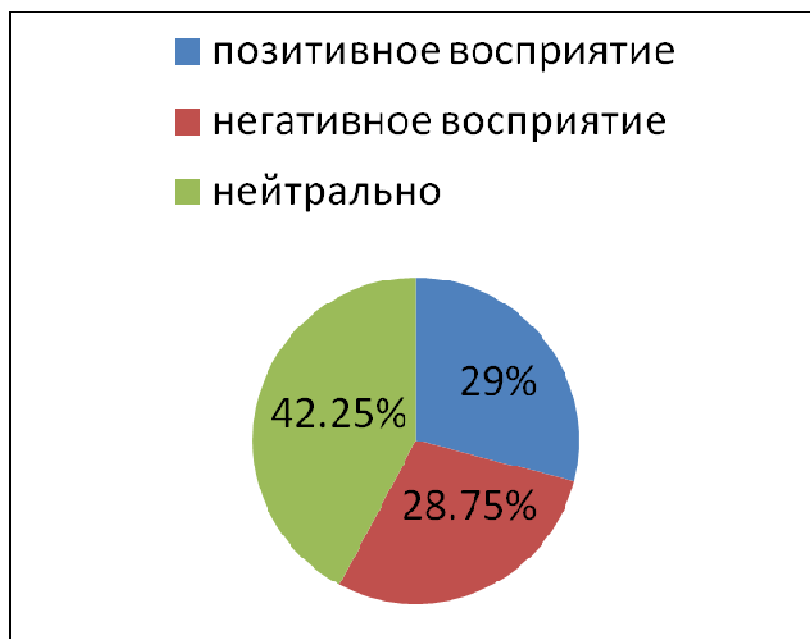

а

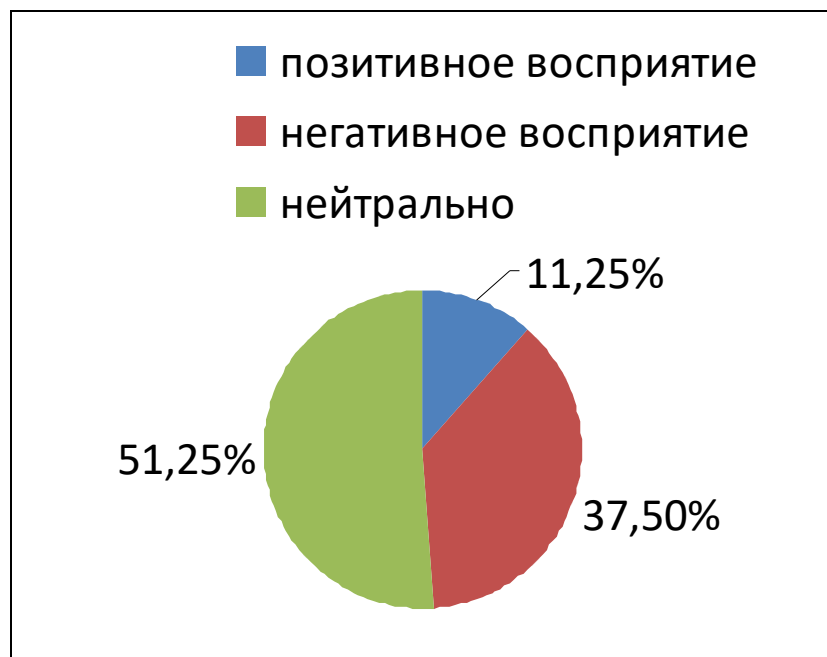

б

Рис. П.2.2. Слово-стимул «Настроение» (человека):
 а – начало XX в.; б – конец XX в.

а

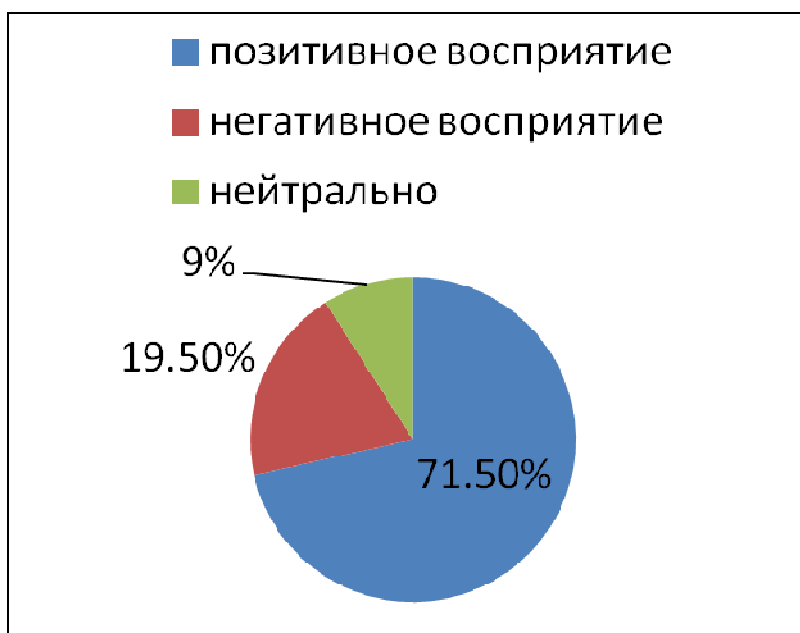

б

Рис. П.2.3. Слово-стимул «Политика»: а – начало XX в.; б – конец XX в.

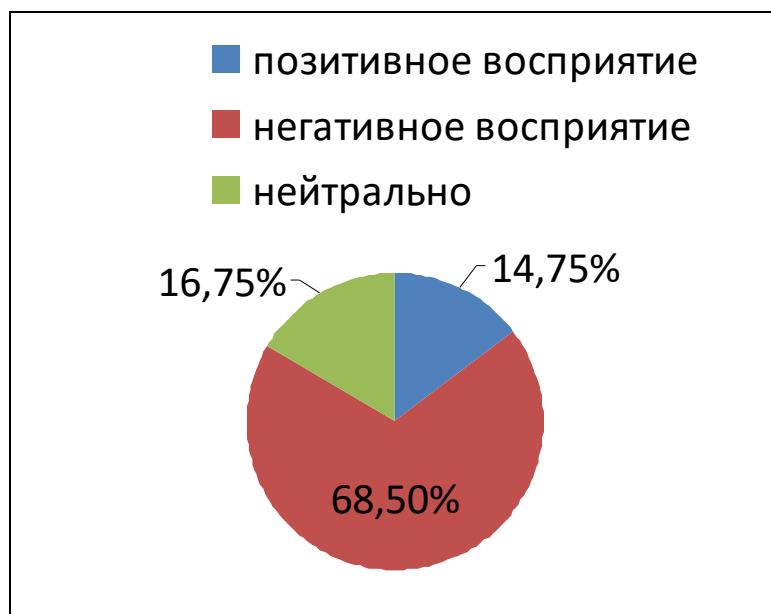

а

б

Рис. П.2.4. Слово-стимул «Религия»: а – начало XX в.; б – конец XX в.

а

б

Рис. П.2.5. Слова-стимулы «Научно-технический прогресс», «Телекоммуникации»: а – начало XX в.; б – конец XX в.

Семантическая классификация

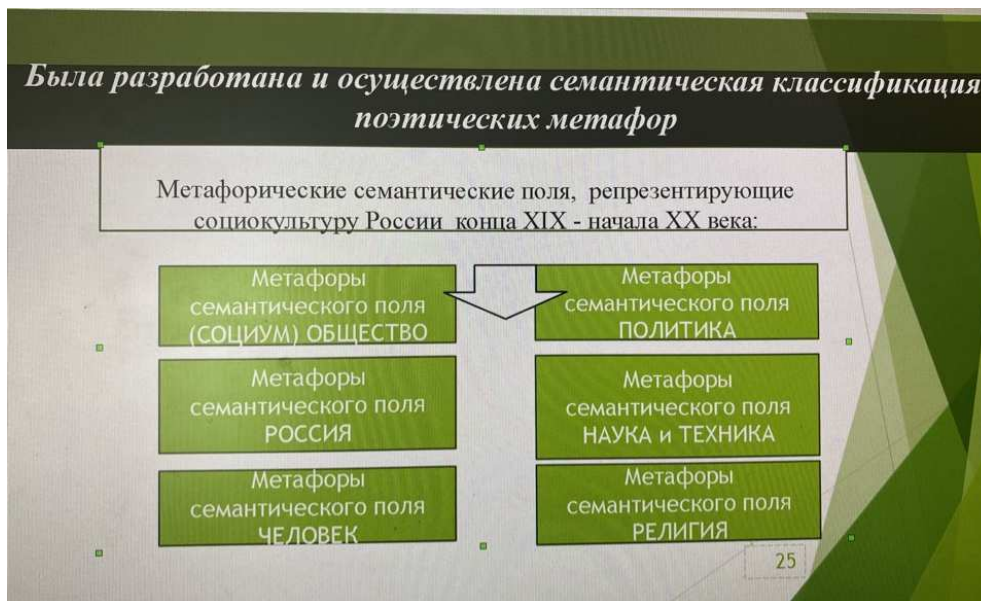

Рис. П.3.1. Семантическая классификация поэтических метафор

Метафоры семантического поля Социум (люди, народы, общество)

«Все новые и новые народы сбегались и сплетались в хороводы под грам и лязг ликующих машин» М. Волошин (в состав Советского союза вошли различные республики, жители которых являлись представителями разных культур и религий, таким образом, стало возможным создать могучую державу, построить города и заводы, где создавалась современная техника и разнообразная продукция).

Реакции на слово-стимул – Общество (Народы)

Индустриализация	18,25
Гражданская война	13
Классовость общества	10
Рабочий класс	4,75
Строительство нового государства	4,25
Урбанизация	3,75

Рис. П.3.2. Метафоры семантического поля «Социум» (люди, народы, общество)

Метафоры семантического поля **Россия**

▶ «И белые, и красные Россию плечом к плечу взрывают, как волны, – в одном ярме – сохой междоусобья»; «Во имя грозного закона братоубийственной войны и воспалены, и красны пылают гневные знамена» М. Волошин

▶ Слово-стимул – **Россия**

▶ Слова реакции в %:

Монархия	11,25
Индустриализация	8,5
Расслоение общества	8
Революция	7,5
Кризис	7,25
Советский союз	7
Коммунизм	6,25
Могущество	5,75
Гражданская война	5
Неустойчивость	4,5

Рис. П.3.3. Метафоры семантического поля «Россия»

Метафоры семантического поля **Человек (настроение)**

▶ «Это пляшет российская грусть, на солнце смывая пятна» С. Есенин.

▶ Слово-стимул – **Человек(настроение)**

▶ Слова-реакции в %:

Недовольство	21,5
Революционное	14
Подавленное	11,25
Страх	9,75
Эмоциональный подъем	8,75
Неопределенность	7,25
Бунт	6
Отчаяние	5,25
Смуты	4,25
Вера	3
Терпение	3
Заговор	2,5

Рис. П.3.4. Метафоры семантического поля «Человек» (настроение)

Метафоры семантического поля **Религия**

- ▶ «Смывай с несчастного народа позор острогов и церквей»
С. Есенин
- ▶ Слово-стимул – Религия
- ▶ Слова-реакции в %:

Православная церковь	25,75
Кризис	18,5
Веротерпимость	16,5
Атеизм	15
Ограничения	11
Неважно	7,5
Богоискательство	5,75

Рис. П.3.5. Метафоры семантического поля «Религия»

Метафоры семантического поля **Политика**

- ▶ «Когда октябрь орудийных бурь по улицам кровью лился»
В. Маяковский
- ▶ Слово-стимул – Политика
- ▶ Слова-реакции в %:

Реформы	18,75
Самодержавная монархия	14
Свержение монархии	10,5
Напряжение	9,25
Революция	7,75
Русско-японская война	7,25
Империализм	6
Внешняя	5,5
Николай 2	5
Неоднородность (разделение)	3,75
Переход к новому режиму	3

Рис. П.3.6. Метафоры семантического поля «Политика»

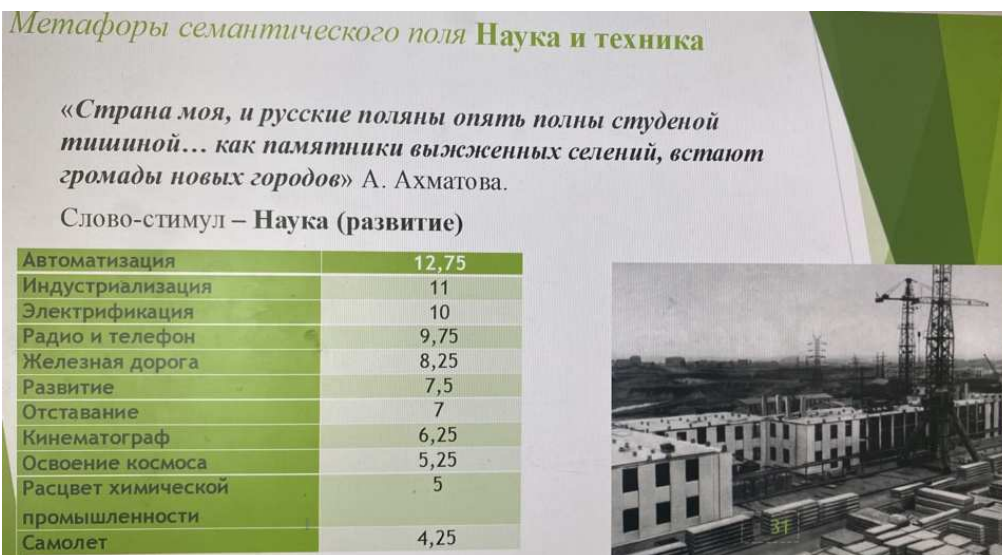

Рис. П.3.7. Метафоры семантического поля «Наука и техника»

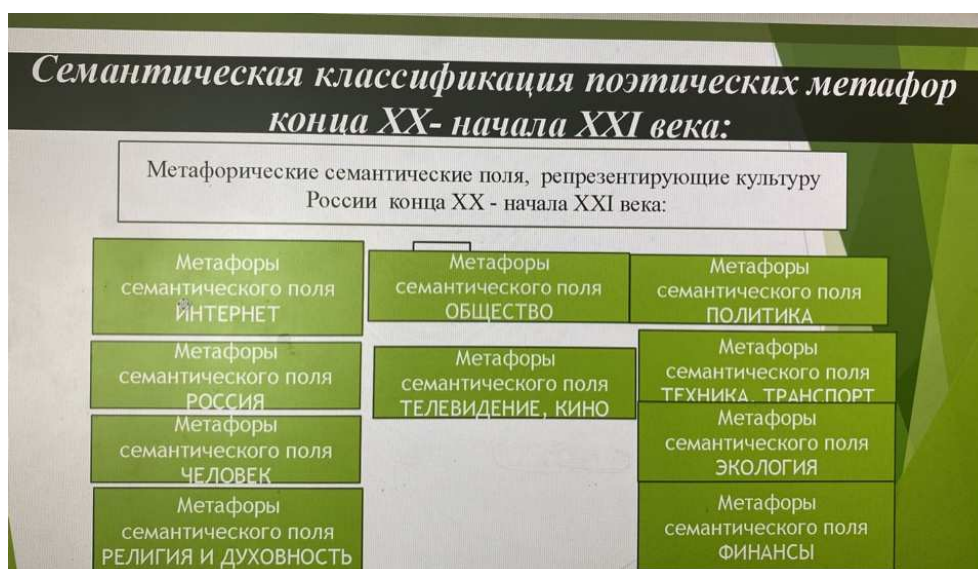

Рис. П.3.8. Семантическая классификация поэтических метафор конца XX – начала XXI в.

Метафоры семантического поля *Социум*

- ▶ *«А дальше баррикады, танки, героев жуткое число... три дня трясло нас в лихманке»* И. Иртеньев
- ▶ Слово-стимул – Социум (общество)
- ▶ Слова-реакции в %:

Кризис	10,75
Изменения	8,75
Криминал	7,5
Бедность	7,5
Переход от общего к частному	7
Социальное неравенство	6
Демографический кризис	5,75
Постсоветское	5
Демократизация	3,75
Глобализация	3,5
Разочарование	3,25
Распад Советского Союза	3

Рис. П.3.9. Метафоры семантического поля «Социум»

Метафоры семантического поля *Человек (настроение)*

- ▶ *«На дворе и позор, и разруха, и дележка на властном пиру»... «рвется жизнь по всем возможным швам, кровью сердца мысли разогреты»* И. Лисянская
- ▶ Слово-стимул – Человек (Настроение)
- ▶ Слова-реакции в %:

Подавленное	15,25
Непостоянство	13,25
Недовольство	12,75
Страх	10
Надежда	8,75
Негативное	7,75
Кризис	7
Бунтарское	6,25
Скептицизм к власти	3,75
Обнищание населения	2

Рис. П.3.10. Метафоры семантического поля «Человек» (настроение)

Метафоры семантического поля *Религия и духовность*

▶ «Мир крещёный удивился, как со всею простотой в нашем доме поселился католический святой» И. Иртеньев

▶ Слово-стимул – Религия

▶ Слова-реакции в %:

Свобода вероисповедания	20
Возрождение религии	18,5
Православие	17
Упадок	14,25
Строительство храмов	11,5
Сотрудничество церкви и государства	8,25

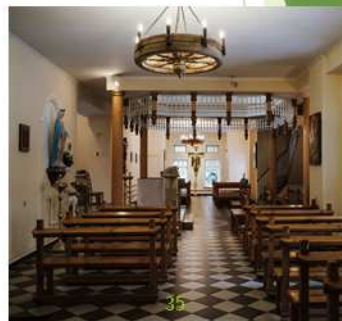

Рис. П.3.11. Метафоры семантического поля «Религия и духовность»

Метафоры семантического поля *Политика*

▶ «Злой Кавказ кусает удила, имамов грозных дух в нем снова закипает и терькой коноплей джигитов окрыляет» Т. Кибиров;

▶ Слово-стимул – Политика

▶ Слова-реакции в %:

Распад СССР	7,5
Внешняя	7,25
Кризис	7
Путин	5,75
Реформы	5,75
Коррупция	5,5
Борьба с терроризмом	5,25
Единая Россия	3,75
Кризис экономики	3,5
Дефолт	2,75
Конфликты на Кавказе	2,5

Рис. П.3.12. Метафоры семантического поля «Политика»

Метафоры семантического поля

Телевидение, кино

▶ «Атлас нежнейшей кожи подойдет как раз рекламе «Лореаль» и мыла «Фриско»... прыжки через канаву - «Адидас» использовать бы мог почти без риска. А ласковость и резвость - только «Вискас» Т. Кибиров.

▶ Слово-стимул - Телевидение

▶ Слова-реакции в %:

Стремительное развитие	10
Рунет	8,25
Интегральные цифровые сети	8
Свобода слова	8
Популярно	7,5
Пропаганда	7
Кабельное и спутниковое ТВ	6,75
Информационная революция	5,25
Много мусора	5
Телешоу	3,75

Рис. П.3.13. Метафоры семантического поля «Телевидение, кино»

Научное издание

Антипова Светлана Сергеевна
Коноплёва Нина Алексеевна

**ПОЭТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ФОРМА
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРЕХОДНЫХ ЭПОХ В ВОСПРИЯТИИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ**

Монография

Главный редактор Л. Е. Стрикаускас
Редактор И. Г. Шабунина
Компьютерная верстка М. А. Портновой

Подписано в печать 13.04.2026. Формат 70 ×100/16
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,80
Уч.-изд. л. 12,40. Заказ 188

Издательство Владивостокского государственного университета
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в ресурсном информационно-методическом центре ВВГУ
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41

ISBN 978-5-9736-0791-3

9 785973 607913